

1 2011
30964 к

Б. ХАСАНОВ

азахско-
русское
художественно-
литературное
двуязычие

Б. ХАСАНОВ

*К*АЗАХСКО-

РУССКОЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-

ЛИТЕРАТУРНОЕ

ДВУЯЗЫЧИЕ

АЛМА-АТА «РАУАН» 1990

ББК 81.2—9
X 24

Рецензент Э. Д. СУЛЕЙМЕНОВА,
канд. филол. наук, доцент

Хасанов Б.

X 24 **Казахско-русское художественно-литературное
двуязычие.** — Алма-Ата: Рауан, 1990. — 192 с.

ISBN 5—625—00516—8

В книге освещается социальная сущность двуязычия, раскрывается роль русского языка в жизни казахского народа, важнейшие проблемы взаимовлияния и взаимообогащения русского и казахского языков. Центральное место в книге отводится вопросам функционирования казахско-русского двуязычия в сфере художественной литературы.

Адресована преподавателям вузов, научным работникам, студентам-филологам, а также всем, кто интересуется проблемами отношений наций и народов в процессе развития национальных языков и двуязычия.

X 4602020400—139
404(05)—90

252—8

177266

ББК 81.2—9

ISBN 5—625—00516—8

© Издательство «Рауан», 1990.

ВВЕДЕНИЕ

Отличительной чертой современного общественного процесса по праву можно назвать обостренное чувство всеобщей взаимосвязанности и взаимообусловленности материальной и духовной жизни людей, в попытках познать и осмыслить которое все больший авторитет завоевывают идеи и формы гуманитарного — культурно-исторического и нравственно-эстетического — освоения действительности. В этом отношении интереснейший и пока малоизученный опыт представляет беспрецедентный в мировой истории феномен федеративного сосуществования советских народов, объединенных в Союз Советских Социалистических Республик.

Гарантией поступательного и жизнеспособного развития советского общества служили и служат не только общность исторических корней и классовых интересов людей, не только содружество советских наций и народностей в политической, идеологической, экономической сферах, но единство традиций и ориентиров культурного взаимодействия и взаимообогащения. Одна из ведущих ролей в этом процессе приходится на каналы художественно-литературных взаимосвязей, интегрирующую функцию и гуманитарную ценность которых трудно переоценить. Кроме необъятного духовного содержания, художественная литература обладает еще и конкретным материальным выражением: своими строевыми единицами, а также способами их организации. Таким строительным материалом в литературе является, как известно, язык, который, актуализируясь в письменной речи, фиксируется в виде литературных текстов.

Многоликий мир художественной литературы с незапамятных времен притягивал к себе любознательные умы, извечно стремившиеся постичь магию художественного слова. Не случайно поэтому за время существо-

вания филологии как специальной отрасли знания о природе и сущности слова успело сложиться неисчисли-
мое множество научных подходов, школ и направлений,
исследующих тот или иной аспект функционирования
языковых единиц.

Предпринимаемый в настоящем исследовании под-
ход — традиционный и нетрадиционный одновременно.
Традиционный потому, что всякое научное исследование
должно опираться на уже известный теоретический и
практический опыт, достигнутый в рамках устойчивых
научных дисциплин, в данном случае — литературоведения
и лингвистики. Нетрадиционный потому, что объект
изучается с качественно новой точки зрения — социол-
лингвистической, со всеми ее атрибутами как науки.
Если к тому же учесть, что социоллингвистика вообще
молодая наука, то нет ничего удивительного в том, что
она рассматривает явления с привлечением самых раз-
личных, но главное — социально обусловленных харак-
теристик.

Двуязычие как таковое имеет относительно богатую
историю исследования. Но на сегодняшний день оно
изучается прежде всего как языковая сущность, как
одно из проявлений повседневного языкового быта.
Однако помимо бытового двуязычия существуют и дру-
гие типы, в том числе — художественное двуязычие как
высшая форма двуязычия. Чтобы убедиться в наличии
разных уровней культуры пользования двумя языками,
обратимся к данным сравнительного анализа.

1. Бытовое двуязычие (БД) служит прежде всего
целям **взаимопонимания** в межличностном общении; ху-
дожественное двуязычие (ХД) используется писателя-
ми в **эмоционально-экспрессивных** целях. Следовательно,
БД выполняет **информационную функцию**, а ХД — пре-
жде всего **эстетическую**.

2. БД «**все возрасты покорны**», а в ХД, как правило,
могут пробовать силы только **взрослые**.

3. При БД степень усвоенности языков находится в
диспропорции. Значит, бытовое значение языков у дву-
язычных индивидов бывает различным. При ХД **уровень
знания языков — пропорционален, без интерферентных
явлений**. Так, например, фонологическая интерферен-
ция свойственна БД, но отнюдь не ХД (здесь она выра-
жается в диалогах персонажей).

Смешение элементов двух и более языков в условиях

БД происходит **вынужденно, спонтанно и в силу недостаточности знания** того или иного языка (языков), а в условиях ХД — происходит целенаправленно, **по мере необходимости**.

4. В БД применяется народная обиходная, устно-разговорная форма речи, которая чаще всего функционирует не в сфере литературного языка, а на уровне говоров, диалектной речи, просторечий или диалектно-литературном уровне двух языков. ХД, как правило, выступает на уровне письменно-литературной разновидности языков и не исключает использования диалектных, жаргонных, просторечных и т. п. элементов (чаще всего в диалогах). БД представляет собой стабильную, шаблонную, повседневную, непринужденную речь, в ней нельзя устранить то, что уже сказано, а ХД — обработанная речь, в отличие от БД, здесь еще можно внести коррективы.

Для БД характерно **смешение элементов** двух (и более) языков, которое используется для облегчения общения. Как стилистический прием подобное смешение, по мере надобности, вводится в художественное произведение, и в таком случае оно может получить двуязычный характер.

5. Носителей ХД называют **авторами**, такое понятие к БД неприемлемо. Бытовым билингом может быть любой член общества, представитель каждой национальности, чего не скажешь в отношении ХД, ибо в нем требуется, кроме знания языка, еще и то, что присуще не всем — **художественное дарование**.

Поэтому БД широко распространяется на всех членов общества, а ХД — только на образованный круг. Бытовыми билингвами могут быть (и это важно!) и неграмотные, а художественными билингвами — **только грамотные**, причем — **высокообразованные, имеющие большой жизненный опыт**.

Для БД характерна диада (говорящий, слушающий), а для ХД — «одно лицо» (писатель), но слушающий выступает здесь как читатель.

6. В ХД, когда писатель пишет на разных языках, языковые системы **могут не контактировать**, а при БД — языки между собой постоянно **контактируют**.

7. В распоряжении БД имеется **несколько каналов**, выбор которых производится говорящими и слушающими. При ХД в роли говорящего (и одновременно

слушающего) выступает писатель, его выбор ограничен, в его распоряжении только **один канал — литература**.

8. В условиях БД в пределах диады слушающий и и говорящий осуществляют двустороннюю или **разнонаправленную коммуникацию** (межличностная внутри и между социальными группами), а при ХД — нет явной диады, есть **однаправленная коммуникация** (от автора к читателю).

9. При ХД выбор кода осуществляется **на уровне языка**, а в условиях БД выбор кода — **на любом его уровне** (диалекте, разговорно-устной и литературной формах).

Таким образом, использование двуязычия в различных сферах общественной жизни имеет свои особенности. Это, так сказать, проявление двуязычия как функциональной потребности, необходимости «что-то сказать другому».

Вместе с тем двуязычие выступает как инструмент удовлетворения духовных, нравственно-эстетических потребностей личности и общества, что находит свое выражение именно в сфере художественно-литературных контактов между народами.

Как показывает опыт развития литературы народов СССР, двуязычие в художественно-литературном творчестве стало **общей и творческой необходимостью любого писателя любой национальности**, особенно представителей таких национальностей, родной язык которых не получил широкого распространения до Октябрьской революции.

Сфера художественной литературы на современном этапе характеризуется дальнейшим распространением двуязычия, фактора воздействия на всестороннее совершенствование языковой жизни и литератур многоязычных народов страны в их взаимообогащении.

Национальная культура создается и развивается не только представителями той нации, к которой она принадлежит. Так, если взять художественную литературу нашей республики, то в ней на казахском языке в разное время творили представители самых различных национальностей: татарин Сабыр Шарипов, башкир Акмолла, чеченец Абдульхамит Исаев, карачаевец Азрет Акбаев, чуваш Герман Яндуткин, немец Герольд Карлович Бельгер, турчанка (по линии отца) Зейнеп Ахметова, а уйгуры Исмаил Саттаров, Мухамет-Имин Розыбаев,

Бахавдин Рахимов писали и пишут художественные произведения на двух — родном и казахском — языках. Кроме того, из числа представителей русской национальности можно назвать имена П. Н. Распопова, Д. Минаева, А. В. Васильева, Н. Иванова и многих других, переводивших казахские поэтические и прозаические произведения на русский язык еще в дооктябрьский период.

В казахскую поэзию пришли русские по рождению Мариям Жагоркызы (Мария Егоровна Рыкина), София Алексеевна Вербицкая, Надежда Александровна Лушникова, Василий Александрович Соколов, Аркадий Комаров и др. В традиционных айтысах доморощенных акынов принимали участие представители разных национальностей и, случалось, побеждали казахов (например, Федор Снегин, отец ныне народного писателя Д. Ф. Снегина). В наши дни принимают участие в айтысах представители русской, немецкой, чувашской и др. национальностей.

Национальная культура может быть выражена и на языке другой национальности. Так, свыше 40 писателей-казахов творят только на русском языке, столько же писателей-казахов пишут и писали на двух — казахском и русском — языках. Кроме того, за рубежом есть казахские писатели, пишущие на казахскую тематику на казахском и монгольском языках (Ислам Кабыш-улы, Кахар Ойнакбаев), на казахском, уйгурском и китайском языках (например, Акбар Мажит), на казахском и китайском языках (например, Кабай).

Двуязычие, являясь мощным средством межнационального культурного общения, расширяет диапазон живой связи писателя с творчеством разных народов, с их художественной культурой и обеспечивает сочинение художественных произведений на двух языках или мастерское использование элементов другого языка.

Как показывает опыт билингвизма, в художественном творчестве более сорока казахских писателей и переводчиков двуязычие выступает как «...подспорье, добавочный ресурс словесного и образного мировоззрения»¹. Двуязычие писателю необходимо, начиная уже со сбора материала.

¹ Айгматов Ч. В соавторстве с землей и водой. Фрунзе, 1979. С. 110.

В творчестве писателя-билингва происходит органическое сочетание, «стыковка» двух культур.

В целом двуязычие, содействуя развитию национальных культур, делает духовную культуру одного народа достоянием другого народа, и в этом смысле овладение двумя языками — необходимость. Ориентир на двуязычие широко принят в творчестве писателей, и это обусловлено как развитием многоязычной советской литературы, так и многонациональностью нашего общества.

Таким образом, комплексное научно-теоретическое осмысление природы, сущности, основных закономерностей и ведущих тенденций функционирования двуязычия в сфере художественной литературы является актуальной задачей современности, разрешить которую мы и постарались на страницах настоящего исследования на материалах казахско-русского двуязычия.

ГЛАВА I

ДВУЯЗЫЧИЕ — СОЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

1. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ

О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ НАУКИ О ДВУЯЗЫЧИИ

Краеугольным камнем всей теории двуязычия должно быть **определение двуязычия и выявление его отличий от одноязычия**. Исходным пунктом в рассмотрении данной проблемы мы принимаем определение двуязычия как использование человеком двух языков в своей жизнедеятельности.

Вопрос о том, что является более распространенным — одноязычие или двуязычие, пока нельзя считать достаточно изученным и окончательно решенным. Одни ученые считают, что большинство людей владеют двумя или несколькими языками и могут пользоваться ими в зависимости от требований, предъявляемых обстановкой¹. Другие считают этот вопрос спорным. Однако двуязычие в разных сферах жизни представлено неравномерно. Так, например, можно с уверенностью сказать, что в сфере художественной литературы одноязычие распространено больше, чем двуязычие, а в быту преобладает двуязычие. Причина заключается в том, что в быту не обязательно квалифицированное владение неродным языком, здесь надо уметь оперативно объясниться с носителем другого языка. А в литературе необходимо отличное владение двумя языками. В быту двуязычие в какой-то степени принудительное, тогда как в литературе им пользуются по собственному желанию.

Несмотря на то, что одноязычие и двуязычие явления разные: первое — обычное, а второе — исключительное, они обнаруживают ряд общих свойств:

1. В социальном процессе они несут почти одну и ту же функциональную нагрузку, могут попеременно применяться в любой сфере жизни.

¹ Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 26.

2. Хотя двуязычие распространено преимущественно среди образованной части населения, оно там соседствует с одноязычием.

3. Оба явления способствуют развитию и распространению литературных форм языка.

4. И в том, и в другом случаях в механизме использования языка есть сходства и различия.

Наряду с общими чертами между одноязычием и двуязычием имеются и расхождения. При двуязычии сказывается интерферирующее влияние родного языка. Речь одноязычного писателя отличается от выступления двуязычного писателя, хотя бы по лексике, не говоря уж об артикуляционно-интонационном рисунке высказываний в условиях устного выступления. Произведение двуязычного писателя заметно отличается лексикой от произведения одноязычного автора.

Особый интерес представляет механизм перехода с языка на язык у двуязычных индивидов. Ясно одно: как не бывает индивида, выполняющего только одну роль, участвующего в единственном социальном отношении и принадлежащего к единственной социальной или иной группе, так не бывает ни одного монолингва, обладающего, строго говоря, единственным кодом, а это «предполагает наличие кодового переключения как лингвистического коррелята ролевого переключения»¹.

И в этой связи прав Р. Т. Белл (и упоминаемые им психологи): можно отвергать предположение о монолитном характере языка, он, язык, предопределяется «как своего рода «пучок кодов», из которого исполнитель роли осуществляет выбор»².

Другими словами, вопреки пониманию языка в виде гомогенного объекта, Р. Т. Беллом, на наш взгляд, верно выдвигается понятие языка «...как множества соотнесенных с ролью (и отчасти определяющих роль) кодов, группируемых в репертуар индивида, в объединенные репертуары группы, а, возможно, и в множества репертуаров формально и функционально связанных языков»³.

Одноязычный человек — широко распространен, а настоящий двуязычный индивид встречается не так уж

¹ Белл Р. Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980. С. 146—147.

² Там же. С. 147.

³ Там же.

часто. Несмотря на это, им присущи общие черты и отличия в использовании языка. Как одноязычный, так и двуязычный индивиды имеют свои коды (язык, диалект и т. д.), свое место в обществе, выступают в своих ролях в зависимости от социальной ситуации. Однако двуязычный индивид отличается большей коммуникативной компетенцией в связи с использованием им второго языка.

В любом случае, и одноязычные, и двуязычные могут знать и, естественно, использовать языки, имеющие отношение к ним, в трех планах:

- а) язык родителей (если они представляют одну языковую общность);
- б) язык одного из родителей (если они разделены по языковому признаку);
- в) язык, не имеющий отношения к этнической принадлежности родителей, т. е. язык окружающей среды или язык обучения.

В языковой практике, например, в условиях советской действительности, любой человек может считать родным любой язык, в том числе и язык, не имеющий никакого отношения к этническому происхождению его родителей.

Художественное двуязычие, как двуязычие вообще, — глубоко социальное явление, имеющее важное значение в процессе развития мировой культуры, в том числе развития языков и литератур. Проблематика двуязычия имеет собственный понятийный аппарат и методы исследования¹.

Двуязычие — многоплановое явление, в связи с чем оно признается объектом отдельной дисциплины, граничащей с множеством отраслей науки. Однако, рассматривая его с точки зрения какой-нибудь одной отрасли науки, нельзя получить надлежащего освещения этого явления. Фактические материалы делают закономерным

¹ См.: Методы билингвистических исследований. М., 1976.

Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М., 1977.

Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 1976.

Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. Теория и проблемы. М., 1976.

Белл Р. Т. Указ. соч.

Бондалетов В. Д. Социолингвистика. М., 1987.

вывод, что изучение двуязычия должно быть выделено в особую, самостоятельную дисциплину.

В феноменологии двуязычия особняком стоит художественное двуязычие. К сожалению, здесь в терминах-понятиях зачастую отсутствует четкость и определенность, поэтому необходимо надлежащее упорядочение, для чего требуется дальнейшее углубленное исследование этой стороны двуязычия.

С самого начала следует отметить следующее: говоря об использовании двух языков в сфере художественной литературы, обычно применяют три термина: **художественное, художественно-литературное** (Н. Г. Михайловская) и **художественное двуязычное творчество** (Ч. Г. Гусейнов). Все три термина заслуживают практического применения, но мы отдаем предпочтение первым двум.

«Двуязычие» и «билингвизм» — однозначны; и то, и другое как абсолютные синонимы означают попеременное использование одним и тем же лицом двух языков, в зависимости от ситуации. Термины «одноязычие» и «монолингвизм», являющиеся также синонимами, означают использование одного языка во всех ситуациях. Однако под термином «двуязычие» нередко понимают то применение двух языков, то факт владения двумя языками вообще, то наличие двух языков на какой-либо одной территории.

Под термином «многоязычие» чаще всего понимают наличие многих языков на определенной территории, а не применение одним и тем же лицом или частью народа трех или более языков. Как нам кажется, здесь явно присутствует противоборство традиционно употребляемого термина «полиглот» в отношении немногочисленного числа людей, владеющих многими языками, не употребляемыми в окружающей их среде.

Полилингв — человек, поочередно или попеременно использующий три или более языка. Полиглот — это человек, знающий много языков, но не всегда являющийся представителем общности людей, проживающих на территории, где распространено многоязычие.

На наш взгляд, под терминами «двуязычие» и «многоязычие» следует понимать не мертвый факт знания языков, — для социальной лингвистики важна, прежде всего, не констатация индивидуальных проявлений знания языков отдельными лицами, а изучение лингвистиче-

ского феномена как социального явления, практически охватывающего группу людей, часть народа или весь народ, целые народы и даже ряд многонациональных государств.

В специальной литературе синонимично употребляются следующие термины: «одноязычие», «монолингвизм» — и, соответственно, «одноязычный» и «монолингв»; «двуязычие», «билингвизм», «билингвальное языковое употребление»¹ (этот термин образован не совсем удачно) — и, соответственно, «двуязычный» (индивид, носитель), «билингв», «билингвальные индивиды»², «билингвист» и «билингв»³; «трехязычие» и «трилингвизм» — и, соответственно, «трехязычный» и «трилингв»; «многоязычие», «плюралингвизм», «мультилингвизм», «полилингвизм», «полиглоссия»⁴ — и, соответственно, «многоязычный», «мультилингв», «полилингв».

Когда мы говорим и пишем по-русски, то считаем необходимым использовать русские термины. Этого требует культура речи и отсутствие всяких мотивов для применения иноязычных терминов (тем более, что все это связано со словом «язык», которое в русской речевой практике не нуждается в переводе). Однако иноязычные термины тоже нужны. Так, например, Ю. Д. Дешериев пишет, что термин «билингвизм» обладает большей словообразовательной возможностью, чем «двуязычие». Поэтому представляется целесообразным в соответствующих случаях отдавать предпочтение термину «билингвизм»⁵. То же самое можно сказать и в отношении других вышеупомянутых иноязычных терминов.

Мы считаем целесообразным использовать следующие термины:

— «двуязычие» и «двуязычный» (индивид); «билингвизм» и «билингв»;

— «многоязычный» (индивид), «полилингвизм» и «полилингв».

¹ Белл Р. Т. Социоллингвистика. С. 163.

² Там же.

³ См.: Ровнякова Л. И. Билингвизм в литературе // Классическое наследие и современность. М., 1981. С. 402—403.

⁴ Там же. С. 403.

⁵ Дешериев Ю. Д. Проблема создания системы билингвистических понятий и вопросы методики ее применения в исследовании билингвизма // Методы билингвистических исследований. М., 1976. С. 20.

Нам представляется необходимым ввести в науку о двуязычии следующие термины:

1) в целом науку о двуязычии можно было бы назвать билингвистикой;

2) термин «билингвист» некоторые ученые (М. Н. Шахнович, Л. И. Ровнякова) наряду с термином «билингв» применяют в отношении двуязычных индивидов¹, но мы считаем, что его правильнее было бы использовать в отношении тех, кто изучает двуязычие, т. е. исследователей билингвизма;

3) в трудах некоторых ученых встречается термин «вторичный язык», используемый как синоним термина «второй язык». Мы предлагаем придать термину «вторичный язык» новое содержание: родной язык, приобретенный после смены первичного языка (языка родителей или языка, усвоенного в детстве), в отличие от второго языка, используемого параллельно с родным языком.

2. СУЩНОСТЬ ДВУЯЗЫЧИЯ

Проблема двуязычия интенсивно исследуется многими отечественными и зарубежными учеными, но до сих пор нет единого мнения в осмыслении понятия «двуязычие».

В литературе, посвященной двуязычию, мы либо не находим никаких определений, либо встречаем обиходное толкование этого понятия, либо обнаруживаем разнообразные определения, характеризующие аспекты этого явления и потому снабженные разного рода уточнениями и дополнениями.

Изучение объективно существующих различных сторон двуязычия (собственно лингвистической, социолингвистической, философской, педагогической, психологической и др.) предполагает разные цели². И потому сам феномен не поддается однозначному определению. Од-

¹ Ровнякова Л. И. Русские стихи Болеслава Лесьмяна (К проблеме русско-польского билингвизма) // Многоязычие и литературное творчество. С. 314.

² См.: Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 26—42.

нако, на наш взгляд, все аспекты двуязычия взаимосвязаны, исследования его по разным аспектам скрещиваются, взаимно дополняя друг друга, и создают о нем цельное представление. Рассмотрим определения двуязычия в различных планах.

Раскрытие сущности двуязычия требует в первую очередь определения лингвистического статуса его компонентов. Обычно под двуязычием понимают использование двух самостоятельных (родственных и неродственных) языков, но некоторые лингвисты подразумевают под двуязычием также использование литературной формы языка и его диалекта.

Обычно «родной язык» считается социально-этнической или социолингвистической категорией. М. Н. Губогло, отрицая это, относит его к этнопсихологической категории по той причине, что она «отражает не столько то, когда, с кем, о чем, как часто, по какому поводу и как долго разговаривает человек, на каком языке он пишет, читает и думает, а сколько то, как с помощью языка он выражает свою принадлежность к определенной нации и народности.

Выделение в понятии «родной язык» его этнопсихологической сущности позволяет рассматривать его двояко: и как относительно самостоятельный этнический определитель, и как составную часть этнического самосознания, и даже шире — этнического сознания»¹.

Эта точка зрения верна тогда, когда этническая принадлежность и язык совпадают. Но как быть, когда они не совпадают? Из всего населения СССР, по данным 1979 г., 18 196 тыс. человек считают родным — язык другой национальности (16 276 тыс. — русский, 1920 тыс. — другие языки), что составляет около 7% всего населения. Эта часть населения в той или иной степени утратила родной язык, или одноязычие. Около 5037 тыс. человек считают своим вторым языком язык своей национальности, что составляет 1,9% всего населения. В Казахстане из всего населения (14 684 тыс. человек) 1374 тыс. человек считают родным — язык другой национальности (1331 тыс. — русский, 19 тыс. — казахский, 24 тыс. — другие языки), что составляет 9% всего

¹ Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М., 1984. С. 263.

населения¹. Около 107 тыс. человек в Казахстане считают вторым языком язык своей национальности, что составляет 0,7% всего населения. Таким образом, можно утверждать, что, если родной язык выступает в большинстве случаев как социально-этническое явление, то второй язык — это всегда социальное явление (Д. И. Маринеску).

В целом положительно принято лингвистами определение У. Вайнрайха, согласно которому двуязычие — практика «попеременного пользования двумя языками» (а лиц, ее осуществляющих, он называет двуязычными)². Однако в частности это определение пытаются уточнить.

Двуязычие — не только практика использования двух языков, но и практический результат, последствия процесса билингвизма. Отсутствие единого определения двуязычия сказалось на различиях в подходе к его изучению. Ведь с лингвистической точки зрения «проблема двуязычия заключается, — пишет У. Вайнрайх, — в том, чтобы описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом, выявить те различия между этими системами, которые затрудняют одновременное владение ими, и предсказать таким образом наиболее вероятные явления интерференции, которая возникает в результате контакта языков и, наконец, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от нормы каждого из языков, которые связаны с их двуязычием»³.

М. М. Михайлов считает, что «двуязычие вплоть до последнего времени изучалось исключительно на уровне языка и почти не изучалось на уровне речи. А между тем двуязычие существует в речи, а не в языке. В языке находят выражение результаты двуязычия, но двуязычие как процесс существует только в речи.

Другими словами, двуязычие пока изучается в основном не как процесс, а как результат этого процесса. Последнее находит свое выражение в сравнительных грамматиках, а также в работах, посвященных заимствованиям, результатам контактирования языков и т. п. Эти

¹ Численность и состав населения СССР. М., 1984. С. 72—137.

² Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, 1979. С. 22.

³ Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 27.

работы имеют, безусловно, большое значение. Но не менее важным нам представляется изучение двуязычия как процесса, т. е. в речевой практике. Изучение двуязычия как живого процесса, как непосредственной речевой деятельности поможет успешно разработать чрезвычайно актуальные вопросы культуры речи и стилистики родной речи»¹.

В целом определение двуязычия в лингвистическом плане не может быть полным без социальной «окраски».

Двуязычие в плане психолингвистики «...представляет собой психический механизм (знания, умения, навыки), позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам»². Ю. А. Жлуктенко считает, что «двуязычие — это не только возможность, но и реальность общения посредством двух языков»³.

По мнению У. Вайнрайха, «местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком»⁴.

Двуязычие является общей проблемой как для психолингвистики, так и для социолингвистики. Индивидуальное двуязычие может быть объектом психолингвистики, но его функционирование в некоторых сферах человеческой деятельности, например, в сфере художественной литературы, должно рассматриваться и в социолингвистическом плане.

Двуязычие в философском плане освещается в трудах К. Х. Ханазарова, М. С. Джунусова, Д. И. Маринеску и др. К. Х. Ханазаров определяет двуязычие как «знание двух языков и пользование ими...»⁵. Философы характеризуют категорию двуязычия прежде всего как социально-лингвистическое явление. Так, М. С. Джунусов под двуязычием понимает «социально-лингвистическое явление, возникшее в результате общения разноязычного населения»⁶.

¹ Михайлов М. М. Об изучении проблемы двуязычия // Язык и общество. М., 1968. С. 214.

² Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969. С. 134.

³ См.: Комментарий // Вайнрайх У. Языковые контакты. С. 212. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974. С. 29.

⁴ Вайнрайх У. Языковые контакты. С. 22.

⁵ Ханазаров К. Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1982. С. 157.

⁶ Джунусов М. С. Социальные аспекты двуязычия в СССР // Социология и идеология. М., 1969. С. 433.

Двуязычие в плане этносоциологии — «...продукт жизнедеятельности общества, призванный удовлетворять потребности разноязычного населения в общении»¹. И потому «объектом в этносоциологическом исследовании выступает не структура языка, не сам язык как знаковая система, а человек, группы людей различных национальностей — монолингвы и полилингвы, их речевое поведение, т. е. знание и употребление ими одного или нескольких языков в разнообразных сферах жизни»².

Не случайно в своих исследованиях ученые больше всего внимания уделяют речевому поведению³. Таким образом, ими был предложен «иной по сравнению с социалингвистическим изучением подход к исследованию двуязычия»⁴.

Ученые, изучающие двуязычие в социальном контексте, используют термины «социологический» и «социально-лингвистический» как синонимы. Однако встречается и дифференцированное их употребление.

Ю. Д. Дешериев и И. Ф. Протченко определяют двуязычие следующим образом: «...знание двух языков в известных формах их существования в такой мере, чтобы выражать и излагать свои мысли в доступной для других форме, независимо от степени проявления интерференции и использования внутренней речи двуязычным индивидом в процессе письменного или устного общения на втором языке, а также умение воспринимать чужую речь, сообщение с полным пониманием»⁵.

На вопрос «Что такое билингвизм?» Б. Н. Головин отвечает: «Это функционирование двух языков на одной и той же территории, в одной и той же этнической среде. По-иному, это использование в процессе общения двух языков одним и тем же населением»⁶.

¹ Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. С. 16.

² Там же. С. 8.

³ См.: Социальное и национальное (Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР). М., 1973. С. 245—265.

⁴ Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. С. 16.

⁵ Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия. С. 35.

⁶ Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979. С. 25.

По М. И. Исаеву, «...знание любых языков и пользование ими в повседневном общении есть двуязычие»¹.

А. Е. Карлинский под двуязычием понимает «практику попеременного использования двух языков одним и тем же индивидом или группой индивидов в целях коммуникации»². Таким образом, данное явление он ограничивает социально-психологическими рамками. З. У. Блягоз дает определение с учетом социального, лингвистического и психологического аспектов: «Двуязычие — это умение, навык, позволяющие человеку или народу в целом, или его части попеременно пользоваться (устно или письменно) двумя разными языками в зависимости от ситуации и добиваться взаимного понимания в процессе общения»³.

Поскольку, как мы убедились, двуязычие является многоаспектным явлением, то любой аспект его не может рассматриваться изолированно от других. На этом сходятся мнения всех ученых. У. Вайнрайх: «Часто лингвистическое изучение языкового контакта должно координироваться с экстралингвистическим изучением двуязычия и связанных с ним явлений...

Выводы лингвиста, если он изучает языковые взаимодействия, не учитывая при этом социокультурного окружения данного языкового контакта, остаются как бы повисшими в воздухе»⁴.

Идея правильная, но, к сожалению, в самой монографии У. Вайнрайха не учитывается влияние социокультурного окружения.

В целом сущность двуязычия больше всего раскрывается в плане не традиционной, а социальной лингвистики, для которой и характерен комплексный подход.

Ученых, изучающих проблемы двуязычия, можно разделить на две группы. Одни (языковеды), рассматривая какой-либо конкретный аспект, затрагивают и иные аспекты. Другие понятие «комплексный подход» истолковывают иначе, хотя и не отрицают необходимости всестороннего целостного изучения.

¹ Исаев М. И. Социально-лингвистические проблемы языков народов СССР. М., 1982. С. 159.

² Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1980. С. 10.

³ Блягоз З. У. Адыгейско-русское двуязычие: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1980. С. 14.

⁴ Вайнрайх У. Языковые контакты. С. 26—27.

Нам представляется, что смысл понятия «комплексность» один: любой аспект того или иного объекта исследования (в данном случае — двуязычия) требует двойного подхода — внутриаспектного, а также в связи с другими сторонами того же объекта.

Как видим, двуязычие еще не получило определения, учитывающего все его основные свойства и признаки. Мы считаем возможной выработку такой дефиниции, которая отразит его как целостное явление, с учетом разных его аспектов и структурных компонентов. Предложим свое понимание этого явления.

1. Двуязычие — это, прежде всего, процесс, протекающий в ходе взаимодействия двух гетерогенных социумов (коллективов или обществ) путем использования ими двух языков. Естественно, что этот процесс находит свое отражение в обоих языках или, по крайней мере, в одном из них.

Ю. А. Жлуктенко, ссылаясь на У. Вайнрайха, рекомендовавшего различать исследования самих процессов взаимодействия и их последствия¹, считает, что «...сами процессы взаимодействия не наблюдаемы»². Нам представляется спорным это утверждение. Как уже говорилось, использование двух языков билингвами есть процесс их взаимодействия, и он может быть организован искусственно (например, в учебных целях).

2. Двуязычие может отразиться: а) в историческом плане — как «продукт жизнедеятельности общества, призванного удовлетворить потребности разноязычного населения в общении», и как «результат исторического взаимодействия этносов (этнических общностей»³; б) на росте или уменьшении числа сфер его применения и изменении числа билингов (в переписях населения); в) в таких лингвистических явлениях, как заимствование, интерференция и интеркаляция.

3. Двуязычие как процесс включает комплекс (систему) отношений:

а) Этнопсихологическое отношение индивида к двум языкам в виде субъективных самооценок своих познаний в области каждого из них. «По отношению каждого че-

¹ Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. IV. С. 32.

² Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. С. 21.

³ Губогло М. Н. Современные языковые процессы в СССР. С. 16, 28.

ловека к своему языку, — писал К. Паустовский, — можно совершенно точно судить только о его культурном уровне и о его гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране немислима без любви к своему языку. Человек, равнодушный к своему языку, — дикарь. Безразличие к языку объясняется лишь полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему своего народа¹.

Ч. Айтматов дает следующую характеристику отношения к двум языкам, предлагая свое решение лингвистической проблемы в нашем обществе: «Один путь — полностью положиться на «жизненное» высокоразвитого языка, полностью перейти на его услуги. И второй путь — путь сосуществования, т. е. параллельного развития национального языка с использованием языка передового.

Мы в нашей стране избрали второй путь, наиболее трудный, но наиболее плодотворный»². В силу объективных причин родным языком индивида может функционально оказаться язык другой национальности, но, несмотря на это, он может считать родным язык своей национальности, если даже он им в совершенстве не владеет и более того — вовсе не владеет. Это находит свое отражение в этнопсихологическом самосознании индивида.

б) Лингвистическое и социолингвистическое соотношение двух взаимодействующих языков, основанное на степени их родства, объеме выполняемых каждым из них общественных функций, социализованном (социально выделяемом) и несоциализованном (социально не выделяемом) отношении во внутренней структуре³ и т. д.

в) Каузальная взаимообусловленность социальных и языковых явлений.

г) Детерминация двуязычия социально-культурными процессами.

д) Соотнесенность языковой компетенции и речевой деятельности. Это соотношение образно сравнивается с «лодкой, плывущей против течения. Стоит только

¹ Цит. по: Будагов Р. А. Рецензия // Вопросы языкознания. 1981. № 4. С. 132. (Рец. на кн.: Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980. С. 352).

² Айтматов Ч. В соавторстве с землей и водой. С. 108.

³ Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. С. 300.

перестать грести, и лодку понесет обратно. Отсутствие речевой практики на любом из языков при билингвизме снижает или задерживает повышение языковой компетенции»¹.

4. При изучении двуязычия необходимо учитывать три обстоятельства: компетенцию, исполнение, ориентацию. Так, М. Н. Губогло отмечает «...под языковой компетенцией понимается та или иная степень владения языком (или языками), под речевой деятельностью (т. е. под исполнением, — Б. Х.) — употребление одного, двух или более языков (иногда попеременно) в разнообразных жизненных ситуациях, под языковой ориентацией — психологическое отношение билингвов или полилингвов к различным языкам»². Далее ученый разъясняет, что «...под компетенцией (потенциальное двуязычие) подразумевается та или иная степень владения одним или несколькими языками, а под речевой деятельностью (реальное двуязычие) — фактическое употребление одного или нескольких языков в разнообразных сферах жизни. Если бы между языковой компетенцией и речевой деятельностью не было разницы, то следовало бы ожидать, что каждый человек чаще всего станет употреблять именно тот язык, которым он наиболее свободно владеет. Однако в действительности подобной жесткой связи не наблюдается. Употребление разных языков, составляющее основу функционирования двуязычия, детерминировано объективными и субъективными факторами»³. В отношении языковой компетенции и речевой деятельности считается фактом методологической неточности, когда данные переписей населения СССР «о свободном владении вторым языком» механически экстраполируются на реальное использование его в языковой практике. Так, в суждениях типа «52,3% казахов знает (курсив мой. — Б. Х.) сейчас русский язык»⁴ интенсивность двуязычия (т. е. качественная сторона явления, определенная ступень в освоении второго языка) приравнивается к экстенсивности, представленной

¹ Губогло М. Н. Современные языковые процессы в СССР. С. 194.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 191.

⁴ В условиях двуязычия // Русский язык и литература в казахской школе. 1985. № 1. С. 11.

совсем другим явлением — масштабами использования второго языка»¹.

Таким образом, двуязычие — это интегрирующее средство общения в гетерогенном социуме, основанное на синхронном (параллельном, попеременном или смешанном) использовании двух языков. Социум, все члены которого двуязычны (в отличие от индивидуального и группового билингвизма и социалемы с одной лингвемой²), можно назвать двуязычным социумом.

Дальнейшее познание природы двуязычия требует поиска и ответа на вопрос: «С чего, где и когда начинается факт двуязычия?». Очевидно, в рамках определенной территории — с появлением отдельных двуязычных людей в гетерогенной среде. В гомогенной среде появление таких людей маловероятно. Мы, разумеется, не отрицаем возможности изучения отдельными людьми разных языков. Но для совершенствования им нужна среда. Двуязычие отдельных людей, развиваясь, может перерасти в групповое и далее распространиться в масштабе микросоциума, охватить весь макросоциум (мега-социум), приобрести массовый характер.

Уровень познаний в сфере того или иного неродного языка бывает самым различным, что обусловлено рядом факторов: способностью к овладению другими языками, языком обучения и уровнем знания, приобретенного в школе, в вузе и т. п., интенсивностью контактов с носителями второго языка. Какой должна быть степень знания второго языка, чтобы считать то или иное лицо билингвом? Нам представляется, что билингвом можно считать лицо, не владеющее вторым языком в совершенстве или даже в высокой степени. Что же можно считать низшей степенью знания второго языка, с чего она начинается?

По мнению Э. Хаугена, она начинается с понимания, по мнению Дж. Фишмана, — с любого умения вступать в общение. Мы полагаем, что при наличии одного лишь понимания, не дающего возможности полноценно об-

¹ См.: Губогло М. Н. Современные языковые процессы в СССР. С. 18.

² Термины «социалема» и «лингвема» заимствованы у Ю. Д. Дешериева. Они означают соответственно «любую социальную общность людей, говорящих на одном языке», «любой язык, обслуживающий определенную социальную общность людей (род, племя, народность, нацию)». См.: Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. С. 312, 313.

щаться посредством двух языков, не может быть и речи о двуязычии. Двуязычие непременно предполагает общение. Следовательно, двуязычие начинается там, где осуществляется минимум взаимопонимания на двух языках.

Заметим, кстати, что до сих пор остается неясным термин «свободное владение», так как нет критериев его определения. Представители различных слоев населения (и разных национальностей) понимают этот термин по-разному.

Рабочий любое умение вступать в общение на другом языке может принять за свободное владение. У ученых, писателей понятие о «свободном владении» иное, чем у студентов. Так, по результатам опроса, проведенного М. С. Джунусовым в гг. Алма-Ате и Джамбуле, студенты-казахи «...под свободным владением русским языком понимают прежде всего умение читать и слушать лекции (69,9%), а вести беседу — 26,3%, русские юноши под свободным владением казахским языком чаще подразумевают умение вести беседу (34,5%), а читать и слушать лекции — 40,9%¹.

Развитие и совершенствование двуязычия проходит, по К. Х. Ханазарову, три этапа: двуязычие «...начинается тогда, когда индивид овладевает вторым языком в степени, достаточной для взаимного обмена мнениями, общения с представителями второго языка. Эта стадия двуязычия постепенно перерастает в свободное владение двумя языками, когда индивид пользуется вторым языком так же свободно и непринужденно, как и первым. Завершающей формой двуязычия является владение двумя языками в совершенстве, что требует специальной подготовки и работы над каждым из двух языков»².

Вслед за В. Ю. Розенцвейгом мы рассматриваем двуязычие «как континуум, простирающийся от весьма элементарного знания контактного языка до полного и свободного владения им»³.

Объем знаний в сфере второго языка зависит от степени владения им. Л. П. Крысин выделил следующие уровни владения языком:

¹ Взаимоотношение развития национальных языков и национальных культур. М., 1980. С. 62—63.

² Ханазаров К. Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1982. С. 161.

³ Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Л., 1972. С. 4.

«1) собственно лингвистический: умение а) строить тексты на данном языке и преобразовывать их друг в друга; б) понимать сказанное на этом языке; в) отличать правильные высказывания от неправильных;

2) ситуативный: умение применять языковые знания сообразно с ситуацией;

3) социальный: соблюдение условий и ограничений, налагаемых на речевое общение социальной структурой данного общества и социальными параметрами коммуникантов;

4) лингвострановедческий: владение национально обусловленной спецификой использования языковых знаков, в частности, владение системой коннотаций, сопровождающих употребление языковых единиц;

5) энциклопедический: знание «мира слова» — тех реалий, которые соответствуют словам, их типам, соотношениям и т. п.»¹.

Таким образом, билингв высшей ступени осваивает не только лингвистические, но и нелингвистические уровни владения языком.

Реальное двуязычие представляет собой речевое поведение отдельных лиц, однако имеется в виду не арифметическая их сумма, а общественное явление. Следовательно, двуязычие, возникшее как средство удовлетворения общения между разноязычными индивидами, постепенно распространяясь, может охватить весь социум (микро- и макро-).

Индивидуальное двуязычие, как таковое, есть, и оно вполне может быть отнесено к фактору развития языка. Индивидуальным, например, является творчество писателей-билингвов.

Индивидуальный билингвизм, являясь, с одной стороны, автономным феноменом, с другой стороны, может отражать общую картину билингвизма коллектива. Доказательством служит двуязычное художественно-литературное творчество десятков казахов-билингвов.

Ф. П. Филин, признавая наличие двуязычия индивида и человеческих коллективов, писал: «По-видимому; аб-

¹ Крысин Л. П. Уровни владения языком и проблемы изучения русского языка как неродного // Республиканская научно-теоретическая конференция по дальнейшему совершенствованию преподавания русского языка в свете основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы: Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1984. С. 13—14.

солютного двуязычия нации, народности или другого этнического социального коллектива, когда оба языка дублируются во всех сферах письменного и устного общения, не бывает и не может быть»¹. Действительно, абсолютного двуязычия в макросоциуме не может быть.

Таким образом, возможны индивидуальное и коллективное двуязычие, местом их возникновения и развития являются гетерогенный социум и его члены.

Исследователи выделяют три стадии двуязычия: **предбилингвальную, начальную и завершающую.**

К **предбилингвальной стадии** (термин Э. Хаугена) двуязычия следует отнести стадию, когда «...человек ...уже не одноязычен, но его навыки во втором языке ограничиваются тем, что он может произносить отдельные слова»². Ю. А. Жлуктенко, разделяя мнение Э. Хаугена, началом этой стадии считает тот момент, «когда говорящий начинает создавать на втором языке законченные, осмысленные предложения»³. Э. Хауген допускает существование «пассивного двуязычия», при котором индивид «понимает второй язык, хотя и не может на нем говорить»⁴.

Начальная стадия двуязычия не может появиться без зачаточного знания второго языка (Г. Фогт). На этой стадии начинает формироваться так называемое частичное (Б. Гавранек) или неполное (Ф. П. Филин) двуязычие. «Неполное или частичное двуязычие бывает самых различных градаций и распространено широко»⁵.

Собственно начальную стадию двуязычия имеет в виду и К. Х. Ханазаров: «О наличии двуязычия мы можем говорить там, где люди владеют вторым языком в степени, достаточной для общения и обмена мыслями в процессе производства материальных и духовных благ»⁶.

По Э. Хаугену, «особый интерес с точки зрения двуязычия представляет детство человека, т. е. тот период, когда языковые системы только формируются; детское.

¹ Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982. С. 178.

² Цит. по: Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. С. 40.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. С. 178.

⁶ Ханазаров К. Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1982. С. 160.

двуязычие обычно признается наиболее ценным (и, кстати, наиболее прочным)»¹. Однако эффективность обучения с самого раннего возраста двум языкам параллельно нам представляется дискуссионной. Разумеется, начальная стадия двуязычия не может быть отнесена только к детскому возрасту, ибо люди могут стать двуязычными уже будучи взрослыми.

Завершающая стадия и предполагает полное двуязычие. Следует оговориться, что в прямом смысле завершающей стадии не бывает. Ведь процесс двуязычия бесконечен.

Ученые предлагают также различные классификации типов двуязычия. С точки зрения социальной лингвистики мы считаем возможным выделить:

а) на основе соотнесения двуязычия с определенным социумом — индивидуальное, групповое и массовое двуязычие;

б) по способу усвоения — естественное и искусственное;

в) по степени овладения — координативное («чис-
тое») и субординативное («смешанное»).

Координативное двуязычие в разных сферах деятельности билингов, в частности, в художественной литературе, имеет своеобразное проявление. Это раздельное использование одним человеком двух языков.

Субординативное — это такое двуязычие, «при котором второй язык как бы наслаивается на первый» (Ю. А. Жлуктенко).

На современном этапе значительное распространение приобрело хорошее знание второго языка и это становится всеобщим явлением, отвечающим жизненным потребностям советских людей. Абсолютно одинаковое знание двух языков теоретически возможно, но практически — явление уникальное. Такое двуязычие встречается среди писателей-билингвов, да и то знание одного из языков у них все же бывает лучше. Это можно объяснить хотя бы тем, что ни один активный писатель-билингв не пишет свои произведения в одинаковом объеме или количестве на двух языках.

Каковы же перспективы развития национально-русского двуязычия? Трудно определить, в течение какого

¹ Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 67.

времени будет продолжаться развитие национальных языков и одновременно — всеобщее распространение русского языка в пределах нашей страны. Ф. П. Филин полагает, что это «будет продолжаться неопределенно длительный срок»¹. Мы считаем, что это будет зависеть от сознательного (со стороны общества) регулирования, научного руководства процессом совершенствования языковой сферы нашего общества.

Типология двуязычия в ее социолингвистическом толковании обычно базируется на данных о его функционировании в одной, двух, трех и более сферах жизнедеятельности людей. Например, казахско-русское двуязычие обслуживает сферы: общественно-политической жизни, народного образования, массовой коммуникации (пресса, радио, телевидение, кино и звукозапись), науки, промышленного и сельскохозяйственного производства, обслуживания и торговли, транспорта, связи, семейной жизни, повседневного быта и, наконец, художественной культуры, в том числе художественной литературы. Функционирование двуязычия в каждой сфере имеет свою специфику. Сфера художественной литературы, в отличие от всех других, требует двуязычия высшей пробы, т. е. литератор должен писать в строгом соответствии с литературной нормой двух языков. Одним словом, сущность и специфика художественно-литературного двуязычия обусловлены особенностями самой художественной литературы.

¹ Филин Ф. П. Очерки по языкознанию. С. 162.

ГЛАВА 2

ДВУЯЗЫЧИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Оставаясь в своей сущности единой планетарной системой вербального общения, язык в течение своей эволюции претерпел значительное внутреннее размежевание, одним из устойчивых результатов которого явилось многообразие национальных языков.

В ходе истории человечества национальный язык, будучи барьером, изолирующим фактором, одновременно становится и объединительным средством. Человек, находясь «наедине со своим родным языком», все же не мог не испытывать воздействия извне другого языка, что объективно вело его к стихийному двуязычию. В этой связи условием изменения человека стал контакт народов и их языков. В общении с окружающим многоязычным миром необходимо было преодоление языковых границ, для чего решающее значение имело изучение других языков.

В результате овладения другими языками возникало новое явление: наряду с одноязычием появилось **двуязычие**, которое использовалось соответственно первичному назначению языкоупотребления для более широкой коммуникации между людьми.

Овладев двумя и более языками, человек сумел продемонстрировать двуязычие и даже многоязычие в мировом литературном процессе.

Овладение такой сложной системой, как язык, и завоевание художественных высот двух языков, полное господство над этими рубежами означает взятие труднопреодолимого барьера — языка как средства эстетического освоения действительности.

Софункционирование двух языков, их исполнительная служба под управлением одного человека знаменует новый этап в языковой действительности, мощный стимул развития художественной литературы, особенно

национальной. Гениальные произведения не могли бы появиться на базе только одной национальной литературы, как бы совершенна она ни была. Базой должны служить образцы лучших произведений литературы разных язычных народов. Без знания других языков, без знакомства с образцами художественной литературы других народов человек находился бы вне литературно-исторической перспективы, был бы ограничен рамками одноязычия, тогда как двуязычие и многоязычие являются одними из важнейших условий для плодотворного протекания литературного процесса.

Двуязычие в сфере художественной литературы издавна функционирует у самых различных народов мира. С конца 30-х годов XX века оно изучалось в нашей стране и за ее пределами, продолжает изучаться и сейчас, но в основном в литературоведческом аспекте. Примером тому служит монография Ч. Г. Гусейнова «Формы общности советской многонациональной литературы» (М.: Мысль, 1978. 181 с.) и сборник «Многоязычие и литературное творчество» (Л.: Наука, 1981. 339 с.), выпущенный под редакцией академика М. П. Алексева.

Проблема исследуется и с точки зрения лингвистики. В этой связи следует назвать статью Н. Г. Михайловской «О проблемах художественно-литературного двуязычия» («Вопросы языкознания», 1979, № 2) и ее монографию «Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока» (М., 1984).

Не умаляя достоинств литературоведческого и чисто лингвистического подхода к изучению двуязычия в литературе, мы отдаем предпочтение комплексному подходу — социально-лингвистическому анализу проблемы. Продуктивность такого подхода заключается в том, что он обладает совокупностью тех возможностей, которыми располагают литературоведение и лингвистика.

1. КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Для определения социолингвистического статуса художественно-литературного двуязычия предлагается комплекс взаимосвязанных критериев, ни одному из которых отдельно нельзя приписать определяющего значения.

1. Литературоведческий критерий. Не всякое произведение носит действительно литературный характер. Поэтому одно из главных требований — подлинная его литературность. Это особенно важно, когда произведение написано не на родном языке писателя.

Некоторые свойства художественной литературы нередко проникают в произведения иного рода — в публицистику и в очерк, которые анализируют различные факты и явления текущей жизни общества и служат средством общественного воспитания. Поэтому в число двуязычных представителей литературного творчества мы должны включить также публицистов и очеркистов, которые пишут на двух языках. Так, казахскому писателю-билингу Баубеку Булкишеву всесоюзную известность принесли не стихи, а именно страстные публицистические исповеди, очерки, опубликованные в годы войны на русском и казахском языках на страницах газет «Комсомольская правда», «Социалистик Қазақстан», «Лениншіл жас» и др. В этом нас убеждают письма-отклики на его публикации.

«Я, можно сказать, засыпан письмами. Много писем от казахстанских девушек. И, как всегда, я лишен возможности отвечать на них. Из разных уголков Советского Союза на мое имя пришло более 200 писем». Следует также отметить, что весь тираж первого сборника Б. Булкишева «Жизнь принадлежит нам» (1943 г.) «целиком был отправлен на фронт, так что читатели в тылу, литераторы и журналисты практически остались без книги»¹.

В том, что в жизни общества огромную роль играют и публицистические публикации, сомневаться не приходится. Поэтому основным критерием причисления писателя к билингам должен быть факт написания им на двух языках не только традиционно «литературного» произведения, но также публицистического, обладающего признаками художественности.

Художественное двуязычие подразумевает творение на двух языках, что требует хотя бы минимума писательского таланта. При этом для литературоведения важно, как отмечает Г. Ломидзе, «что, как и о чем пишет художник слова... Двуязычие само по себе не есть

¹ Булкишев Б. Жизнь принадлежит нам. Алма-Ата, 1985. С. 363.

свидетельство ни таланта, ни глубины и широты мировоззрения»¹.

2. Лингвистический критерий заключается в умении распоряжаться двумя языками, то есть в языковой ситуации. Художественное двуязычие реализуется только на уровне литературных языков и, в отличие от других сфер применения двуязычия, должно включать в себя элементы всех форм языкового существования (в диалогах, репликах и т. д.). Другими словами, в сфере литературы представлены две различные художественные речи. При этом необходимо в совершенстве овладеть двумя языками. Как правило, на двух языках пишут те, кто систематически обучался (в разное время или одновременно) на двух языках или жил в двуязычной среде.

3. Обязательность употребления двух языков в творческой деятельности. Писатель должен использовать не менее двух языков при создании своих произведений (а не просто говорить или читать на них).

4. Социологический критерий. Имеется в виду, что на двух языках пишет достигший определенного возраста и имеющий надлежащее образование. Во все времена двуязычные писатели были и остаются, как правило, представителями интеллигенции. Писательская работа выполняется индивидуально, но реализуется в обществе. В таком случае двуязычие — не просто упражнение для ума, а средство удовлетворения общественных потребностей.

Возможно, имеются и другие критерии, но вышеизложенные критерии, как нам представляется, в достаточной мере характеризуют художественно-литературное двуязычие и могут служить мерилем для его оценки.

Поэты и прозаики обычно приобретают второй язык при благоприятных для них условиях. Обычно считается, что двуязычное творчество «не поддается прямолинейному причинному обоснованию социальными условиями»². Вместе с тем Ч. Г. Гусейнов выделяет типологические «биографии» русскоязычных писателей³. Однако мы не согласны с тем, что он относит к одному

¹ Ломидзе Г. Ленинизм и судьбы национальных литератур. М., 1974. С. 93.

² Гусейнов Ч. Г. Формы общности советской многонациональной литературы. М., 1978. С. 168.

³ Там же.

из типов двуязычных писателей, пишущих лишь на русском языке¹.

Появление художественного двуязычия имеет свою лингвистическую основу. Появляясь там, где параллельно функционируют как минимум два языка, оно может возникнуть и путем специального двуязычного воспитания и обучения в однонациональной среде. В большинстве случаев художественное двуязычие возникает в многоязычной среде, или под воздействием лучших образцов многоязычной литературы или ее выдающихся представителей. При этом возможны различные побудительные причины, не все из которых могут отличаться выявленностью. Назовем среди них: 1) воспитание в двуязычной семье; 2) учебу в иноязычной школе; 3) оторванность от своей этноязыковой среды; 4) использование произведений писателя в качестве орудия идеологической борьбы (средства национального развития и воплощения судьбы родного народа, утверждения писателя в литературе, расширение общественной значимости его произведений и т. д.); 5) прогрессивное влияние высоко развитой передовой культуры, желание ознакомиться с ней и с ее представителями, читать литературу в подлиннике, для чего необходимо творческое освоение неродного языка; 6) престижность неродного языка или его широкое, всестороннее применение в межнациональных связях, например, его влияние как источника информации и т. д.; 7) длительность функционирования неродного языка наравне с родным и др.

Настоящий писатель подлинно национальное произведение может написать на любом языке.

Выбор языка в условиях двуязычия и многоязычия — важный социально-психологический момент. Уважительное отношение как к своему родному языку, так и к языку любой нации и народности становится нормой для каждого советского человека. В основе выбора языка общения, обучения и сотрудничества заложен демократический принцип. В целом выбор того или иного языка в различных сферах жизни общества обусловлен множеством объективных и субъективных факторов: социальной, производственной потребностями, психологическими соображениями, распространенностью (узусом) и т. д. Выбор языка в сфере художественно-литературного

¹ Гусейнов Ч. Г. *Формы общности советской многонациональной литературы*. С. 169.

творчества, в отличие от всех других сфер, происходит исключительно по желанию писателя. Однако при этом он учитывает такие объективные факторы, как языковая среда, распространенность того или иного языка и чаще всего исходит из желания писать на родном языке для своего народа. По этому поводу можно привести слова писателей-билингвов. «...В выборе языка, — говорит Ч. Айтматов, — следует, видимо, руководствоваться не только возможностями свободы творчества, но и соображениями гражданского долга перед народом, тебя породившим, давшим тебе самое большое свое богатство — свой язык.

Родной язык — это мать, перед которой существуют определенные обязанности. Вместе с тем, невозможно развивать духовную культуру нации без активного использования достижений более высокоразвитых культур. В этом суть вопросов, в этом суть решения проблемы.»¹

Писатель-билингв Б. Момыш-улы писал: «Я — счастливый казах. Я прошел хорошую школу жизни в рядах Советской Армии. Моими учителями и наставниками были русские люди, и в своем большинстве, настоящие люди. Они на многое открыли мне глаза, и я стал богаче. Я благодарен им, благодарен русскому народу и сегодня выражаю эту благодарность тем, что пишу свои книги на русском языке»².

В плане социальной лингвистики чрезвычайно важно соотношение писателя и его художественного творчества, текста произведения с авторской индивидуальностью. В частности, важно изучить проявление двуязычия писателя в его произведениях.

В сфере художественной литературы двуязычными могут быть создатели и художественных произведений (писатели), и художественных переводов (переводчики), и их потребители (читатели).

1. Писатели-билингвы — создатели оригинальных художественных ценностей на двух языках.

Билингвизация художественной литературы происходит лишь в лице двуязычных писателей; возникнув, художественно-литературное двуязычие становится факто-

¹ Айтматов Ч. В соавторстве с землей и водой. С. 111.

² Момыш-улы Б. Избранное: ... В 2 т. Алма-Ата, 1980. Т. 2. С. 307—308.

ром создания и развития двуязычия вообще, писателей-билингвов в частности.

2. Переводчики, осуществляющие переводы с одного языка на другой и обратно:

— переводчики художественных произведений других авторов;

— переводчики-авторы, создающие переводные варианты своих оригинальных произведений.

Ныне, когда переводческое дело получило массовый характер, сферу художественной литературы никак нельзя представить без перевода. Поэтому мы считаем необходимым остановиться на переводческом творчестве как на своеобразном виде двуязычия. Видимо, это явление возникло в условиях одноязычия в гомогенном социуме, но осуществлялось непременно его двуязычными членами.

Трехсторонняя связь «автор — переводчик — читатель», утвержденная в сфере художественной литературы, порождает один из своеобразных случаев языкового контакта. Эту языковую ситуацию можно представить себе в виде цепочки: автор представляет один язык ($Я_1$), точнее — произведение, написанное на каком-то языке, и передает в распоряжение переводчика, владеющего двумя языками (языком оригинала и языком, на который он переводит, — $Я_1 + Я_2$), а он, в свою очередь, переводя его в другую языковую систему ($Я_2$), делает его достоянием читателя — представителя $Я_2$. В этом процессе необходимо лингвистическое содружество автора (одноязычного) и переводчика (двуязычного), что вовлекает автора в орбиту двуязычия. Разумеется, за адекватность перевода несет ответственность переводчик, но, говоря словами С. А. Баруздина, «каждый переводимый ныне советский писатель, пишущий не на русском языке, знает русский язык, как свой второй родной язык, и он несет не меньшую ответственность за перевод, чем переводчик»¹. И это обстоятельство не позволяет национальному, переводимому писателю быть безразличным к двуязычию.

Таким образом, трехсторонняя связь «автор — переводчик — читатель», порожденная на почве многоязычной литературы, стала одним из источников языкового

¹ Шестой съезд писателей СССР: Стенографический отчет. М., 1978. С. 423.

контакта, а сам перевод — стимулирующим фактором развития двуязычия.

Однако необходимо сделать уточнение. В данной сфере иногда, наряду с трехсторонней связью «автор — переводчик — читатель», проявляется и двусторонняя, когда автор-биллинг сам переводит, т. е. автор (Я₁Я₂) — читатель (Я₂). Следует различать перевод (осуществляемый не автором) и автоперевод (осуществляемый автором). Из этих двух видов более непосредственным каналом проявления двуязычия является автоперевод.

В нашей стране все большее развитие получает такое художественно-литературное двуязычие, компонентами которого выступают один из языков народов СССР и русский язык. Одним из них является украинско-русское художественно-литературное двуязычие, в основе которого лежат родственные языки.

Не менее интересным является такое художественно-литературное двуязычие, компонентами которого выступают неродственные языки — казахский и русский.

2. ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ВИДОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ДВУЯЗЫЧИЯ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Как известно, в лингвистике давно проводится разграничение **языка и речи** и, в свою очередь, соответствующих научных понятий. Эта дихотомия закономерно экстраполируется и в контекст исследуемой нами проблематики, где по разные стороны следует расположить **двуязычие как потенциал** (инвентарь языковых единиц) и **двуязычную речь как акт** (конкретные виды и формы использования этого инвентаря, т. е. его актуализация).

Применительно к литературному творчеству эта опозиция обуславливает дальнейшую дифференциацию, при которой основными объектами сопоставления и противопоставления становятся **двуязычное художественно-литературное творчество** как возможность и **двуязычный художественно-литературный текст** как результат осуществления этой возможности. В основе данного разграничения лежит признак формальной выраженности, или, другими словами, характеристика уровня и степени реализации языковой (в данном случае — двуязычной) потенциции писателя. Это, однако, не означает, что фор-

мальная идентификация применима лишь к сфере актуализированных, текстуальных свойств двуязычия. Как показывают наши наблюдения, определенной фиксации поддаются и элементы возможного языкового диапазона писателя, традиционно определяемые как языковая компетенция, языковая эрудиция и т. п. Но то обстоятельство, что атрибуты писательского двуязычия не всегда несут стилистическую нагрузку и художественную направленность и нередко «проскальзывают» на страницы произведений как стихийные проявления биллингвизма, не дает оснований для категоричных суждений о лингвистическом статусе писателя.

Поэтому факты непреднамеренного и, может быть, авторски неосознанного совмещения в речи двух языковых стихий мы в дальнейшем будем рассматривать как потенциальное, выраженное, **скрытое** художественно-литературное двуязычие.

Двуязычные художественно-литературные тексты как письменная фиксация двуязычной художественной речи также не вполне однородны по своей внутренней (с точки зрения подачи и интерпретации материалов двух языков) типологии. Как показал анализ исследуемых текстов, наиболее типичные формы художественного двуязычного изложения распределяются по двум ведущим направлениям: эксплицитное совмещение элементов двух языков и имплицитное совмещение элементов двух языков. В обоих случаях совмещение основано на синтагматическом соположении разноструктурных элементов двух языков, которые, не разрушая коммуникативного единства текста, сохраняют свою информативную, а следовательно, и художественную ценность.

Таким образом, художественно-литературное двуязычие проявляется:

- 1) на уровне двуязычной потенции, т. е. «скрытое» двуязычие автора;
- 2) на уровне двуязычной актуализации;
— эксплицитное совмещение элементов двух языков;
— имплицитное совмещение элементов двух языков.

Выявление видов художественного двуязычия, их свойств и связей между собой должно быть основано, на наш взгляд, на **трех признаках**: количественном, лингвистическом и лингво-литературоведческом. Главный из них — **использование одним лицом раздельно двух и более языков** при написании двух и более произведений.

Здесь двуязычие представлено разъединенно в двух произведениях. В отличие от других видов двуязычия, мы назовем его **открытым**. Если в одном произведении, написанном на каком-либо национальном языке, присутствуют элементы других языков, то этот вид двуязычия мы называем **смешанным**. Наряду с этими двумя видами, можно выделить еще **скрытую** разновидность двуязычия, в которой элементы второго языка в произведении присутствуют в виде калек, заимствованных стилистических приемов, образов и т. п.

Как нам представляется, в наше время трудно найти абсолютно скрытое двуязычие без иноязычных элементов. В литературах многоязычных регионов может встретиться смесь разных видов двуязычия (чаще всего скрытого и смешанного), которую мы называем **координированным** двуязычием.

Следует оговориться, что данные термины впервые выдвинуты нами относительно художественного двуязычия, но они имеют приблизительное (по содержанию) соответствие в специальной литературе, посвященной общим проблемам двуязычия, а не художественному двуязычию. Одно дело — разрозненное (параллельное) использование двух и более языков в написании разных произведений (или же двух вариантов одного сочинения), которое принимается обществом как обычное явление до тех пор, пока не выясняется этническая принадлежность их автора (или его соавторов) и факт использования им разных языков. Это двуязычие, которое мы выделяем как открытое, в специальной литературе называется координированным двуязычием. Ранее оно выделено Л. В. Щербой как чистое двуязычие¹, позднее переформулировано американскими психологами Ч. Осгудом и С. Эрвином как один из видов двуязычия, «...при котором каждый из двух языков существует в двуязычном индивиде отдельно, — «координированным» (*coordinate*)², то есть, говоря словами Э. Хаугена, такое двуязычие, «...при котором человек располагает двумя отдельными системами»³. Строго говоря, нас дол-

¹ Щерба Л. В. Очередные проблемы языкознания // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1. С. 6—7.

² См.: Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. 1972. Вып. VI. С. 13.

³ Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 67.

жна интересоваться не возможностью «располагать» двумя языками, а способностью использовать их (в данном случае писателем). Такой вид двуязычия требует выделения в отдельную категорию, потому что здесь не обнаруживается никакой координации, два языка используются писателями автономно, без соподчинения и согласования.

Некоторые писатели совмещают два языка в написании не разных, а одного произведения, где, как правило, один язык присутствует полностью, а другой — в виде элементов или скрыто (т. е. с переводом), но явно узнаваемо. В данном случае элементы могут быть минимально задействованы в объеме целого высказывания, одного и более предложения (поговорки, афоризмы деятелей той или иной национальной культуры), словосочетания со специфическими словами-реалиями и т. д., как правило, в диалогах, реже — в авторском повествовании. Важность выделения этого типа совместного использования двух языков также должна быть неоспоримой с точки зрения социальной лингвистики.

Такое двуязычие, при котором происходит переключение с одного языка на другой, в специальной литературе также называют «смешанным» (*compound*)¹. Некоторые лингвисты называют этот вид двуязычия «сложным», понимая под этим состояние, «...при котором языковые системы подверглись хотя бы частичному слиянию»².

В соответствии с рекомендациями У. Вайнрайха, Р. Т. Белла, вслед за С. М. Эрвином и Ч. Е. Осгудом, двуязычие представляется как некоторая шкала, располагающаяся «между *смешанным билингвизмом*, при котором два языка сливаются в одну систему, и *координативным билингвизмом*, при котором две языковые системы сохраняются раздельными. В терминах трансформационной грамматики смешанный билингвизм характеризуется единой семантической базой, связанной с двумя механизмами входа и двумя механизмами выхода, тогда как при координативном билингвизме имеются две семантические базы, каждая из которых свя-

¹ См.: Розенцвейг В. Ю. Указ. работа. С. 13.

² Хауген Э. Указ. работа. С. 67.

зана с конкретными языковыми системами входа — выхода...»¹.

В специальной литературе обычно выделяется также еще «субординативное» двуязычие, предложенное У. Вайнрайхом; оно представляет собой, по сути дела, перевод с родного языка.

Насколько нам известно, скрытый вид двуязычия пока никем не отмечен и самостоятельно не выделен. Впервые переводческое дело предлагается рассмотреть с точки зрения двуязычия вообще и как его координативного вида в частности. Сам процесс перевода с одного языка на другой нам представляется координацией, т. е. приведением материала одного языка в соответствие с другим языком.

Теперь рассмотрим каждый вид художественно-литературного двуязычия в отдельности.

СМЕШЕНИЕ РАЗНОЯЗЫЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ТЕКСТЕ — ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ ДВУЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ АВТОРА

Одним из своеобразных видов двуязычия в литературе является его смешанная разновидность. Факты включения в язык одного произведения элементов других языков встречаются не только сейчас, но наблюдались и в прежние времена.

Смешанное художественно-литературное двуязычие имеет свои **показатели и признаки**.

Естественно, нетождественность выразительных средств по языкам может осложняться и особенностями языковой метафорики, и пластами эндемической лексики, и индивидуально-стилистическими фигурами (например, окказиональное словообразование; национально-самобытная ритмика типа «желдірме» и пр.). И тем не менее, важнейшим и достаточным индикатором смешанности двуязычия остается наличие (отсутствие) в тексте элементов сопоставляемых лингвокультур.

Н. Г. Михайловская считает возможным проблему отдельного слова в национальном произведении рассматривать под двумя относительно самостоятельными аспектами: «В одном случае «точкой отсчета» является

¹ Белл Р. Т. Социоллингвистика. С. 157—159.

понятийно-смысловое содержание слова, в другом — его художественно-выразительная функция. Синтез двух названных взаимообусловленных составляющих представляет собой оптимальную «паспортизацию» слова в структуре художественного произведения и в индивидуальном языке автора»¹.

На наш взгляд, интерес должен представлять не только сам факт раздельного написания произведения на двух языках. Не менее важно и то, что писатель вводит в текст все, что обогащает язык.

В образной системе произведения, написанного на втором языке, отражается влияние родного, или первого, языка автора, представляющего мировосприятие его нации. В данном случае на втором языке могут быть представлены такие, отмеченные Г. П. Ижакевич, лингвистические элементы, как единицы лексического, лексико-фразеологического и стилистического плана, используемые национальными писателями в произведениях на русском языке: «а) безэквивалентная лексика, знакомящая читателя с бытом народа и его языком; б) топонимы и антропонимы, — как правило, с установкой на раскрытие их этимологии в тексте; в) междометные формы; г) устойчивые словесные формулы, принятые в тех или иных ситуациях; д) метафоры и сравнения, основанные на национальном восприятии окружающего мира; е) словосочетания, отражающие традиционный быт, применяемые при обозначении социальных понятий, летоисчислении и т. д.; ж) пословицы и поговорки»². Они вполне могут быть введены любыми двуязычными авторами в произведения, написанные на национальные темы.

Отсюда понятен широкий диапазон национальной лексики, вводимой авторами «в художественные произведения различными приемами и сопровождаемой, как правило, параллелями или толкованиями на русском языке. Отметим лишь, что эта лексика весьма обширна и составляет самые разнообразные тематические группы: названия одежды, утвари, промысловых принадлежностей, наименования животных, растений, обозначения

¹ Михайловская Н. Г. Указ. работа. С. 65.

² Ижакевич Г. П. Стилистические особенности художественных произведений на русском языке писателей национальных республик // Русский язык — язык межнационального общения и единения народов СССР. Киев, 1976. С. 75—84.

социальных и родовых понятий и т. п. В ряде случаев наблюдается использование одинаковых лексем в языке разных авторов, однако в приемах употребления нередко сказываются различные стилевые установки...»¹.

Чрезмерное вплетение иноязычных элементов — явление в принципе нежелательное, но оно иногда не только становится уместным, усиливая выразительность языка, но и необходимым, обогащая содержание произведения. Некоторые из этих элементов нельзя считать заимствованными, то есть безэквивалентными. Подобные факты скрывают в себе многие причины, в том числе социальные и лингвистические.

Контакт языков может быть, как известно, непосредственным или опосредованным, влияние — односторонним или двусторонним. Явления, происходящие при этом, в филологии принимаются и фиксируются как заимствования, иногда им ищут какое-то стилистическое оправдание. На самом деле подобные факты должны быть подвергнуты социально-лингвистическому анализу.

Борьба за сохранение чистоты языка от неуместного привлечения чужезычных элементов шла и в прошлом, и сейчас. Однако стремление к привлечению элементов другого языка было и будет впредь.

В произведениях казахских поэтов и прозаиков разных времен встречается обилие элементов то арабского, то русского языков. Если до второй половины XVIII века иноязычные элементы чаще всего были арабо-персидского происхождения, реже — русского происхождения, то со второй половины XVIII века постепенно усиливается влияние русского языка, наряду с влиянием арабского. Но с 30-х годов текущего столетия число элементов русского языка в казахском увеличивается, при этом заметно уменьшается количество арабизмов и фарсизмов.

Смешение разноязычных элементов в тексте своего произведения присуще даже маститым писателям. Как показывает творческая лаборатория казахских просветителей Абая Кунанбаева и Ибрая Алтынсарина, обилие иноязычных элементов в оригинальных текстах — явление не случайное, а закономерное, обусловленное больше всего тематикой; исключение составляет любовная

¹ Михайловская Н. Г. Указ. работа. С. 67.

лирика, в которой обязательно учитывается социальный адресат.

Обилие арабизмов в 13, 32, 38 словах-назиданиях, в стихотворениях типа «Алланың өзі де рас, сөзі де рас» Абая, посвященных религии и аллаху, — явление закономерное, обусловленное темой религии, языком которой служил арабский язык. Точно также оправданно богатство русизмов в стихотворении «Интернатта оқып жүр», в котором поэт призывает казахских детей к изучению русского языка и передовой русской культуры.

Следует отметить, что Абай использует и арабизмы, и русизмы не в готовом виде, а творчески, в правильном сочетании с казахскими словами. В умении правильно использовать арабские и русские элементы решающее значение имело знание Абаем обоих этих языков. Важно также отметить и то, что Абай иногда смешивает элементы более чем двух языков: Например:

Еннатыйына калкаусар
Пошал дереу күнәкар,
Аяғын ойлап айтқаны
«Әні-шаны күлаптар»¹.

Как видно, Абай, критикуя своего современника Абралы, не умеющего как следует читать коран, в казахском тексте приводит цитаты из корана, написанного на арабском языке, а также умело использует элементы персидского и русского языков.

Однако нельзя всякое смешение принимать за двуязычие. На практике встречаются случаи использования иноязычных элементов теми, кто не имел даже представления о самом языке. Следовательно, должен быть определен критерий выделения смешанного двуязычия из случайных употреблений иноязычных элементов. Это — с одной стороны. С другой — необходимо выделение единичных показателей смешанного двуязычия.

Смешение иноязычных элементов известно в истории литератур народов мира, и более всего — в **песенном жанре**. Классическим примером здесь может служить так называемая «смешанная поэтическая система», про-

¹ Абай (Ибраһим) Құнанбаев. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Алматы, 1977. Т. 1. 33—34-б.

явившаяся в средневековье в Испании, которая с полным правом рассматривается как двуязычная¹.

Принципиально новые стихотворные жанры — мувашшах и заджал — созданы на арабском языке (с вкраплениями из романской лексики) представителями трех народов — испанцами, арабами и евреями.

Смешанная разновидность художественно-литературного двуязычия находит свое отражение в казахском песенном творчестве (не создавая новых жанров). Например, в стихах Жаяу-Мусы, в припеве к его стихотворению, посвященному тестю Кулбаю:

О, Құлбай, Құлбай
Әнім менің красивай.

Введение русизмов в казахский текст наблюдается у Ахан-Серэ:

Көптен-көп поклон айттым скажия,
Сырымды кімге айтамын Сізден зия.
Именно (й) искренней ескеріңіз,
Хорошенько сестра сватия.

Другое:

Астыма мінген атым саврасын
Жаксы қыз, жаксы жігіт согласын...

Или:

Қарағым, айналайын, **черный** көзің
Ниогда не забуду айтқан сөзің...

Элементы смешанного двуязычия встречаются в популярных современных песнях. Вспомним шуточную песню «Он алты қыз»:

Астыма мінген атым **генадушка**.
Шабамын көңіл ашып **немношка**.
Не керек бұл дүниеде **жить етуге**
Азырақ ойнап-күлмей **молодушка**...
...Еркелеген **Таиса-ай**,
Толықсыған **Маруся-ай**,
Тыңдаушы еді-ау **Сәулем-ай**.
Қайда кетті **Раиса-ай**, я люблю аяй **Рая-ай**,
Қарағым айналайын **черный** көзің,
Ниогда не забуду айтқан сөзің,
Оптарой, третай сорттар толып жатыр,
Первай сорт қайдан тудың сенің өзің!

¹ Багно В. Е. Билингвизм в арабской Испании (Мувавшшах как двуязычная стихотворная форма) // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 321.

Подчеркнутые в текстах слова-русизмы вполне воспринимаются казахами. В приведенных песнях эти элементы русского языка выполняют функцию выразительности.

С 50-х годов широко известна песня Б. Байкадамова «Су тасушы қыздың әні», буквально: «Песня девушки-водовоза». Она распространилась в Казахстане сначала среди целинников, где водовоз был желанным человеком, затем — по всей республике:

Асыққан су тасушы — **водовозбын**
Талайды жолға тастап басып оздым.
Суға емес, қызға әбден шөлдегендей,
Жігітім, неге мұнша мойның создың!

Припев:

Еду, еду қашықтан,
Мен **водовоз** асыққан.
Мөлдір су бар, достар-ей,
Мөлдір су бар, достар-ей,
Кому надо поскорей!

Әкелген бал бұлақтан мөлдір су бар,
Сылтаурап шөлдей берер кейбір кулар,
Күні де, бұл совхоздың қызы да ыстық,
Абайла, алып қалма **большой удар**.

» » »

Су тасып, өлең айтып аралаймын.
Жігітті анау-мынау қаламаймын,
Жылтындап кейбіреулер әуре боп жүр,
Так что ондайларға қарамаймын.

Написал эту песню популярный поэт Н. Шакенов. Слово *водовоз* было хорошо известно среди целинников-казахов, но все же поэт здесь прибегает к приему двуязычия — парно-параллельному употреблению элементов двух языков (*су тасушы* — *водовоз*). Остальные элементы русского языка выполняют функцию экспрессивности.

Смешение элементов двух языков встречается довольно часто. Например, в одной из песен, широко распространенной в Семиречье, имеется такой припев:

Ахау, айдош-ай,
Куда пойдешь-ай,

Мені іздесен, қалқажан,
Дома найдешь-ай.

Причем важно и другое: этот припев может быть использован и при импровизации двух состояющихся в стихах сторон.

Следует отметить, что такие смешения обычно воспринимаются как **макаронические** стихотворения, заслуживающие специального рассмотрения с точки зрения билингвистики.

Смешение иноязычных элементов бывает **уместным** и **неуместным**, хотя, как считают некоторые, уместного меньше, чем неуместного. На наш взгляд, смешанное художественное двуязычие — объективно существующая, необходимая разновидность двуязычия. Это можно доказать примерами из произведений всемирно известных классиков. Например, в первых изданиях эпопеи «Война и мир» Л. Н. Толстого половина персонажей говорит по-французски. Позже, в 1873 году, Л. Толстой изъясил все эти фрагменты и заменил их русским переводом. «Но было замечено, что русский текст, данный самим автором, не соответствует французскому оригиналу, — пишет М. П. Алексеев. — Тогда возникает вопрос: какой текст следует публиковать для современного читателя: русско-французский или русско-русский? Пока мы не нашли на это ясного ответа. По этому вопросу мнения очень расходятся.»¹

Исходя из этого интереснейшего эксперимента, проведенного классиком русской литературы Л. Н. Толстым, и на основании других фактов мы позволим себе сделать три вывода:

1. Подлинные мастера художественного слова, даже будучи двуязычными или многоязычными, не склонны прибегать к иноязычным элементам, хотя эти элементы встречаются в их трудах.

2. Роль и значение иноязычных элементов, введенных в текст произведения в переводе — что важно подчеркнуть — даже самого автора, могут оказаться неадекватными их роли в текстах оригинала, что говорит о том, что смешение разноязычных элементов — не только уместный, но и необходимый **художественный прием**, отражающий языковую ситуацию описываемого объекта.

¹ Алексеев М. П. Многоязычие и литературный процесс. С. 16—17.

3. Наличие иноязычных элементов в литературе является одним из показателей художественного двуязычия.

В истории мировой литературы факты смешанного художественного билингвизма встречались и встречаются ныне у многих известных поэтов, писателей.

В отличие от многих других сфер, в литературе билингвы не допускают плохого знания языка (неправильные сочетания, согласования слов). Однако какая-то неточность во владении другим языком может быть результатом влияния родного языка, его лексики, фразеологии, пословиц и поговорок. Например, один из казахских билингвов употребил такое выражение: *собака знает*, тогда как по-русски это звучит: *пес знает*. Зато в их произведениях изобилие великолепных компонентов — национальная окраска, остроумие, оригинальность, воодушевление, наставления, взятые из кладезя мудрости другого народа. В их устных выступлениях интересные сюжеты, короткие рассказы, отрывки из стихотворений, написанных на других языках, вначале приводятся на языке оригинала, а затем — в переводе.

Смешанный художественный билингвизм может быть вызван к действию разными причинами:

во-первых, сама **тематика** произведения может обусловить применение иноязычных элементов;

во-вторых, **сюжетно-ситуативный план** произведения может вызвать необходимость высказывания героев на разных языках;

в-третьих, элементы неродного языка могут быть использованы в лингвистических, то есть стилистических, целях как средство эпической **стилизации**;

в-четвертых, если постоянной **потребностью**, стоящей перед любым писателем, является поиск **новых** выразительных средств, то некоторые иноязычные элементы могут войти в ткань произведения как окказионализмы;

в-пятых, одной из причин появления иноязычных элементов может быть **слабое знание** неродного языка (его лексики, грамматики, стилистики), а также недостаточное знание истории, жизни и быта описываемого в произведении народа и т. д.

Причем, как правило, такие погрешности больше всего встречаются в **первых по порядку и времени написания произведениях** билингвов.

Словом, смешение разноязычных элементов в тексте произведения наблюдается чаще всего у писателей и поэтов, хорошо владеющих теми или другими языками, элементы которых они вводят в текст.

В смешанной разновидности двуязычия могут быть представлены как генетически, типологически и ареально контактные, так и отстоящие друг от друга языки.

Следует также отметить, что не всякое смешение составляет смешанную разновидность двуязычия. Смешение элементов двух языков не будет макароническим, если оно объединено синтаксически, с целью смыслового единства. Бессмысленное смешение не принимается обществом. Так, например, в статье «На каком языке вы говорите?»¹, опубликованной в виде реплики, критикуется неуместное смешение элементов двух языков в повести «Жоғалған кілт» («Потерянный ключ») Ж. Едияльбаева. Герои произведения родом из местности, где нет русских. Обратим внимание на «казахскую речь» персонажей повести.

Секретарша: *«Қазір занят, алдында кісі бар»* (с. 7).

Следователь отделения милиции Каракеш: *«Вот тебе саған», «ладно, жақсы»* (с. 8), *«Моральный действовать ету нервісіне ойнау»* (с. 50).

Каракешу не уступает и его жена Қатира: *«Мейізқа, помни навсегда, өмірдің қыры да, сыры да көп»* (с. 13), *«Золото мая, учти навсегда, я твоя сестра»* (с. 14), *«По рюмочке коньяка и все будет в порядке, жеңешетай»* (с. 70), *«Подумаешь, какая важность»* (с. 70), *«Қысқасы, я ее ненавижу, ничего, я ей устрою»* (с. 72) и др. Оказывается, так говорит в повести и неграмотный старик: *«басқа адам білмейтін хиторкасы бар»* (с. 29).

Подобные смешения изредка встречаются в устной повседневной речи казахов, проживающих в крупных городах и тех местах, где они представлены в меньшинстве. Но такое смешение не наблюдается у казахов, проживающих в аулах, в степи, в сельских условиях, — потому речь персонажей данной повести представляется неправдоподобной. Иначе говоря, автор может быть двуязычным, но любое бессмысленное, неоправданное смешение языков в произведении всегда идет вразрез

¹ Кашқынов Ж. Сіз қай тілде сөйлейсіз // Жұлдыз. 1965. № 9. 152-б.

с требованием культуры и чистоты родной речи. Культура речи должна быть сохранена в художественно-литературном двуязычии и в устном общении билингвов.

Смещение чужеродных элементов не всегда макаронизм. «Допущение, что языки являются объектами, между которыми, в идеальном смысле, имеются отчетливые границы, предполагало, что любое высказывание может быть однозначно отнесено к конкретному языку. Элементы, явно принадлежащие другому языку, могли, согласно этой точке зрения, найти свое место в системе как «заимствованные» или же как «просочившиеся», благодаря «интерференции». Указанное допущение и сопутствующая ему терминология в высшей степени неудачны, — пишет Р. Белл, — так как не способны учесть «переключение» с языка на язык — обычное явление среди билингвов, — и предполагают понимание такого поведения, как «шума», понижающего эффективность коммуникативного акта, в котором он встречается. Есть немало свидетельств тому, что, по существу, дело обстоит наоборот, то есть, что «языковое смешение», вовсе не делая общение билингвов более трудным, в действительности облегчает его.»¹ Кроме этого, смешение иноязычных элементов, как утверждают другие ученые, не понижает эффективности коммуникативного акта и не затрудняет, а облегчает общение. Исходя из этого, мы считаем, что смешение в устной и письменной речи иноязычных элементов является одним из социолингвистических показателей реального континуума кодов в условиях двуязычия.

СКРЫТОЕ (ФОРМАЛЬНО НЕ ВЫРАЖЕННОЕ) ДВУЯЗЫЧИЕ

Дальнейшее развитие на основе культурного контакта, взаимодействия языков предопределило появление еще одного вида двуязычия — скрытого, которое заключается в формальной невыраженности одного из своих компонентов.

Главными критериями выделения скрытой разновидности двуязычия должны быть: 1) фонетико-графическое и грамматическое оформление введенных иноязыч-

¹ Белл Р. Т. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980. С. 155—156.

ных элементов по законам языка, на котором написано произведение, то есть полная переведенность, что отличает эту разновидность от смешанного двуязычия, где переносится звуковая оболочка иноязычных элементов в исходный язык. В отличие от открытого двуязычия, его скрытом виде переведенность явно ощущается, вызывая некоторые возражения; 2) иноязычные элементы, являющиеся признаками скрытого двуязычия, должны иметь в тексте не случайный, а, в определенной степени, регулярный характер. Однако же, в отличие от других видов двуязычия, здесь достаточно присутствия нескольких, сугубо инациональных, выражений, чтобы безоговорочно признать наличие иноязычного элемента. Так, если русский спросит на родном языке: «Не с дыркой ли у него голова?» — то ясно, что он владеет казахским языком, потому что так (*төбесі тесік емес пе?*) говорят казахи между собой, когда хотят узнать, не понимает ли по-казахски присутствующее лицо, явно принадлежащее к другой национальности. Другой пример: если казах скажет на своем языке *Қоян болып келді*, то сразу будет видно, что он владеет русским языком, потому что казахи так не говорят, и данное выражение для недвуязычного казаха непонятно.

Нетрудно заметить, что эта разновидность двуязычия находит свое отражение и в других сферах жизни. В литературе же она возникает под влиянием множества факторов, важнейшими из которых являются: 1) влияние передовой литературы, выдающихся мастеров художественного слова; 2) развитие переводческого дела; 3) расширение сети массовой коммуникации; 4) усиление непосредственного контакта представителей двух языков и др.

В общественном развитии людей особое место занимало и занимает взаимодействие литератур различных народов. В произведениях национальной литературы интуитивно ощущается присутствие контактирующей литературы, что выражается в каких-либо особенностях, в том числе и в языке (конечно, не всей его системы, а лексических элементов, фразеологических оборотов, синтаксических сочетаний и т. д.). В этой связи следует отметить, что сейчас в любой нашей национальной литературе представлено влияние русской литературы, русского литературного языка. Так, мы считаем, М. О. Ауэзов глубоко прав в том, что «...мастерство писателя, пишущего

на казахском языке, определяется его воспитанием на основе казахского, но и русского литературно-языка»¹.

Если иноязычные элементы переходят в другую звуковую оболочку (то есть — с переводом), то скрыто проявляются и обеспечивают себе место в этом языке. Ярким примером может служить имя Ескендір Зулқарнайын, распространенный образ восточной литературы, в том числе казахской. У Абая есть поэма «Ескендір» — это Александр Македонский. Причем, важно отметить, что такие имена не переводятся, а звучат по-русски как Искандер.

Другим важным фактором в появлении скрытого художественно-литературного двуязычия является возникновение художественного перевода. Сам факт перевода воспринимается нами как социолингвистическое явление, ибо в нем обнаруживается полное воссоздание на определенном языке иноязычного произведения. Переводчика на языке социолингвистики мы квалифицировали бы билингом (как посредника между народами), **перевыражающего выраженное национальным автором на язык другой культуры.** Билингв-переводчик, как и билингв-писатель, участвует в обогащении языка перевода, «даже, пожалуй, больше, чем писатель, потому что многие иностранные слова, прежде чем укрепиться в языке и попасть в словарь, проходят через переводы»². Следовательно, в потенциальном обогащении языка билингвы-переводчики играют роль не менее важную, чем двуязычные писатели. Поэтому необходимо изучить деятельность посредника с точки зрения билингвистики (двуязычия).

Б. А. Ларин в свое время отметил: «Теория перевода получит ощутимые стимулы и обогащение при соотношении и установлении прямой связи с изучением билингвизма. Можно ли возражать против положения, что перевод является функциональной разновидностью билингвизма? Если перевод есть высшая, а именно вполне дифференцированная формация билингвизма, то основное изучение остальных, не вполне дифференцированных формаций его, даст новый аспект теории

¹ Ауэзов М. Вопросы развития казахского литературного языка // Дружба народов. 1951. № 6.

² Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. С. 18.

перевода»¹. В. Ю. Розенцвейг отмечает важность лингвистического описания координативного двуязычия в моделировании речевого поведения профессиональных представителей этого типа двуязычия — переводчиков².

Исторически перевод был порожден, в условиях пестрого разнообразия языков, индивидуальным двуязычием, причем сначала он осуществлялся в устной форме, письменная же форма перевода, особенно его художественного вида, появилась намного позже.

Переводческая деятельность по своему главному назначению — **посреднической функции** — переплетается с двуязычием. Перевод по своей функции ранее был средством межличностного общения и международных контактов, межлитературной связи, где посредником выступает оригинал, сохраняющий в переводе свои особенности, и здесь можно обнаружить «дух» скрытого двуязычия.

Перевод как переложение оригинала в иноязычную литературу представляет собой тот же процесс двуязычия, или сам факт перевоплощения информации (или ее источника) в иную языковую систему.

В принципе можно провести параллель между переводной и оригинальной литературой, с одной стороны, двуязычным автором и переводчиком — с другой. Так, мы знаем, что Абай переводил русских классиков, создавал свои произведения на восточные темы, использовал их сюжеты. Вообще говоря, мы бы сказали, что Абай создавал свои произведения, как бы состязаясь в поэтическом мастерстве со своими предшественниками, и их произведения для него были стимулом поэтического творчества.

Таким образом, у множества поэтов переводные произведения не отличаются от оригинальных. Это говорит, во-первых, об уровне двуязычности Абая в литературе. Во-вторых, когда, так называемые, переводы Абая переводятся на русский язык, то оригинал использовать уже нельзя — рождается совершенно новое произведение, в котором может присутствовать «дух» Абая, «дух» его произведения.

В развитии лексико-грамматической системы языка немаловажную роль играют кальки, которые, на наш

¹ Ларин Б. А. Наши задачи // В сб.: Теория и практика перевода. Л., 1962. С. 6.

² Розенцвейг В. Б. Языковые контакты. С. 16.

взгляд, своим появлением и дальнейшим функционированием обязаны двуязычию вообще, а скрытому его виду — особенно. А. Росетти понимает языковые кальки как «воспроизведение внутренней формы иностранного слова»¹ и объясняет их наличием двуязычия.

К. Молдабеков отмечает, что процессы калькообразования «...предопределяются глубокими языковыми контактами, достижением высокого уровня развития двуязычия и хорошим знанием переводчиками словообразовательной структуры калькируемого языка»².

В результате активного казахско-русского двуязычия в системе калькирующего казахского языка, по аналогии с русским языком, появились многочисленные кальки. По терминологии французского ученого Ф. Г. Моля, кальки — это «переводные заимствования»³. В словарном фонде казахского языка калькирование стало «самым творческим способом образования новых слов»⁴.

Заметим, что полукальки и гибридные слова появились не на почве скрытого двуязычия, а на явно смешанном его виде. Определенная часть жаргонов и условных языков создана на принципах смешанного и скрытого двуязычия.

Здесь необходимо сказать о том, что некоторые кальки не представляют адекватного воссоздания или переложения оригинала, а засоряют язык перевода. Как бы мы ни считали кальки одним из главных путей внутриструктурного развития языка, все же чрезмерное увлечение структурно-словообразовательными и семантическими кальками нежелательно, ибо они могут привести к потере информационной функции, или нанести ущерб содержанию информации. Таким образом, скрытое двуязычие в языке все же обнаруживается, а в сфере художественной литературы как очень редкое явление может отражаться в виде диалогов разноязычных персонажей.

¹ Росетти А. Смешанный язык и смешение языков // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 113.

² Молдабеков К. Основы калькообразования в современном казахском языке. Автореф. дис. Алма-Ата, 1979. С. 3.

³ См.: Новое в лингвистике. Вып. VI. С. 113.

⁴ Молдабеков К. Указ. работа. С. 3.

СОЧИНЕНИЕ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ —
РЕАЛЬНОЕ ДВУЯЗЫЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО

В общественной практике факт написания сочинения на двух языках встречается довольно часто и с давних пор.

Этнический разрез проблемы позволяет наблюдать это явление среди различных народов¹. Например, англичане Ч. Суинберн, О. Уайльд и др., наряду с родным языком, писали и на французском, француз П. Мери-ме — и на английском. Уроженец Праги Р. М. Рильке был пятиязычным, с детства владел чешским языком, стал классиком немецкой поэзии, создавал стихотворения и на итальянском, и на французском, и на русском языках. Уроженец Шампани Адальберт Шамиссо писал стихи на двух языках — не только на своем родном французском, но и на немецком (на котором писал и прозаические произведения). Двужязычными были швейцарский поэт Конрад-Фердинанд Майер и эльзасский писатель Рене Шикеле (оба писали на французском и немецком языках). На польском и русском языках писали стихи многие поляки, например, Л. Кондратович (уроженец Белоруссии), Б. Лесьмян (уроженец Польши) и др.

Разумеется, двужязычие и многоязычие характерны и для ряда русских мастеров художественного слова. На русском языке творили и представители разных народов. Как отмечено в литературе, в России было множество писавших на русском и параллельно на латинском, древнегреческом, французском, немецком, английском, итальянском языках. Среди русских были дву-, трех- и многоязыковые поэты. Так, русско-французскими были видные русские поэты: В. К. Тредиаковский, А. Д. Кантемир, А. П. Шувалов, С. П. Румянцев, А. М. Белосельский-Белозерский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев и др. Русско-немецким был А. К. Толстой. Трехязычным был В. А. Жуковский (писал на русском, немецком, французском); И. С. Тургенев (писал на русском, французском, изредка на английском и немецком) был четырехязычным.

Видимо, жанр литературного произведения и его язык чем-то взаимообусловлены. Великий кобзарь

¹ См.: Алексеев М. П. Многоязычие и литературный процесс // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 7—17.

Т. Г. Шевченко писал стихи на украинском, прозу — на русском языках. Известный писатель Э. Г. Казакевич стихи писал на еврейском языке, прозу — на русском.

Как видим, двуязычные мастера художественного слова стихи пишут на родном языке, а прозу — на неродном. Но есть и другие факты. Например, известный якутский писатель, поэт и драматург А. И. Софронов так хорошо овладел русским языком, что начал на нем свою литературную деятельность. На русском языке им написаны и стихотворения («Мечта», «Разлука», «Борцу») и рассказы («Современный взгляд», «Остроумный якут», «Бред предсмертного»¹).

География советского двуязычного литературного процесса — это вся страна², но ее можно определить и конкретно. Один из многонациональных регионов мира — Кавказ, и там хорошо представлено художественно-литературное двуязычие. Например, в Азербайджане двуязычие известно на протяжении многих веков. Основоположники азербайджанской поэзии И. Насими и М. Физули писали стихи на родном и персидском языках. В числе представителей азербайджанско-русского двуязычия — прозаик наших дней Анар (Рзаев Анар Расул-оглы), прозаики и драматурги Максуд Ибрагимбеков, Имран Касумов и др. Армянин по происхождению Саят Нова (Арутюн Саядан) писал и пел по-армянски, по-грузински, по-азербайджански. Известен как многоязычный писатель советский курд Рашид Микаэлэ, пишущий на курдском, армянском и др. языках.

В Средней Азии и Казахстане двуязычие встречалось нередко. Это и классик узбекской литературы Алишер Навои, и основоположник двух советских литератур — таджикской и узбекской — Садриддин Айни, который и писал, и редактировал на обоих языках. Среди двуязычных писателей, пишущих на близкородственных языках, специалисты отмечают имена узбекско-

¹ См.: Самсонов Н. Г. Русский язык в Якутии (Дореволюционный период) // Русский язык в условиях двуязычия / Межвузовский научный сборник. Элиста, 1978. С. 8.

² См.: Кубилюс В. На пересечении национальных культур // Вопросы литературы. 1975. № 1. С. 251.

Хитарова С. М. Стилиевые поиски и взаимодействие литератур. М., 1976. С. 10.

Многоязычие и литературное творчество. М., 1981.

азербайджанского билингва М. Шейхзаде, туркменско-азербайджанского билингва Г. Мухтарова¹.

Художественно-литературное двуязычие распространено и в других регионах нашей страны. Можно назвать имена таких литераторов, как коми Михаил Николаевич Лебедев, литовец Юргис Казимирович Балтрушайтис, молдаванин Йона Пантелеевич Друце, белорус Василь Владимирович Быков, чукча Юрий Сергеевич Рытхэу, киргиз Чингиз Торекулович Айтматов и др.

Двуязычие развивается во времени. Некоторые двуязычные переходят как бы к одноязычию, ибо перестают писать на одном из языков. Например, Э. Казакевич и З. Бядулей постепенно перестали писать на еврейском языке, первый стал писать только на русском, второй перешел целиком на белорусский язык. Однако бывают случаи, когда писатели временами возвращаются к прежнему языку. Как видим, художественное двуязычие встречается довольно часто и имеет свою историю развития.

Художественное двуязычие развивается в литературе так же, как и одноязычие.

Возникновение национально-русского двуязычия в сфере литературы, естественно, происходило по мере образования литературной формы национальных языков и освоения русского языка представителями других национальностей. Как известно, первый Всесоюзный съезд советских писателей отметил наличие дву-, трех- и четырехязычия. Среди делегатов съезда были писатели, представлявшие латышско-русское, чувашско-русское, кабардино-русское, казахско-русское, русско-адыгейское, русско-еврейское, русско-бурятское двуязычие. Это члены делегаций Башкирии, Украины, Белоруссии, Татарии, Грузии, Азербайджана и Таджикистана. В числе делегатов столичной писательской организации было пять двуязычных и по одному трех- и четырехязычных писателей².

В социально-коммуникативной системе Казахстана двуязычие широко представлено среди всего населения,

¹ Гусейнов Ч. Г. *Формы общности советской многонациональной литературы*. М., 1978. С. 167.

² Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. С. 702—709. (Это было отмечено до нас Ч. Г. Гусейновым в его монографии «Формы общности советской многонациональной литературы». М., 1978.)

но казахско-русское двуязычие занимает ведущее положение как по количеству говорящих на нем, так и по объему функций.

Собственно казахские билингвы (и полилингвы) появились на территории нынешнего Казахстана не ранее XV века, когда казахи формировались как самостоятельная этническая общность. Однако первых двуязычных казахов следует искать среди просвещенных людей и деятелей религиозного культа, в особенности среди авторов литературных памятников и лингвистических трудов, написанных на тюркских и на других языках.

Вторым компонентом двуязычия был один из тюркских, монгольских или арабо-персидских языков и, возможно, их местные диалекты. Классическим примером билингвов и полилингвов средневековья были выходцы из тюркской этноязыковой семьи — Махмуд Кашгари, аль-Фараби.

Первые элементы двуязычия с компонентом казахского языка в сфере литературы, видимо, надо искать прежде всего в тюркских письменных источниках, в творениях народного фольклора, в исторических трактатах, официальных и деловых бумагах, ханских ярлыках, в религиозных книгах. Носителями раннего двуязычия были деятели казахской культуры — правители и сановники, толмачи и писари, акыны, шешены (ораторы) и бии, возможно, батыры.

Начальные элементарные образцы казахско-русского художественного двуязычия появились: 1) в первых казахских учебных пособиях и букварях, словарях, путеводителях и другой подобной литературе по Казахстану; 2) в созданных на русском языке больших и малых произведениях литературы, включавших и казахские тексты.

Как было отмечено, первыми двуязычными были казахские переводчики, ученые, просветители и педагоги. Однако не все они относились к носителям художественно-литературного двуязычия. В этой связи казахских деятелей культуры следует делить на две группы: 1) **знавших** два языка; 2) **писавших** на двух языках. Разумеется, знавшие два языка могли использовать их в своем творчестве, но, несмотря на это, их нельзя причислить к билингвам-писателям. Так, например, Махамбет писал свои стихи на родном языке, хотя хорошо владел и другими языками.

ГЛАВА 3

КАЗАХСКО-РУССКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ В СФЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В области духовного общения литературно-художественное творчество занимает особое место, ибо художественностью наделено не только содержание литературы, но и ее форма: язык, на котором она создается. С точки же зрения социальной лингвистики художественная литература представляет собой своеобразную сферу функционирования, в частности дву- и многоязычия, которые лишь в последнее время стали объектом исследования¹.

Изучение и пропаганда двуязычия составляют теоретическую и практическую потребность и, соответственно — одну из фундаментальных проблем современной социолингвистики.

Язык (как средство общения) и художественная литература (как род искусства) имеют некоторую функциональную общность: они испытывают воздействие внешних факторов и сами оказывают обратное влияние на них. Они возникают и реализуются лишь в обществе и только в нем приобретают ценность.

В. И. Ленин определил язык как «важнейшее средство человеческого общения»². Данное, социолингвисти-

¹ См.: Гусейнов Ч. Г. *Формы общности советской многонациональной литературы*. М., 1978.

Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981.

Михайловская Н. Г. *О проблемах художественно-литературного двуязычия* // Вопросы языкознания. 1979. № 2.

Михайловская Н. Г. *Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока*. М., 1984.

Карпенко М. А., Кононенко И. В. *Художественный билингвизм на Украине: традиции и новаторство*. Киев, 1984.

Джолдошева Ч. Т. *Авторские переводы Чингиза Айтматова и некоторые особенности соотношений между контактирующими культурами* // Русский язык и литература в киргизской школе. 1985. № 3.

² Ленин В. И. *Полн. собр. соч.* Т. 25. С. 259.

ческое по своей сущности, определение языка исходит из его главной функции — коммуникативной.

Эта и другие функции языка проявляются в различных сферах человеческой деятельности, в том числе в сфере художественной литературы, которая характеризуется функциями, присущими ей как категории духовно-практической жизни людей: эстетической, познавательной, идеологической, воспитательной, коммуникативной¹. Перечисленные функции художественных произведений сопоставимы с функциями языка². Как и в языке, коммуникативную функцию художественной литературы можно рассматривать в виде своеобразного канала «передачи эмоционально-чувственных представлений, исторически сложившихся понятий, многообразных фактов и явлений действительности, отраженных в художественном произведении. Данные функции литературы как феномена словесного творчества могут быть сопоставлены с важнейшими общественными функциями языка ... — функциями общения, сообщения, воздействия»³. При таком подходе «коммуникативная функция литературы становится релевантной языковой функции общения; эстетическая, идеологическая и воспитательная функции оказываются в непосредственной связи с функцией воздействия; познавательная же функция по своему назначению наиболее близка функции сообщения. Вместе с тем, сопоставление функции языка и литературы не означает их адекватности...»⁴.

Наличие двуязычия в сфере художественной литературы есть отражение реального взаимодействия языков в обществе; произведения этого рода прежде всего доступны двуязычным индивидам, которые знают материал «изнутри».

Как показывает опыт реального развития литературы народов СССР, двуязычие в художественно-литературном творчестве стало общей необходимостью, творческой потребностью любого писателя любой национальности, особенно представителей таких нацио-

¹ См.: Художественная культура: Понятия, термины. М., 1978. С. 12—14.

² См.: Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М., 1977. С. 218—246.

³ Виноградов В. В. *Стилистика*. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 6.

⁴ Михайловская Н. Г. *Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока*. М., 1984. С. 4.

нальностей, родной язык которых не получил широкого распространения до революции.

Проявление двуязычия в творческой сфере связано с социальной ролью художественной литературы в жизни общества. Во-первых, двуязычие, занимающее определенное место в системе советского образа жизни, не может не получить своего отражения в художественной литературе, которая дает, как отметил В. В. Виноградов, «...эстетически преобразованное отражение «речевой жизни» народа, в соответствии с идейным замыслом писателя и методом его творчества»¹. На уровне отдельных произведений должна получить художественное отражение и языковая ситуация. Во-вторых, в масштабе национальных литератур появились двуязычные писатели и переводчики. В-третьих, двуязычие для национальных писателей и критиков, пишущих пусть даже на одном языке, стало ежедневным спутником.

1. МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ АВТОРСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ В КАЗАХСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Пророческим оказалось предсказание выдающегося русского ученого и путешественника Г. Н. Потанина о том, что в будущем «...киргизская (казахская. — Б. Х.) народность, подобно малорусской и польской, даст двуязычных писателей, которые будут писать и на казахском, и на русском языках»². Первый казахский писатель-билингв появился во второй половине XIX века. Это был один из основоположников нового казахского литературного языка, фольклорист, этнограф, лингвист и великий педагог — **Ибрай Алтынсарин** (1841—1889 гг.), который сочинял оригинальные художественные произведения на казахском языке. Он включил их в свою известную «Киргизскую хрестоматию», выпущенную в 1879 г. в г. Оренбурге. Перевод осуществлялся им как с русского на казахский, так и с казахского на русский. Так, он переводил на казахский язык произведения Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, И. И. Паульсона, иногда использовал в своем

¹ Виноградов В. В. Проблема исторического воздействия литературного языка и языка художественной литературы // Вопросы языкознания. 1955. № 4. С. 23.

² Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1968. Т. 4. С. 298.

творчестве их сюжеты. Отмечено, что «...Алтынсарин не просто переводил, а творчески переосмысливал произведения русских педагогов, приспособлявая их к миропониманию степняков»¹.

Как отмечал Н. И. Ильминский, «в письмах 1860 годов соблюдены не совсем правильный язык и не совсем твердая орфография подлинников. К 1870 годам Алтынсарин писал по-русски совершенно правильно»². В письме управляющему канцелярией синода В. К. Саблеру ученый в 1886 г. сообщал: «Он (И. Алтынсарин. — Б. Х.) меня поразила своею необыкновенною любознательностью именно к русскому языку»³.

Двуязычие И. Алтынсарина проявлялось в его переводах на русский язык стихотворений казахских акынов, их рассказов, анекдотов (например, «Любопытные рассказы» — «Таңсық әңгімелер») ⁴.

Свои публицистические сочинения, лингвистические труды он писал на русском языке. Например: «Горекиргиз», «О джуте (гололедице)», «По поводу голода в киргизской степи». Его книга «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» (1879 г.) написана с привлечением материалов двух языков. В лингвистических трудах имеются «Образцы для первоначальных переводов с киргизского (казахского. — Б. Х.) на русский язык», казахско-русский и русско-казахский словари. И. Алтынсарин, окончивший русскую школу с отличием, работал переводчиком, уездным судьей, инспектором народных училищ, учителем русско-казахских школ, преподавал казахский и русский язык. Его перу принадлежит множество статей о политическом строе, общественно-экономическом положении, образовании Казахстана, масса очерков по этнографии, написанных на русском языке.

Казахских писателей, пишущих и писавших на двух — казахском и русском — языках, насчитывается более **сорока**, но определенная часть их на русском

¹ Сулейменов Б. Примечания к произведениям И. Алтынсарина // *Алтынсарин И. Собрание сочинений*: В 3 т. Алма-Ата, 1975. Т. 1. С. 342.

² Воспоминания об И. Алтынсарине Н. Ильминского. Казань, 1891. С. 202.

³ См.: *Алтынсарин И. Собрание сочинений*: В 3 т. Алма-Ата, 1975. Т. 1. С. 298.

⁴ Там же. Т. II. С. 25—26, 108, 111—115.

языке пишет или писала только в соавторстве с русскоязычными писателями, переводчиками, журналистами.

В художественно-литературном процессе наблюдается три вида двуязычия, осуществляемого: 1) на разных языках самостоятельно; 2) на родном языке — самостоятельно, на втором в соавторстве; 3) на двух языках в соавторстве с группой писателей. Первый вид представляет индивидуальное, «чистое» проявление двуязычия, а последние два — групповое, «смешанное» его проявление.

К писателям-билингвам, писавшим и пишущим на казахском и русском языках самостоятельно, относятся: Ибрай Алтынсарин, Мулда-Нияз Бекимов, Мухаметжан Сералин, Беимбет Майлин, Мухтар Ауэзов, Сабир Шарипов, Габит Мусрепов, Бауырджан Момыш-улы, Саттар Ерубаяев, Баубек Булкишев, Қасым Аманжолов, Аскар Нуртазин, Зеин Шашкин, Сайдиль Талжанов, Тулеу Шаханов, Евней Букетов, Ильяс Есенберлин, Роллан Сейсенбаев, Сатыбалды Нарымбетов, Алтыншаш Джаганова, Қалтай Мухамеджанов, Такен Алимкулов, Акан Нурманов, Сейфулла Қуспанов, Амангали Султанов, а также Герольд Бельгер, пишущий на трех языках — казахском, русском и немецком самостоятельно и в соавторстве.

К писателям-билингвам, писавшим (пишущим) на втором языке лишь в соавторстве, относятся: Ильяс Джансугуров, Назифа Кульжанова, Тайыр Жароков, Темиргали Нуртазин, Алькей Маргулан, Мухамеджан Қаратаев, Саурбек Бакбергенов, Оразбек Бодыков, Хасен Узденбаев, Хаджимурат Сыздыков. Кроме того, десятки казахских писателей и переводчиков осуществляют подстрочные и авторизованные переводы с казахского на русский язык.

Групповое казахско-русское двуязычие представлено в творческом содружестве Б. Майлина и Г. Мусрепова с Вс. Ивановым; Г. Мусрепова с С. Михалковым и И. Прутом; М. Ауэзова с Л. Соболевым, Г. Рошале, С. Ермолинским; М. Қаратаева с К. Алтайским и А. Брагиным; А. Тажибаева с Н. Погодиным и Л. Жежеленко; Ш. Хусаинова с А. Абызовым; К. Мухамеджанова с Ч. Айтматовым; Д. Ташенова с А. Сацким и И. М. Саввиным. Следует отметить, что произведения этих писателей должны быть признаны двуязычными потому, что они написаны и обнародованы не на одном, а на

двух — казахском и русском — языках. Творческому содружеству служили два языка, каждый писатель одним из них владел свободно, как родным, а совместно — свободно двумя языками.

При этом мы берем лишь тех писателей или переводчиков, которые работают на двух языках в сфере художественной литературы. Так, если переводчик переводит только на один (казахский, русский и др.) язык, то это нами квалифицируется как одноязычие. Если казах пишет на родном языке, а на втором — только в соавторстве, то он — билингв, его же соавтор может и не быть билингвом, если работает (и в соавторстве) на одном языке.

Двуязычие в сфере художественной литературы имеет два канала проявления:

1. Сочинение и опубликование оригинальных произведений писателями-билингвами на двух языках. Это осуществляется:

- автором (одним) самостоятельно на двух языках;
- самостоятельно на одном, на втором — в соавторстве.

2. Художественный перевод, осуществляемый:

- автором произведения самостоятельно;
- в соавторстве;
- переводчиком, пишущим на двух языках;
- переводчиком, пишущим на одном языке самостоятельно, на другом совместно с другим переводчиком.

В специальной литературе выделяется от трех до пяти типов художественно-литературного двуязычия в нашей стране. Ч. Г. Гусейнов выделяет пять типов:

1) творчество на национальном языке и авторский перевод на русский (Ч. Айтматов, И. Друцэ, В. Быков, Анар, П. Хузангай и др.);

2) творчество на русском языке с последующим самопереводом на национальный язык (И. Касумов и др.);

3) параллельное творчество на национальном и русском языках без самоперевода (М. Байджиева и др.);

4) временный или постоянный переход с двуязычия на одноязычие (русское или национальное), при котором произведение не переводится автором на национальный язык в первом случае, и на русский язык — во втором (в этой группе, как пишет ученый, «можно встретить опять Ч. Айтматова, И. Друцэ, чьи последние про-

изведения созданы лишь на русском, хотя возможны их «возвращения» к киргизоязычному или молдавоязычному творчеству»);

5) творчество лишь на русском языке, при котором, однако, писатель причисляется к литературе не русской, а национальной (ученый считает, что в «чистом» виде бытуют лишь писатели пятого типа — пишущие только по-русски) ¹.

М. Н. Губогло выделяет три основных разновидности двуязычного творчества ²:

1) создание художественных произведений на каком-либо одном языке и авторский перевод этого же произведения на другой язык, т. е. «переводное двуязычное творчество». Примеры — творчество Ч. Айтматова, Ч. Гусейнова и др. Так, повесть последнего «Магомед, Мамед, Мамиш» публиковалась с характерным подзаголовком: «В собственном переводе автора с родного азербайджанского на родной русский» (Дружба народов. 1975. № 2. С. 99);

2) создание разных произведений на разных языках, т. е. «попеременное двуязычное творчество». Пример — творчество молдавского ученого К. Поповича, который свою монографию о творчестве Михаила Эминеску написал на молдавском языке, ряд работ о молдавско-русско-украинских литературных связях — на русском, а роман «Тревожное утро» — на украинском. Черновицкий писатель М. Ивасюк создавал свои прозаические произведения на украинском, стихи — на молдавском языке;

3) создание одним и тем же писателем одного и того же произведения сразу на двух языках, т. е. «параллельное двуязычное творчество». Пример — творчество В. Владыкина, который создает произведения на русском и удмуртском языках, стихотворения С. Тиркыгина и З. Ненлюмкиной на чукотском и русском языках, произведения Э. Гюнтера, пишущего на немецком и русском языках.

Казахско-русское художественно-литературное двуязычие в Казахстане функционировало или функционирует не в трех и не в четырех, а, по крайней мере, в тринадцати взаимосвязанных разновидностях:

¹ Гусейнов Ч. Г. Формы общности. С. 169—170.

² Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М. 1984. С. 254—255.

1. Параллельное или попеременное сочинение разных произведений на двух — казахском и русском — языках

Один из крупнейших представителей казахской литературы дооктябрьского периода **Мухамеджан Сералин** (1872—1929 гг.) известен казахским читателям как писатель, журналист. Он выпускал журнал «Айкап» (1911—1915 гг.). На казахском языке до Октябрьской революции им опубликованы поэмы «Топжарған» (1900 г.), «Гүлқашима» (1903 г.). Известен он и как переводчик: перевел с русского на казахский язык «Полынь» («Жусан») А. Сорокина (1915 г.) и поэму «Рустам-Зораб» А. Фирдоуси (переведенную на русский язык В. А. Жуковским).

М. Сералин поддерживал тесные контакты с передовой русской интеллигенцией своего времени. Руководитель первой большевистской организации в Кустанае С. С. Ужгин отмечал: «Из всех казахских учителей Сералин выделяется большой начитанностью, редким красноречием...»¹.

Он не просто владел русским языком, а сочинял стихи на нем. Среди его стихов есть такие, что посвящены первой русской революции. Отрывок одного из них, вполне соответствует отмеченному выше литературному критерию художественно-литературного двуязычия:

Русский брат богатырской рукой
Знамя красное взвил над землей.
На царя, на злодеев-владык
У рабочих отточенный штык².

Стихотворения М. Сералина, написанные на русском языке, также встречаются в воспоминаниях революционера С. С. Ужгина. Он пишет: «Через Сералина и Кубеева в казахские аулы впервые проникло смелое большевистское слово...» и «нелегальная литература, в особенности листовки, переводилась на казахский

¹ Воспоминание С. С. Ужгина о первой большевистской организации в Кустанае // Революция 1905—1907 годов в Казахстане: Сб. документальных материалов / Под ред. Б. С. Сулейменова. Алма-Ата, 1949. С. 63.

² См.: *Куприн Г. А.* Кустанай: Историко-информационный путеводитель. Алма-Ата, 1979. С. 14.

язык, и в рукописном виде пересылалась из аула в аул»¹.

М. Сералин, будучи двуязычным журналистом-публицистом, выступал не только на страницах журнала «Айқап», но и газеты «Степь», выпускавшейся на русском языке.

Казахи, писавшие или пишущие в советскую эпоху на двух языках, встречаются среди писателей любого возраста, с разным опытом писательского труда. Мы сочли нужным остановиться прежде всего на классиках национальной литературы.

Принято считать, что **С. Сейфуллин** (1894—1938 гг.) свои художественные произведения писал на казахском языке. Но отрывки из известного романа «Тар жол, тайғақ кешу» он опубликовал на русском языке в виде рассказа. Например, раздел романа «Вагон смерти» атамана Анненкова опубликован на русском языке в литературно-художественном сборнике «Казакстан» (кн. 2. Алма-Ата — Москва, 1933. С. 36—62) и в «Казакском сборнике» (сост. Г. Тогжанов, И. Джансугуров. М.: Госиздат худ. литературы, 1934. С. 56—72). В сборниках указаны переводчики произведений других казахских писателей, поэтому мы полагаем, что этот фрагмент романа написан С. Сейфуллиным на казахском языке, но переведен на русский язык самим автором и представлен как оригинал. Если сравнить этот русский текст с текстом перевода других переводчиков, то обнаруживаются заметные отличия. Мы имеем в виду переводы А. Бегишева (его перевод издан в виде отдельной книги в г. Кызыл-Орде, 12 с.), С. Талжанова и И. Щеголихина (Тернистый путь. Алма-Ата, 1964. 454 с.). Поэтому мы считаем, что С. Сейфуллин опубликовал на русском языке отрывки из вышеуказанного романа в собственном переводе.

Имеются свидетельства о том, что **Б. Майлин** (1894—1938 гг.) и **Г. Мусрепов** (1902—1985 гг.) писали на русском языке не только в соавторстве с В. В. Ивановым. Так, прежде чем написать широко известный литературный сценарий об Амангельды Иманове, они написали на русском языке художественный очерк под названием «Народный батыр Амангельды» (Литера-

¹ Воспоминание С. С. Ужгина о первой большевистской организации в Кустанае. С. 63.

турный Казахстан. 1937. Кн. 1. С. 2—18). Пьеса «Амангельды» этих авторов появилась позже и была поставлена на сцене Академического казахского театра в 1952 г.

Чрезвычайно важно отметить, что двуязычие писателей выражается в исправлении и дополнении текста переводчиков. Это явление, характерное для основной массы современных казахских писателей, встречалось еще в 30-е годы. Так, повесть Б. Майлина «Пятнадцать дворов» была опубликована в переводе Ф. Джандосовой и Т. Озерского, и перевод их «дополнен и исправлен автором...» (см.: Казакский сборник. С. 56—72). Исправление автором текста перевода своего произведения (авторизация), на наш взгляд, является признаком его двуязычия в художественно-литературном творчестве. Этот факт, по крайней мере, говорит о вероятной возможности перехода писателя от одноязычия к двуязычию или о его полном двуязычии.

Среди классиков казахской советской литературы в сфере художественной литературы на двух языках больше всего выступал лауреат Ленинской и Государственной премий СССР **Мухтар Омарханович Ауэзов** (1897—1961 гг.), создатель первого казахского много-томного романа-эпопеи, драматург, переводчик и ученый. Русскому языку он первоначально учился в Семипалатинском городском училище и в учительской семинарии, а затем, будучи студентом филологического факультета Ленинградского университета и аспирантом, совершенствовал свое знание русского языка. М. Ауэзов, сразу же появившийся на небосклоне казахской литературы как звезда первой величины, в самом начале своего творчества испытывал влияние классиков русской и зарубежной литературы, о чем свидетельствовал неоднократно.

Обычно считается, что М. О. Ауэзов свои художественные произведения писал только на родном языке, а на русском языке — в соавторстве. Это утверждение неверно. Он писал и на русском, причем не только «по оперативному заказу газет»¹. Писал художественную прозу, пьесы, литературные сценарии, либретто оперы и балета и самостоятельно, и в соавторстве. Так, про-

¹ Пантелеев А. Певец великой степи // Ауэзов М. Племя младое. Алма-Ата, 1979. С. 18—20.

изведение «Касен и его друзья» он опубликовал на русском языке самостоятельно (см.: Казакский сборник. С. 97—121). Если учесть, что в упомянутом сборнике переводчики произведений других казахских писателей указаны, то считаем, что данное произведение переведено самим автором¹. При этом мы учитываем два обстоятельства: во-первых, М. Ауэзов совместно с З. Кедриной, до этого переводившей поэтические произведения И. Джансугурова на русский язык, мог бы перевести и свои произведения. Во-вторых, данное произведение на казахском языке опубликовано позже, чем на русском языке (см.: Сб.: Тас түлек. Алматы, 1935. 245—292-б.).

М. Ауэзов опубликовал на русском языке отрывок из пьесы «Ночные зарницы» на страницах журнала «Литературный Казахстан» (1935. № 3—4. С. 69—79). Полный ее текст хранится в архиве писателя под названием «Ночные раскаты» (Түнгі сарын). На первой странице рукописи отмечено, что литературная обработка текста выполнена заслуженным артистом республики К. А. Давыдовским. В следующем номере этого журнала опубликована глава из повести «Қараш-Қараш» — «Расплата» в литературной обработке А. Гамова. Отметим также, что в архиве писателя хранится машинописный текст пьесы в 6-ти картинах, написанной в соавторстве с Габитом Мусреповым, под названием «Разящий клинок» (55 стр., русский литературный текст А. Г. Ридаль)². Эта пьеса известна литературоведам под казахским названием «Қынаптан қылыш» и поставлена 21 ноября 1945 г. на сцене драмтеатра режиссером А. Г. Ридалем. На каком языке она была написана первоначально? Оказывается, пьеса написана М. О. Ауэзовым на русском языке. Это подтверждает ее текст, написанный им собственноручно в объеме 77 страниц³.

Либретто оперы «Бекет» он писал в 1938 г. сразу на русском языке. Рукописный текст в объеме 45 стр. хранится в архиве писателя⁴. Там же можно обнару-

¹ Рукопись произведения сохранена в архиве писателя под двуязычным названием «Хасеннің құбылыстары» — «Трансформации Хасена». ЛММА, Кпр -1, папка № 43. С. 59—99.

² ЛММА (Литературно-мемориальный дом-музей М. Ауэзова). Кпр.-1, п. 131.

³ ЛММА, Кпр — 1, оп. 1. С. 165.

⁴ ЛММА, Кпр — 1, оп. 1. № 167.

жить текст литературного киносценария, написанный карандашом (название — фиолетовыми чернилами): «Ауэзов Мухтар. Райхан (название условное). Литературный сценарий художественного фильма»¹. Объем — 64 стр.

Некоторые свои произведения Ауэзов писал на двух языках — казахском и русском — параллельно. Таким является либретто балетного спектакля «Қалқаман — Мамыр» («Кровавый утес»), автографические варианты которого (на казахском и русском языках) хранятся в доме-музее М. О. Ауэзова². В своих статьях, опубликованных в прессе, он одобрял появление произведений русскоязычных писателей, рецензировал их. Следует подчеркнуть, что свои очерки, литературно-критические статьи он писал не только на родном, но и на русском языке. Таковы его литературоведческие книги «Мысли разных лет» (Алма-Ата, 1959) и «Уақыт және әдебиет» («Время и литература», құрастырған, алғысөзін жазған Ы. Дүйсенбаев. Алматы, 1962. 427-б.). Заметим, что некоторые литературоведческие статьи М. О. Ауэзова, написанные на казахском языке, еще не переведены на русский язык.

М. О. Ауэзов — основоположник нового раздела в казахском литературоведении — абаеведения, который создавался им не только на казахском языке, но и на русском³. Между прочим, в своих статьях, написанных на русском языке, он цитировал стихи Абая в подстрочном переводе⁴.

Перевод ряда произведений М. О. Ауэзова на русский язык осуществлен им самим и отмечен как подстрочный. Однако зачастую перевод его таковым можно назвать лишь условно, ибо, как показывают архивные материалы, автоперевод М. О. Ауэзова не требовал существенной редакции или литературной обработки, что говорит о его безупречном писательском двуязычии.

Академик АН КазССР З. А. Ахметов, изучая рукописные свидетельства М. О. Ауэзова, в частности, под-

¹ ЛММА, Кпр—1, оп. 1. № 51.

² ЛММА, Кпр—1, № 165.

³ Қара: Ауэзов М. О. Абай Құнанбаев // Мақалалар мен зерттеулер (Статьи и исследования). Алматы: Ғылым, 1967. 391-б.

⁴ См.: Ауэзов М. Традиции русского реализма и казахская литература // Сборник статей о казахской литературе. Алма-Ата, 1957. С. 10—15.

строчные переводы глав романа-эпопеи «Путь Абая», выполненные самим автором, отмечает: «Подстрочный перевод М. Ауэзова интересен тем, что в нем сильнее ощущается своеобразие оригинала, особенно его стиливые и языковые особенности, поскольку писатель, учитывая назначение подстрочника, стремился как можно точнее передать в нем все, что должно быть сохранено в художественном переводе. Этим объясняется и некоторая необычайность построения предложений, естественная в казахском, но непривычная в русском тексте»¹.

Сравнение ученым текста романа в русском переводе с подстрочником М. О. Ауэзова показало, что «многие фразы, удачно найденные М. Ауэзовым в подстрочном переводе, сохранены полностью или перенесены лишь с частичными изменениями в текст художественного перевода»². Следовательно, этот факт говорит о мастерстве автоперевода с родного языка на русский.

Говоря о степени двуязычия М. О. Ауэзова, уместно напомнить высказывание его друга, соавтора и переводчика Л. С. Соболева: «Русский язык его был поразительно цветист и красноречен. Рассказывая мне о степи, где он родился, он находил необычайно яркие и действенные сочетания русских слов, — и невольно думалось, с каким же блеском владеет он языком родным»³.

Небезынтересно отметить, что среди казахской научной интеллигенции получило (примерно с 50—60 гг.) широкое распространение изречение *Орысша жазсаң, әкесі орыс, шешесі орыс біреуге қаратып ал — Если пишешь по-русски, то покажи такому (русскому), у которого мать и отец русские*. Имеются сведения о том, что автором изречения является М. О. Ауэзов. Это еще раз подчеркивает высокую меру требовательности, которую предъявлял выдающийся казахский писатель к русской речи казахов.

Правофланговым в ряду двуязычных казахских писателей по объему написанного, по глубине художественности и по читательской популярности был и остается известный писатель-воин, лауреат Государственной

¹ Ахметов З. А. Поэтика эпопеи «Путь Абая» в свете истории ее создания. Алма-Ата, 1984. С. 99—100.

² Там же. С. 103.

³ Соболев Л. С. Десятилетия дружбы. Очерки и статьи о Казахстане. Алма-Ата, 1971. С. 125.

премии Казахской ССР **Баурджан Момыш-улы** (1910—1982 гг.). Его читают не только в Казахстане, но и за пределами республики, доказательством чего служат частые переиздания и переводы его произведений на многие языки народов СССР и мира.

Избранные сочинения Б. Момыш-улы на казахском и русском языках составляют два двухтомника¹, причем, по содержанию они друг друга почти не повторяют. Кроме того, есть повесть «Наша семья» в переводе на казахский язык, которая не вошла в двухтомник, ибо издана позже². Как подчеркивал М. Ауэзов, «Баурджан Момыш-улы... на русском языке пишет лучше, хотя он казахский знает прекрасно»³. Известный советский прозаик и драматург Всеволод Вишневский считает его писателем-профессионалом и указывает: «Рассказ льется свободно, органично. Языковых погрешностей не ощущаю...»⁴.

В начале своей творческой деятельности Б. Момыш-улы писал на казахском языке, затем большую часть своих произведений — на русском. Вместе с тем, трудно представить современную казахскую литературу без его произведений. Известный представитель русской литературы в Казахстане Дм. Снегин называет Б. Момыш-улы «общенациональным писателем». «Я со всей силой хочу подчеркнуть, — пишет он, — что Баурджан как писатель явление казахское, национальное. Мне уже приходилось и в печати, и на творческих встречах говорить: весь строй его произведений красноречиво свидетельствует о том, что созданы они казахом. Именно созданы, а не переведены с казахского. Одновременно Баурджан Момыш-улы многие свои произведения создает и на казахском языке. Не переводит с русского — создает. Своеобразное видение мира, манера рассматривать жизненные явления в соответствии с характером родного народа органически присущи его творчеству... Это первый казахский писатель, который пишет как на русском, так и на родном языке, сохраняя в любом слу-

¹ *Момыш-ұлы Б. Шығармалар (екі томдық). Т. 1, 2. Алматы, 1968. Момыш-ұлы Б. Избранное: В 2 т. Алма-Ата, 1980.*

² *Момыш-ұлы Б. Ұшқан ұя. Алматы: Жазушы, 1975.*

³ См.: От издательства // *Момыш-улы Б. Избранное. Т. 1. С. 7.*

⁴ *Снегин Дм. Два подвига Баурджана Момыш-улы // Момыш-улы Б. Избранное. Т. 2. С. 307.*

чае национальные черты. Баурджан — писатель двуязычный. В этом тоже его богатство и счастье.»¹

Необходимо выяснить причину обращения к русскому языку замечательного знатока прошлого и настоящего казахского народа, его образа жизни, его языка — писателя Б. Момыш-улы. Мы не раз слышали ответ писателя на вопрос о том, почему он пишет на русском языке: «Я — счастливый казах. Я прошел хорошую школу в рядах Советской Армии. Моими учителями были русские люди, и в своем большинстве, настоящие люди. Они на многое открыли мне глаза, и я стал богаче. Я благодарен им, русскому народу и сегодня выражаю эту благодарность тем, что пишу свои книги на русском языке»².

Видимо, немаловажное значение имел и этногеографический фактор, поскольку некоторые произведения Б. Момыш-улы написаны за пределами республики. Мы имеем в виду повести «Наша семья» (1956 г.) и «История одной ночи» (1954 г.).

Революционер, государственный деятель, нефтяник, один из зачинателей казахской советской литературы, татарин по национальности, **Сабыр Шарипов** (1882—1942 гг.) свои художественные (и иные) произведения писал на казахском и русском языках. По некоторым, требующим уточнения, данным он писал и на татарском языке.

В произведениях С. Шарипова (псевдонимы — Рибас, Жолаушы) описывается дореволюционная жизнь казахского народа, пути формирования казахских революционеров, национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г., социально-экономические преобразования в жизни казахского народа, казахского рабочего класса послеоктябрьского периода. В некоторых его произведениях отражена действительность Ирана.

Собрание его сочинений (на казахском языке) вышло в свет в 1959 г. в двух томах. Произведения переиздавались, были положительно оценены С. Сейфуллиным, И. Джансугуровым³, Е. Утебаевым⁴, Т. Какише-

¹ Снегин Д.м. Два подвига Момыш-улы. С. 308—309.

² Там же. С. 307—308.

³ Шарипов С. Шығармалар. Екі томдық. 1 т. (повестер). II т. (әңгімелер). Алматы, 1959. 364—368-б.

⁴ Утебаев Е. Сабыр Шарипов. Алматы. 1970.

вым¹. Так, в предисловии к первой книге писателя («Алтыбасар») С. Сейфуллин еще в 1926 г. писал, что произведение «из казахского быта, из жизни казахских крестьян. Язык понятный, чистый. Словоупотребление красивое. Описание ясное, полное, красочное и яркое. То, что писатель хорошо знает казахскую жизнь, очевидно»². На страницах казахской периодической печати С. Шарипов опубликовал более десяти публицистических статей.

Художественные произведения он писал не только на казахском, русском, но и на татарском языке³. В 1929—1932 гг. им написан роман «Салия, или рабыня XX века»⁴. В 1935 г. автор сдал в издательство текст этого романа на казахском языке, но рукопись была утеряна и роман не издан.

Писатель опубликовал ряд рассказов и воспоминаний, например, сборник рассказов «Сулук» (Пиявка. М., 1929), на страницах местной периодической печати вышло несколько его очерков на казахском и русском языках.

Многообразно творчество прозаика, поэта, публициста Саттара Ерубаяева (1914—1937 гг.). Большой популярностью пользуется его роман «Менің құрдастарым» («Мои сверстники»), который с 1939 г. регулярно переиздается. Роман «отличается сочным художественным языком. Автор умело использовал богатства родной речи в сочетании с отдельными оборотами, присутствующими русскому языку»⁵.

Художественные очерки и новеллы писал он и на русском языке, например, новеллы «Бессмертие» и «Красота жизни», очерк «Лицо жизни». Проф. Т. Какишев отметил, что они написаны «с большим мастерством, глубоко волнуют своей правдивостью»⁶.

Двуязычие С. Ерубаяева ярко отражено и в его переводческой и журналистской деятельности. Он заведовал отделом культуры и литературы республиканской

¹ Кәкішев Т. Сабыр Шаріпов // Шаріпов С. Шығармалар. Екі томдық. Т. 1. 3—13-б, 364—370-б.

² Қара: Шаріпов С. Шығармалар. Екі томдық. II т. 364—365-б.

³ Сведения из вышеупомянутой книги Е. Утебаева.

⁴ Подлинник хранится в Центральной научной библиотеке АН КазССР.

⁵ Какишев Т. Саттар Ерубаяев // Саттар Ерубаяев. Мои сверстники. Алма-Ата, 1958. С. 10.

⁶ Там же. С. 7.

русской газеты «Ленинская смена», позже — был заместителем редактора республиканской казахской газеты «Лениншіл жас» и областной казахской газеты «Қарағанды пролетариаты».

Литературоведы отмечают, что «многочисленные стихи, очерки, новеллы, рассказы и роман Саттара Ерубаяева, написанные на русском и казахском языках, свидетельствуют о его прозорливости, таланте как журналиста, так и писателя-публициста»¹.

Талант писателя, поэта, публициста, переводчика **Баубека Булкишева** (1916—1944 гг.) (псевдонимы: Улытау-улы, Б. Б., К. Сейтжанов и др.) раскрылся на двух языках: на родном — в предвоенные годы, на родном и русском — в грозные дни Великой Отечественной войны. Сборник его произведений, написанных на казахском языке, издан четырежды (в разных объемах), а на русском языке вышел в 1985 г. под названием «Жизнь принадлежит нам» (составитель — журналист-исследователь Сейлхан Аскарров).

Первыми его поэтическими опытами были в 30-е годы шуточные, иронические стихи, а первым прозаическим произведением (как утверждают друзья Б. Булкишева) был рассказ «Из аула в Алма-Ату» (1936 г.). Хорошо известны десятки его стихотворений и поэмы «Священная ночь», «Айсулу», а также незаконченный роман «Алмаатинцы», написанные на казахском языке, переводы из произведений В. Маяковского и А. Барто, военные очерки, публицистические статьи, написанные на русском языке и опубликованные на страницах «Комсомольской правды». Нельзя не отметить, что публицистика для казахской литературы была в 30-е годы новым жанром. А двуязычные публицистические выступления Б. Булкишева были новостью вдвойне: двуязычие стало для публицистики новой формой развития.

Фронтальная публицистика поэта вошла в литературные сборники «Жизнь солдата» (М., 1946), «Журналисты в шинелях» (Алма-Ата, 1968). В сборник «Жизнь принадлежит нам» (Сост. С. Аскарров. Алма-Ата, 1985. 368 с.) вошли роман, новеллы, публицистика, стихотворения, поэмы и фронтовые письма.

Творческое наследие Б. Булкишева в наиболее пол-

¹ Писатели Казахстана. Биографические справки. Алма-Ата, 1958. С. 87.

ном виде вошло в сборник «Заман біздікі» (Құр. Сейілхан Асқаров. Алматы, 1984. 472-б.).

Звезда этого замечательного писателя «светила на литературном небосклоне недолго, но ярко. Она так и не успела достичь своего зенита, и от этого — ощущение неудовлетворенности, неутоленности на душе у всякого, кто знаком с его литературным творчеством. Стоит только пробежаться глазами по страницам, которые, нет слов, могли бы продолжиться в будущем,— вас охватит горечь. Стоит только вспомнить его жизнь, бурную, полную воистину героических дел,— вы почувствуете гордость. Его жизнь — жизнь настоящего советского человека»¹.

В суровые годы войны в короткие часы отдыха он писал стихи («Смерть героя», «Я иду», «О батыры, батыры!» и др.) и роман «Алмаатинцы», в котором дано духовное становление воинов-казахов². Фронтная обстановка сказывалась на качестве его произведений. Так, в одном из писем он писал: «Посылаю тебе первую часть «Алмаатинцев». Написать-то я ее написал, но времени не было даже перечитать написанное. Вернусь, и тогда заново засяду. Отсылаю готовую часть, чтобы она не затерялась... Надо бы поработать с языком, но что поделывать, поработаю еще, если приведется... В конце пришлось поторопиться, хотелось закончить побыстрее, может, оно и к лучшему. Но слишком уж все топлоливо...»³.

В другом письме: «Концовку «Алмаатинцев» следовало бы переписать потом, а то из-за нехватки времени получилось, конечно, совсем не то, что хотелось»⁴.

Б. Булкишев на русском языке писал в основном публицистические статьи, очерки, которые получили, в свое время, сотни откликов. Благодаря им он поднялся на высоту всесоюзного признания.

Қ. Смаилов пишет: «Чтобы его читали все, он должен был владеть языком — русским языком! Он им владел. Безукоризненно»⁵.

¹ Иманжанов М. Баубек Булкишев (краткая биография) // Булкишев Б. Жизнь принадлежит нам. Алма-Ата, 1985. С. 301.

² Роман на рус. яз. опубликован в сб.: Булкишев Б. Жизнь принадлежит нам. Алма-Ата, 1985.

³ Булкишев Б. Жизнь принадлежит нам. С. 215.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. С. 359.

Фронтовой литератор Ю. А. Жуков в письме от 4 мая 1942 г. писал Б. Булкишеву: «Чудесное письмо Вы нам прислали. Печатаем его полностью, устранив лишь некоторые шероховатости перевода. Пишите нам чаще...»¹.

Каковы причины обращения Б. Булкишева в своем творчестве к русскому языку?

1. Учеба в ФЗУ, в финансово-экономическом техникуме, в училище по подготовке саперов, служба в рядах Советской Армии.

2. Влияние передовой русской культуры, постоянная учеба у классиков русской и зарубежной литературы, учеба на литературных курсах.

3. Трепетно-уважительное отношение к русскому языку².

4. Оторванность от своей этнической массы и пребывание в русскоязычной среде.

Его двуязычие проявилось и в переводческой деятельности — в автопереводах и переводах произведений русских писателей на казахский язык, последние включены в собрание сочинений «Адамзатқа хат» («Письмо человечеству»).

Произведение «Жизнь принадлежит нам» первоначально было написано Б. Булкишевым на русском языке (должно было быть напечатано во фронтальной газете 10-й армии «Бей врага!»), потом им же было переведено на казахский язык (об этом он сообщил в письме М. Иманжанову от 20 июля 1942 г., отметил, что испытывал затруднения по части перевода военных терминов и команд) и опубликовано в газете «Социалистік Қазақстан» 25 августа 1942 г.³.

Некоторые произведения Б. Булкишева затерялись. Так, в письме к М. Иманжанову от 7 ноября 1942 г. читаем: «Написал на русском один рассказ — «Золотые часы», 27 страниц. Объем приличный, получилось довольно хорошо. Напоминает «Бедную Лизу» Карамзина, хотя отличается от нее. Отличается прежде всего не пессимизмом своим, а героическим патриотизмом. Перевести на казахский язык некогда»⁴.

¹ Булкишев Б. Жизнь принадлежит нам. С. 126.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 28, 85.

⁴ Там же. С. 88.

Затем в другом письме: «Хочу написать повесть из жизни латышей, назову ее «До зари». Уже составил план, начал писать. Думаю уже о том, как впоследствии перевести на казахский язык»¹.

Судьба некоторых произведений Б. Булкишева остается до сих пор неизвестной.

На фронте он вырос от рядового до старшего лейтенанта. Приведем воспоминание Валентины Саковой и бывшего заведующего фронтовым отделом газеты «Комсомольская правда» Юрия Жукова: «В 1943 году — полотно — Булкишев заскочил в редакцию...

— С такими людьми, как наши, не победить невозможно, — сказал он тогда. — В бою я забываю сам себя, и случается, что отдаю команду по-казахски. Воины беспрекословно исполняют приказ. А когда бой заканчивается, они говорят мне: «Товарищ старший лейтенант, командуйте по-русски, мы вашего языка не знаем...» Вот — языка моего не знают, а мысли — знают... сердцем понимают. Потому что в мыслях и устремлениях наших мы — одно целое...»².

Один из классиков казахской советской литературы Г. Мусрепов, оценивая творчество Б. Булкишева, сказал: «Статей Баубека я перевел с русского на казахский язык немало, причем переводил увлеченно. Писателю, должно быть, свойственно умение передать большие мысли, доходящие до сердца читателей, изложив их красивым языком. Такое свойство есть у Баубека. Его язык своеобразен, его мысли сообразны с его языком, они выстраданы его молодым сердцем. Он не был полон риторического красноречия и безжизненного словоплетства...» (см.: Предисловие к книге «Өшпес өмір»).

Г. Мусрепов еще при жизни Б. Булкишева отметил: «Его статьи «Я хочу жить», «О жизни и смерти» написаны мастерски. Они достойны пера лучших советских журналистов-писателей. В лице Баурбека я вижу писателя, хорошо знакомого с мировой культурой и философией, с ее многочисленными течениями...»³.

Мало кому известно, что талантливый казахский поэт **Касым Рахымжанович Аманжолов** (1911—1955 гг.)

¹ Булкишев Б. Жизнь принадлежит нам. С. 68.

² Там же. С. 347.

³ Мусрепов Г. Несколько слов о нем // В кн.: Булкишев Б. Жизнь принадлежит нам. С. 348.

писал стихи на казахском и русском языках. В 1938 г. была издана его первая книга — сборник стихов «Өмір сыры» («Исповедь жизни»). Собрание сочинений поэта на казахском языке вышло в 4-х томах в 1977—1980 гг.

Дарование поэта ярко проявилось в суровые годы войны. Он вспоминал: «...не все (бойцы) понимали мои стихи, разозлившись, стал писать на русском языке»¹. К сожалению, не все стихи Аманжолова, написанные на русском языке, сохранились².

По свидетельству дочери поэта, его стихотворения, написанные на русском языке («Песнь о сожженном селе», «Немец», «Белорусская быль», «Второй фронт», «Париж», «Стихи о Великой Отечественной войне», «У портрета Ленина», «Письмо к матери», «Проклятие Гитлеру», «Одесса и Микола» и множество частушек, которые зачастую пелись на мотив популярных в ту пору песенок), остались в рукописях³. «По всей вероятности,— пишет она,— автор считал их недостаточно зрелыми для печати, тем более, что похвастаться отличным знанием русского языка он не мог. При жизни Касым Аманжолов так и не удосужился заняться своими военными стихами, а после его смерти они как-то выпали из поля зрения, так и хранятся в домашнем архиве поэта.»⁴

В годы войны К. Аманжолов воевал в Брянских лесах. Он встретил на Брянщине своих земляков-казахстанцев, которые привезли бойцам одежду и продовольствие. Взволнованный встречей с земляками, их бескорыстной помощью, поэт сочинил на русском языке стихотворение «Приветствую тебя, Брянск!», которое и было опубликовано в местной газете «Брянский рабочий». 9 мая 1963 г. оно было опубликовано и в республиканской печати, в газете «Казахстанская правда», вместе с комментариями профессора А. Жумасултанова.

Поэт, который великолепно пишет на родном языке, так же вдохновенно творит и по-русски. В этом можно убедиться, прочитав его стихотворение «В одном строю».

¹ См.: Аманжолов К. Әдебиеттер көрсеткіші (указатель литературы). Алматы, 1983. 4-б.

² См.: Аманжолова Д. Я рожден, чтобы жить // Простор. 1981. № 9. С. 200.

³ Аманжолова Д. Я своей поэзией буйной и смелой в светлое грядущее войду // Ленинская смена. 1981. 29 сент.

⁴ Там же.

К. Аманжолов как драматург выступал на казахском языке, а в годы войны писал небольшие одноактные пьесы на русском языке для армейской художественной самодеятельности. На казахский язык им блестяще переведены произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, В. Маяковского, А. Твардовского, В. Г. Белинского, Т. Г. Шевченко.

Анализируя стихотворения поэта, написанные на русском языке, Д. Аманжолова приходит к выводу, что они представляют собой «уже вполне самостоятельные произведения», а не авторские переводы стихотворений, написанных на казахском языке. Исключение составляет послание «Подполковнику Альпину», имеющее казахский и русский варианты.

Поэтический талант **Аскара Нуртазина** (1920—1944 гг.) раскрылся в студенческие годы в Кызыл-Ординском пединституте¹. Стихи и рассказы он написал на казахском и русском языках.

В конце 30-х годов на страницах газеты «Ленин жолы» А. Нуртазин опубликовал поэму «Есеттің досы» («Друг Есета»).

Бесстрашный воин, он и в годы Великой Отечественной войны не прекращал писать. В 1944 г. в ожесточенном воздушном бою сгорел его самолет, и многие рукописные произведения, находившиеся при нем, погибли, так и не увидев свет. Исключение составляют несколько коротких стихотворений и рассказ «Ормандағы кемпір» («Старуха в лесу»), которые он успел опубликовать в военные годы на страницах республиканской газеты «Социалистік Қазақстан». Четыре его стихотворения: «Эстон қызына» («Девушке-эстонке»), «Сырбайға» («Сырбаю»), «Кеме жүзіп барады» («Плывет пароход»), «Арман» («Мечта») опубликованы поэтом Сырбаем Мауленовым на страницах газеты «Қазақ әдебиеті» (1985. 15 февр.).

Стихи А. Нуртазина, написанные на русском языке, по сведениям С. Мауленова, опубликованы во второй половине 30-х годов в сборнике поэтов-железнодорожников, изданном в г. Ташкенте. С. Мауленов с восхищением вспоминает, как А. Нуртазин читал в литератур-

¹ См. о нем: *Мауленов С. Есімі ескерткіш тактада* (Имя его на мемориальной доске) // *Қазақ әдебиеті*. 1985. 15 февр.

ном кружке свое стихотворение «Разлейся, песнь моя», написанное на русском языке.

Литературно-критические статьи А. Нуртазин писал на двух языках. Так, на страницах Кзыл-Ординской газеты «Ленинский путь» им опубликованы статьи «Литературная учеба молодых писателей» (1939. 9 сент.) «Женские образы в казахской литературе» (1939. 6 окт.) и др.

Одним из плодовитых казахских литераторов, писавших на двух языках, был прозаик, драматург и литературовед (медик по образованию) **Зеин Шашкин** (1912—1966 гг.). Он — автор четырех романов, трех повестей, десятков рассказов, очерков, пьес и киносценариев. Кроме этого, писал он на двух языках и научно-литературные статьи. Его избранные произведения составляют шесть томов (Алма-Ата, 1972—1979). Иногда одно и то же произведение З. Шашкин писал в двух вариантах — на родном и на русском языках. Свою первую повесть «Наступило утро» он выпустил в свет на русском языке (Алма-Ата, 1957). Далее стал писать прозу на казахском языке: повести «Темір қазық» («Путеводная звезда», 1959), «Өмір тынысы» («Дыхание жизни», 1964), романы «Теміртау» («Темиртау», 1960), «Доктор Дарханов» (1962), «Сенім» («Вера», 1966) и другие. Пьеса «Ақын жүрегі» («Сердце поэта», 1965) поставлена Казахским академическим театром драмы им. М. Ауэзова. Пьесу «Токаш Бокин» (1957) поставили казахский и русский драматические театры.

Крупный казахский романист, лауреат Государственной премии КазССР **Ильяс Есенберлин** (1915—1983 гг.) (по специальности — горный инженер) свои произведения писал на казахском языке. Один роман (в объеме 115 с.) был напечатан им на русском языке («Песня о человеке». Лит. обработка и ред. А. Семенова. Алма-Ата, 1956). Однако в адрес этого произведения были высказаны критические замечания (см.: Казахстанская правда, 1956, 7 октября; Советский Казахстан, 1956, кн. 10, с. 119—121). Впоследствии писатель не публиковал художественную прозу на русском языке, но рукописи своих исторических романов для обсуждения подготавливал на казахском и параллельно на русском языках.

Алтыншаш Қайыржановна Джаганова (1943 г. р.) — автор нескольких книг, пишет в основном на русском

языке. Одна из последних ее книг — «Шалуния» (Алма-Ата, 1983. 192 с.) — состоит из повести и 12 рассказов. Она автор сценария полнометражного телевизионного художественного фильма «Муслима» и пьесы «Все начинается с «апа», поставленной Карагандинским областным драматическим театром им. С. Сейфуллина.

Писательница — выпускница русской школы, окончила Литературный институт им. А. М. Горького, но выросла в казахоязычной среде. Потому первый свой рассказ она написала на казахском языке (см.: Алма (Яблоко). — Жұлдыз, 1964, № 4, 59—62-беттер).

На казахском языке она также написала несколько пьес. В настоящее время ее пьеса «Нөсер» («Ливень») идет на сцене Карагандинского театра, «Ала жіп аттағандар» («Совершившие проступки») — на сцене Гурьевского областного театра им. Махамбета, «Беймаза әйел» («Неугомонная женщина») — на сцене Казахского академического театра им. М. О. Ауэзова. Благодаря своему двуязычию А. Джаганова несколько лет была главным редактором выходящего на двух языках журнала «Жаңа фильм» — «Новый фильм».

Поэт и прозаик Тулеу Шаханов (1942 г. р.) начал писать на русском языке. В первый раз, еще пионером, он опубликовал свои стихи в газете «Дружные ребята». Будучи студентом русского отделения факультета журналистики КазГУ им. С. М. Кирова Т. Шаханов работал в газете «Қазақ әдебиеті», тогда же написал и опубликовал книгу стихов «Байга» (1966). Вторая книга («Светлый день») вышла в свет в Алма-Ате в 1969 г. и состоит из одной поэмы и нескольких стихотворений. Затем, в 1972 г., — сборник стихов «Два гонца».

Поэзия Т. Шаханова «привлекает чистотой и цельностью чувств, эмоциональной взрывной энергией. Очень оригинальны и современны (ведь они сделаны по классическим образцам восточной поэзии) четверостишия — рубай ...» (Светлый день. С. 4).

Следует отметить, что Т. Шаханов сделал литературную запись книги «Чародей» Х. Ирмуратова — повести о великом казахском композиторе Курмангазы Сағырбаеве (Алма-Ата, 1969. 160 с.).

С конца 60-х годов Т. Шаханов начал писать и на казахском языке: стихи он пишет на русском, прозу — на казахском языке. И в 1968 г. опубликовал на казахском языке книгу «Көгілдір мұнаралар» («Голубые

минареты»), состоящую из повести и четырех фантастических рассказов. Спустя два года (в 1970 г.) — фантастическую повесть «Жоғалған жәуһар» («Потерянный оазис»).

Пробовал он и стихи писать на казахском языке, издав книжку для детей «Білесің бе бұларды?» («Знаешь ли ты их?») в 1971 г.

Очень важно, что оба языка, на которых пишет Т. Шаханов, в нормативном отношении у него безупречны.

Говоря о казахско-русском двуязычии (точнее о немецко-казахско-русском трехязычии), следует особо упомянуть имя писателя Герольда Карловича Бельгера (1934 г. р.) — немца по национальности, выросшего среди казахов, обучавшегося на казахском и русском языках, отлично владеющего тремя языками — немецким, казахским и русским. Рассказы и повести писателя вышли на немецком («Чайки над степью», 1976) и на русском языке («Сосновый дом на краю аула», 1973; «За шестью перевалами», 1977). Он перевел на русский язык, как отмечено в печати, более 150 произведений казахских прозаиков — Х. Есенжанова, А. Нурпеисова, А. Джубанова, Н. Габдуллина, А. Қекильбаева, Д. Досжанова и др. Переводил с немецкого на русский повести и рассказы А. Реймгена, Э. Кончака, Н. Ваккер и др. Постоянно на двух языках — казахском и русском — в печати и устно выступает по проблемам художественного перевода¹.

2. Сочинение на одном языке с последующим автопереводом

Таково творчество С. Сейфуллина, М. Ауэзова, С. Шарипова, З. Шашкина, Р. Сейсенбаева, С. Нарымбетова, К. Мухамеджанова, А. Нурманова.

Автоперевод представляет собой одно из проявлений двуязычного литературно-художественного творчества

¹ См., например, сборник его статей «Брат среди братьев» (Алма-Ата, 1981), в который вошли написанные в разные годы и опубликованные в периодической печати статьи-размышления о теоретических и практических вопросах художественного перевода казахской прозы на русский язык, о творчестве известных казахских прозаиков, о проблемах советской немецкой литературы. В этот сборник вошли также портреты казахских писателей. Г. Бельгер выступает в нем тонким знатоком казахского и русского языков.

писателей. Переводчик-автор вносит в перевод всякого рода изменения, чего не допускает переводчик-неавтор.

Автоперевод в сфере художественно-литературного творчества аналогичен творчеству писателей, создающих произведения на двух языках, и писателей, относящихся к одной этнической общности, но пишущих на языке другого этноса. Таковы автопереводы национальных¹ писателей на русский язык и тексты, созданные национальными писателями на русском языке. Н. Г. Михайловская подчеркивает: «...лексика национальных языков, как правило, более ограниченно сочетается с общей русской языковой формой, чем в текстах, переведенных не автором. Переводчик неминуемо стоит перед проблемой: какое национальное слово использовать и как дать этому слову соответствующее смысловое и эмоциональное звучание, оставаясь в границах данного текста. Как известно, это не всегда возможно. Поэтому комментарии к национальной лексике в целом ряде случаев представляются необходимыми — комментарии толковые, энциклопедические, историко-культурные. Возможно, не следует ограничиваться пояснениями в сноске»².

Таким образом, автоперевод является одним из каналов языкового контакта, стимулирующим фактором развития двуязычия.

Автоперевод характерен для творчества талантливо-го прозаика **Роллана Сейсенбаева** (1946 г. р.), инженера по образованию, лауреата республиканских и всесоюзных литературных премий.

Первые его произведения написаны на казахском языке. Это: «Аңсау» («Жажда»), повесть и рассказы, опубликованные в Алма-Ате в 1975 г. и «Өзімді іздеп жүрмін» («Ищу себя»), рассказы и микророман — Алма-Ата, 1978. На втором языке он не сразу стал писать. Становление его как двуязычного писателя шло долгие годы, и впервые о своем двуязычии он заявил автопереводом.

¹ Понятие «национальное» должно распространяться и на русских, но в литературе его применяют только в отношении нерусских. Мы употребляем этот термин в традиционном смысле лишь для удобства изложения.

² Михайловская Н. Г. К проблемам филологических исследований // Русский язык в школе. 1983. № 1. С. 84.

Первый сборник рассказов на русском языке выпущен писателем в Москве в 1978 г. («Последний снег») в переводе Евг. Попова и Л. Космухамедовой. Затем журнал «Наш современник» опубликовал его рассказ «Фронтные песни» (1979. № 11. С. 32—50). Перевод с казахского на русский был осуществлен самим автором. И затем писатель стал сам переводить на русский язык свои произведения (см., например, перевод повести «Так ждал я это лето» — Простор. 1980. № 12. С. 13—39. Предисловие к повести написал А. Алексин.).

Отдельной книгой опубликованы два романа-трилогии Сейсенбаева о сегодняшнем дне передовых заводов республики: «Өмір сүргің келсе» («Если хочешь жить». Алматы, 1977), «Ешқайда бастамайтын баспалдақ» («Лестница в никуда». Алматы, 1980) и др.

Р. Сейсенбаев переводит произведения и других казахских писателей на русский язык, считая возможным создавать художественные произведения на родном языке, а на втором языке — переводы. Конечно, это мнение нельзя оставить без внимания. Однако, на наш взгляд, настоящие двуязычные писатели создают художественные произведения на двух языках.

Известный казахский драматург **Қалтай Мухамеджанов** (1928 г. р.) пишет на казахском языке, но в последнее время он начал переводить свои произведения на русский язык. Так, киноповесть «Чинара на скале» (по мотивам романа М. Ауэзова «Племя младое») первоначально была написана им на казахском языке («Шыңдағы шынар») ¹, позднее он перевел ее на русский язык ².

Казахский писатель, кинодраматург, режиссер **Сатыбалды Нарымбетов** (1946 г. р.) чаще всего пишет на казахском языке. Он автор сборника рассказов «Бунтарь» (Алма-Ата, 1968 г.) и двух повестей (см.: «Асса-лаумағалейкум, Атлантида». Алматы, 1981.). Позже им опубликовано на русском языке «Ущелье ржущего стригунка» (в сб.: На свете белом. Алма-Ата, 1984.).

С. Нарымбетов написал несколько сценариев на русском языке. Свою широко известную киноповесть «Шок

¹ Мухамеджанов Қ. Екі томдық тандамалы шығармалар. 1-т. Пьесалар, сценарийлер. Алматы, 1978. 243—302-б.

² См.: Мухамеджанов Қ. Дар доброты. Пьесы и киноповести. Алма-Ата, 1979. С. 290—334.

и Шер» он написал на казахском языке, затем сам перевел ее на русский язык и опубликовал на страницах журнала «Искусство кино» (1969 г.). Эта картина периодически демонстрируется на двух языках.

Причин авторского перевода может быть много. Одна из них — неудовлетворенность писателя качеством перевода произведения. «Для меня лично в свое время наступил такой момент, когда переводы моих произведений меня стали не устраивать, а взявшись переводить, я сам начал писать по-русски»¹, — говорит Ч. Айтматов. Вторая причина — желание писателя продолжить творческую работу. Так, например, повесть «Биринчи мугалим» («Первый учитель») Ч. Айтматов перевел на русский язык в соавторстве с А. Дмитриевой. «Требовательно вглядываясь в каждый микрообраз, в каждую картину, писатель решительно переделывал и дописывал целые сцены, если они не удовлетворяли его как художника. Он радикально переработал, например, дополнил конец повести.»²

Третья причина — согласно тематике, каждый переводимый язык требует дополнений или изъятий.

Автоперевод, как уже говорилось, является одним из каналов языкового контакта, стимулирующим фактором развития двуязычия.

3. Сочинение произведения на одном языке с последующим его переводом на другой язык в соавторстве

Крупнейшие казахские поэты **И. Джансугуров** (1894—1938 гг.) и **Т. Жароков** (1908—1965 гг.) переводили на русский язык свои произведения в соавторстве. Первый — в соавторстве с З. Кедринной и Ф. Джандосовой перевел свой рассказ «На чокпарском перевале» (отрывки из книги «На новом пути», опубликованы в литературно-художественном сборнике «Казахстан» в 1933 г.).

Т. Жароков совместно с З. Кедринной перевел свое

¹ Айтматов Ч. Геворг Атрын. Человек планеты // Литературное обозрение. 1984. № 8. С. 39.

² Джолдошева Ч. Т. Авторские переводы Чингиза Айтматова и некоторые особенности соотношений между контактирующими культурами // Русский язык и литература в киргизской школе. 1985. № 3. С. 51.

стихотворение «Молоты пятилетки» (опубликовано в том же сборнике). Т. Нуртазин свой роман «Испытание» опубликовал на русском языке, переведя его в соавторстве с З. Николаевой (см.: Т. Нуртазин. Испытание. М., 1969. 247 с.).

Коротко о Темиргали Нуртазине (1907—1977 гг.). Он — писатель, профессиональный литературный критик, профессор, знаток не только казахской, но и русской, зарубежной литературы. На казахском языке он опубликовал повесть «Мұрат» (Алматы, 1958), сборник рассказов «Жаңа саты» («Новая ступень». Алматы, 1959), «Үлкен жолда» (Повесть и рассказы. Алматы, 1978). Научные труды (монографии) он издал также на двух языках. Повесть «Мұрат» и роман «Испытание» считаются разными произведениями. Повесть состоит из семи глав, роман — из девятнадцати, последний не представляет собой перевода (даже вольного) повести. Автор, говоря о своем романе, не упоминает повесть. Несмотря на это, мы квалифицируем их как два варианта одного произведения, имея в виду совпадение места события (завод сельхозмашин, колхоз им. Амангельды) и главных персонажей (рабочие, конструкторы, трактористы, комбайнеры).

Его монографии «О творчестве С. М. Муканова» (Алма-Ата, 1951), «Сабит Муканов. Критико-биографический очерк» (Алма-Ата, 1958) написаны на русском языке, исследования «Халық жазушысы» («Народный писатель». Алматы. 1960), «Жазушы және өмір» («Писатель и жизнь». Алматы. 1969) и «Бейімбет Майлин творчествосы» («Творчество Беймбета Майлина». Алма-Ата, 1966) увидели свет на казахском языке.

Т. Нуртазин переводил как с русского на казахский, так и с казахского на русский. Он перевел на казахский повесть «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, однотомник избранных статей В. Г. Белинского, очерки и рассказы Г. Успенского. Совместно с Л. Соболевым и А. Никольской им осуществлен перевод на русский язык книги М. О. Ауэзова «Абай».

С. Талжанов (1906—1972 гг.) писал на двух языках и без соавторства, но он совместно с И. Щеголихиным перевел свою повесть «Сейфулланың Сәкені» и издал ее под названием «Степной сокол» (Алма-Ата, 1967). (О двуязычии С. О. Талжанова скажем позже.)

4. Попеременное сочинение одного произведения на двух языках в двух вариантах

Сочинение на двух языках в двух вариантах — одно из своеобразных проявлений двуязычия: это не перевод в принятом смысле и не сочинение разных произведений. Такая разновидность двуязычия наблюдается в творчестве М. Ауэзова, С. Шарипова, З. Шашкина, Е. Букетова и особенно у тех, кто пишет на втором языке в соавторстве (например, М. Каратаев).

Крупнейший ученый, академик АН Казахской ССР, доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР, педагог, критик, переводчик, писатель **Евней Арыстанович Букетов** (1925—1983 гг.), будучи типичным носителем казахско-русского двуязычия, художественные произведения писал на двух языках. Сборник его очерков и эссе «Грани творчества» (Алма-Ата, 1977), посвященных росту казахской научной интеллигенции при советской власти, был вначале издан на казахском языке под названием «Атан қомында туған адам» (Алматы, 1975). В переводе на русский язык это означает: *человек, родившийся на навьюченном атане* (атан — холощенный верблюд). Чрезвычайно важно отметить, что русский вариант «Граней творчества» не был переводом с казахского на русский. Вот что пишет критик Сергей Никитин: «Автор его слово в слово не переводил, русский вариант с самого начала до конца заново написан. Удивительный факт, какая деловитость и трудолюбие! Он думает и пишет по-русски и в то же время остался казахским писателем... В этой книге хорошо прослеживается современное, распространенное в нашей литературе явление двуязычия»¹.

На наш взгляд, это суждение можно отнести ко всему литературному творчеству Е. А. Букетова. Его двуязычие проявлялось в различных сферах жизни — в науке, педагогике, в области литературного творчества. Было бы весьма интересно изучить особенности функционирования его двуязычия в той или иной сфере жизни. Как нам известно из личного общения, Е. Букетов обладал феноменальной памятью: наряду с казахскими, он читал наизусть и русских поэтов, особенно С. Есени-

¹ Никитин С. Ыстық ілтипат лебізі // Қазақ әдебиеті. 1978. 7 апр. См. также: Право на память // Лит. обозрение. 1978. № 8. С. 56—58.

на и В. Маяковского. В его блестящем переводе увидели свет есенинские стихи на казахском языке (см.: С. Есенин. Менің махаббатым. Алматы, 1970. 38-б.), рассказы и статьи Э. Золя (Э. Золя. Әңгімелері мен мақалалары. Алматы, 1956). Научные и научно-популярные труды он писал также на двух языках (см.: Букетов Е. А., Нурмагамбетов Х. Н. «Қорғасын» («Свинец»). Алматы, 1955). Имеются и другие его труды.

Писатель-билингв нередко выступал с критическими статьями, рецензиями (чаще всего на русском языке) о произведениях, опубликованных на казахском языке.

Роман «Салия, или рабыня XX века» **С. Шариповым** был написан на русском языке, а потом переведен на казахский язык. Свои литературно-этнографические очерки (и научные труды) он также публиковал чаще всего в двух вариантах — на казахском и русском языках.

И. Саввин, Д. Ташенов и др. создали ряд пьес в казахском и русском вариантах, для казахских и русских драматических театров республики.

Академик АН КазССР, известный критик и литературовед, писатель и переводчик **Мухамеджан Кожаспаевич Каратаев** в соавторстве с К. Н. Алтайским создал документально-публицистический роман «Гудок в степи» (Алма-Ата, 1961) на русском языке, а на казахском языке выпустил другой вариант произведения («Даладағы дабыл». Алматы, 1962). Встречаются и другие подобные факты.

5. Сочинение одного произведения с использованием двух языков

Подобное творчество характерно для билингвов, владеющих двумя языками в совершенстве. Как правило, такие писатели пишут первоначальный вариант произведения на двух языках, а в последствии представляют его на суд читателей на одном из этих языков. Таким является творчество талантливого казахского писателя **Акана Нурманова**. Его произведения, состоящие из двух рассказов, трех повестей и романа, изданы в виде отдельной книги¹.

¹ Нурманов А. Құланның ажалы / Роман, повестер және әңгімелер. Алматы, 1976. 432-б.

А. Нурманов писал на двух языках. Свою повесть «Акқун жұлдызы» («Созвездие лебеда») он первоначально написал на русском языке. Судя по архиву писателя, по свидетельствам его друзей, свой роман «Құланның ажалы» («Смерть Кулана») он написал, используя два языка¹.

Почему билингвы пишут одно произведение на двух языках? Мы полагаем, что это связано со спецификой микротематики отдельных глав произведения.

6. Оригинальное творчество на одном языке. Самостоятельный перевод (не своих произведений) на другой язык

Таким является, например, Джамбул Қаймолдин, который сочиняет стихи на казахском языке, перевод осуществляет с казахского на русский. Он перевел шесть рассказов С. Жунусова на русский язык (см.: Жунусов С. Первый вагон. Алма-Ата, 1986).

7. Сочинение произведений на одном языке самостоятельно, на втором — и самостоятельно, и в соавторстве

Таким является творчество Н. Кульджановой, Т. Нуртазина, С. Талжанова, Т. Алимкулова, Т. Джанузакова и др. Например, известный в прошлом журналист и переводчик Т. Джанузаков писал художественные очерки на двух — казахском и русском — языках. Об этом вспоминают его друзья².

8. Сочинение произведений на одном языке самостоятельно, на втором — в соавторстве

Ряд писателей пишет на казахском языке самостоятельно, на русском — в соавторстве.

¹ Қара: Тоқтаров Р. Алғысөз // Қит.: Нұрманов А. Құланның ажалы. 3—9-б.

² Мұртазаев Ш. Алғысөз // Қит.: Жанұзақов Тельман. Азамат: әңгімелер, очерктер, мақалалар / Сост. Б. Мұқаев. Алматы. 1980. 208-б. (В сборник включены 13 очерков, 5 рассказов, 12 этюдов. Три очерка были написаны на русском языке, один из них («Гигант Алтая») — в соавторстве с И. И. Маляром, и они включены в этот сборник в переводе С. Балгабаева. См.: там же. С. 98—129.

У **С. Бакбергенова**, помимо многочисленных произведений, опубликованных на казахском языке, повесть «Дорогой славы» (о дважды Герое Советского Союза Талгате Бегельдинове. Алма-Ата, 1950). Опубликована она на русском языке в соавторстве с П. Коляго. Первоначально же повесть была написана С. Бакбергеновым на казахском языке (самостоятельно) и опубликована под названием «Талғат».

Двуязычие **М. Каратаева** отражено во всей его деятельности. На казахском языке он опубликовал документальный публицистический роман «Даладағы дабыл» («Гудок в степи»), который выдержал три переиздания. На казахский язык он переводил произведения М. Горького («Мои университеты»), М. Шолохова («Тихий Дон», третья книга). Следует также отметить, что он занимается теорией художественного перевода (проблемами перевода казахской литературы на русский язык и русской литературы на казахский язык).

В соавторстве с К. Алтайским созданы рассказ «Бахсы» (Алма-Ата, 1960), роман «Гудок в степи» (Алма-Ата, 1961), книга о Казахстане «Жидели-байсын — земля счастья» (Алма-Ата, 1977). С А. Брагиным — «Путешествие за песнями» (Письма другу с Востока о казахской литературе. Алма-Ата, 1958), очерк «На крыльях песни» (Алатоо. 1958. № 12).

Если учесть, что и писатели, пишущие на двух языках, зачастую прибегают к соавторству на втором языке, то совместное творчество не может быть лишь признаком слабого знания второго языка. Например, З. Шашкин и С. Куспанов — признанные знатоки русского языка, но и им не чуждо соавторство. Так, С. Куспанов совместно с Л. Меняйловой перевел рассказ Г. Мусрепова «Да, это его следы» (Простор. 1963. № 1), а З. Шашкин написал в соавторстве пьесу «Степное зарево».

Казахских писателей-билингвов, пишущих на втором языке в соавторстве, немало: Б. Майлин, Г. Мусрепов, А. Тажибаев, Ш. Хусаинов, М. К. Каратаев, С. Бакбергенов и др.

9. Оригинальное творчество на одном языке, а перевод с двух языков самостоятельно

Таким является творчество И. Алтынсарина, Н. Кульджановой, С. Талжанова, Г. Бельгера, А. Султанова, ко-

торые сочиняли свои произведения на казахском языке, а перевод осуществляли с русского на казахский и наоборот.

Первой двуязычной писательницей и переводчицей среди казахских женщин была **Назифа Сегизбаевна Кульджанова** (1887—1933). Она, как двуязычный писатель, литературовед, публицист, переводчик и певица, внесла свой вклад в развитие казахской национальной культуры¹.

Н. Кульджанова свои художественные произведения писала на родном языке. Ее рассказы «Есіл қыз-ай»², «Маржан» (Қазақ әйелінің бостандық мейрамына арналған жол әңгімесі) опубликованы на страницах журнала «Қызыл Қазақстан» (1925. № 11—12—1) под псевдонимом «Нон» (название арабской буквы, с которой начинается ее имя). На литературоведческие темы как устно, так и письменно, она выступала на казахском и русском языках. В этой связи следует отметить ее объемную и содержательную статью «Әдебиетімізге көз салсақ», опубликованную на страницах газеты «Қазақ» еще в 1916 г. (№ 164). Н. Кульджанова стояла у истоков абаеведения, в ее творчестве оно зазвучало на двух языках еще в дооктябрьские годы. Прежде всего следует отметить доклад о жизни и творчестве Абая Кунанбаева, сделанный ею на русском языке на вечере, посвященном 10-летию смерти поэта, который проходил 25 января 1914 г. в г. Семипалатинске.

Н. Кульджанова является не только одним из первых биографов и пропагандистов творчества Абая, но и его переводчиком на русский язык. Писатель С. Бегалин свидетельствует о том, что она переводила учителю Герасимову несколько стихотворений Абая³.

Переводила писательница и произведения Ибрая Алтынсарина. Алексей Николаевич Белослюдов писал в 1915 г.: «Из стихотворений Алтынсарина в русском пе-

¹ Қара: *Бегалин С.* Асыл адам еді // Қазақстан әйелдері. 1973. № 10. 10—11-б.

Хәкімжанова М. Естен кетпес егіз бейне // Жұлдыз. 1984. № 9.

Мырзахметов М. Абай мұрасының насихатшысы // Қазақстан мұғалімі. 1985. 9 август.

Имашев М. Қазақ мәдениетінің қарлығаштары // Семей таңы. 1985. 20 август.

² Қара: *Хәкімжанова М.* Естен кетпес егіз бейне // Жұлдыз. 1984. № 9.

³ Қара: *Бегалин С.* Асыл адам еді.

реводе мне известно одно — «Весна». Из стихотворений Абая Кунанбаева также одно — «О любви». Перевела эти два стихотворения киргизка (казашка.— Б. Х.) Назифа С. Кульджанова»¹. Далее А. Белослюдов приводит полный текст переводов стихотворения «Весна»² и «О любви» в прозе. Он пишет о стихотворениях Абая: «Не лень, хоть сто раз прочитаешь в день. Не заметишь ни усталости, ни утомления глаз. Слова одно другого лучше, и с жадностью твердишь по многу раз. Как не тронешься содержанием, когда все тончайшие нити твоей души чувствуются, живут при чтении!

В словах этих и правда, и красота, и мудрость, и нет места не близкого душе»³.

Н. С. Кульджанова переводила с русского языка самостоятельно, с казахского на русский — и в соавторстве, и самостоятельно. В 20—30-е годы она переводила «Пылающий крейсер» А. Куприна (Лапылдап жанған крейсер. Жаңа мектеп. 1927. № 2), «Девятое января 1905 г.» М. Горького (Жаңа мектеп. 1926. № 14—15; 1927. № 1), «Затмение» В. Г. Короленко (Қызыл Қазақстан. 1923. № 23—24), повесть «Сорок первый» Б. Лавренева (Қызылорда, 1928) рассказ «Полевой суд» Скитальца (Қызыл Қазақстан. 1923. № 16). С казахского на русский Н. Кульджанова в соавторстве перевела повесть Г. Мусрепова «В пучине» (Тулаған толқында. Алма-Ата — Москва, 1934) и другие его произведения (см.: Қазақстан. Лит.-худ. сборник. Книга первая. Алма-Ата — Москва: Казкрайиздат, 1933. С. 17—35). На казахском языке ею были опубликованы книги: «Мектептен бұрынғы тәрбие» (Дошкольное воспитание. Оренбург, 1923), «Ана мен бала тәрбиесі» (Мать и ребенок. Қызылорда, 1927) и др. Некоторые ее публицистические статьи были опубликованы также на казахском языке. Например: «Қоса жоқтау» (Қызыл Қазақстан, 1924. № 1—2. 160—162-б), «В. И. Лениннің туған күні» (Қызыл Қазақстан, 1924. № 4. 30—33-б).

Доктор филологических наук, писатель, переводчик **Сайдиль Омарович Талжанов** (1906—1972 гг.) свои

¹ Белослюдов А. О киргизской поэзии // Сибирский студент. Томск, 1915. № 3—4. С. 75—83.

² В сноске отмечено, что «дословный перевод этого стихотворения сделан И. Лаптевым» // Материалы по казак-киргизскому языку. М., 1900. С. 79.

³ Там же. С. 82.

стихи, прозаические произведения и научные труды писал на казахском языке. Например, повести «Сералы» (1934), «Ұстаның үйі» («Дом мастера», 1957), «Сейфулланьң Сәкені» («Сакен Сейфуллин»; 1959), «Қайып қарттың әңгімелері» («Повесть старика Қаипа», 1961), «Адам туралы аңыз» («Легенда о человеке», 1965), «Ұлдай кегі» («Мечь Улдая», 1968). Среди его научных трудов можно отметить монографию «Аударма және қазақ тілінің мәселелері («Перевод и вопросы казахского языка». Алма-Ата, 1975).

Он переводил с русского на казахский язык и наоборот. Например, на казахский язык переводил произведения А. С. Пушкина, М. Горького, В. Г. Белинского, Ф. М. Достоевского, на русский язык — произведения С. Сейфуллина, М. О. Ауэзова, Б. Майлина и др. Так, еще в 30-е годы он перевел на русский язык поэму «Қзыл-Ат» С. Сейфуллина (художественная обработка и ред. М. Баталова. Алма-Ата — Москва, 1934).

Наш современник Г. Бельгер оригинальные произведения пишет чаще всего на русском языке, потом переводит на немецкий и казахский языки. Перевод делает с казахского на русский. По проблемам перевода, литературоведения устно и письменно выступает как на русском, так и на казахском языках, порою совмещая русский и казахский языки.

А. Султанов — автор нескольких поэтических сборников (на казахском языке), перевод делает с русского на казахский и обратно. На двух языках он выступает также по проблемам перевода.

10. Оригинальное творчество на одном языке, а перевод — с двух языков,

но на одном из них совместно с другим переводчиком

К таким писателям и переводчикам относятся: М. О. Ауэзов, А. К. Маргулан, Т. Нуртазин, С. Талжанов, Т. Алимкулов, Г. Бельгер, О. Бодыков. Художественные произведения они пишут на казахском языке и делают переводы с русского на казахский самостоятельно, а с казахского на русский — совместно с другим переводчиком.

Среди писателей, пишущих на родном языке, есть и выступающие в качестве сопереводачиков на русский язык произведений казахских писателей. При этом, как

правило, в роли сопереводчиков выступают русскоязычные писатели, журналисты, переводчики.

М. О. Ауэзов писал на казахском языке, переводил с русского языка на родной самостоятельно, с казахского на русский — в соавторстве. Он переводил ряд классиков мировой и русской литературы на казахский язык самостоятельно. Но совместно с З. Кедринной перевел с казахского на русский произведения И. Джансугурова. Например, его поэму «Доклад» (Казахстан. Лит.-худ. сборник. Книга первая. Алма-Ата — Москва, 1933. С. 18—23) и «Бой за степь» (Там же. Книга вторая. С. 9—16).

Алькей Каханович Маргулан (1904—1985 гг.), академик АН КазССР, крупнейший историк, фольклорист, литературовед. В молодые годы он писал стихи (см., например, журнал «Таң» — «Заря», 1925. № 4. 123-б.). Позже в сфере художественной литературы выступал как переводчик. Он переводил на русский язык совместно с Дж. Кармышевой песни известного казахского певца XVIII в. Бухара-Жырау («Песню об Аблае», «Образец причитаний») ¹. Нам известно, что А. Маргулан переводил и с русского языка на казахский. Например: «Пленник Бастилии» Ч. Диккенса (Бастилия тұтқыны. Қызылорда, 1932), «В шахте» А. И. Куприна (Шахтада. Қызылорда, 1931), «Приемыш» Д. Н. Мамина-Сибиряка (Асыранды құс. Қызылорда, 1932), «Воробьиная ночь» А. С. Серафимовича (Торғай түні. Қызылорда, 1931) и др.

Переводил он также с киргизского языка на казахский (отрывки из эпоса «Манас»).

Т. Нуртазин перевел первую часть романа-эпопеи «Путь Абая» М. О. Ауэзова совместно с А. Никольской и Л. Соболевым (Алма-Ата, 1972).

Прозаик и поэт **Т. Алимкулов** совместно с И. Щеголихиным перевел роман Г. Мустафина «Очевидец» (М., 1967. 308 с.) Драматург О. Бодыков совместно с М. Роммом — роман Аскара Токмагамбетова «Отец и сын» (Алма-Ата, 1963) и его повести «Четыре года, четыре часа» (Алма-Ата, 1960). Писатель **С. Талжанов** совместно с И. Щеголихиным — роман С. Сейфуллина «Тернистый путь» (Алма-Ата, 1964). Писатель **Г. Бель-**

¹ См.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5 т. Т. I. С. 169—192.

гер совместно с И. Щеголихиным — повесть Н. Габдуллина «Две судьбы» (Простор. 1965. № 10) и роман «Крутое время».

11. Самостоятельное переводческое творчество параллельно на двух языках: с одного на другой и обратно

Начало такого проявления казахско-русского двуязычия относится к дореволюционному периоду. Так, переводчик, фольклорист, этнограф, лексикограф, военнослужащий (штабс-капитан, 1913) **Мулда-Нияз Бекимов** (1882 г. р., год смерти неизвестен) в 1903 г. перевел и издал на казахском языке повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Спустя год он перевел на русский язык и издал в Казани под названием «Материалы к изучению киргизского народного эпоса»¹ шесть казахских сказок («Сказка об одном богатыре, побеждавшем злых духов», «Сказка о богаче Алдар-Косе и хитроумном его работнике», «Сказка о Карашаш-сулу и Каражан-батыре», «Сказка об Алдар-Косе и его проделках», «Сказка о золотоволосом Тотамбае и сестре его колдунье», «Сказка об одном мурзе, купившем сон и сделавшемся царем»). Предисловие к переводу написал известный востоковед Н. Ф. Катанов. Писатель Б. Аманшин, впервые познакомивший казахских читателей с данным переводом М. Бекимова, подчеркивает хороший художественный уровень и язык перевода. Он также отмечает, что в сказках, особенно в последней, применена символика, нехарактерная для устной литературы². На страницах журнала «Средняя Азия» была опубликована «Киргизская сказка» М. Бекимова (Ташкент, 1911. Сб. 1. С. 92—93).

Большинство его трудов напечатано на русском языке в «Известиях общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете» (Казань: типография Казанского университета, 1904. Т. 21. Вып. 4), в сборнике «Средняя Азия» (1910, № 2.

¹ См.: Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань: типография Казанского университета, 1894. Т. XX. Вып. 5—6. С. 218—232. (Ссылка по статье: Аманшин Б. Аудармашы туралы ақиқат // Қазақ әдебиеті. 1985. 13 сент.)

² Қара: Аманшин Б. Аудармашы туралы ақиқат.

1911, № 3), в газетах «Туркестанский курьер», «Тургайская газета», «Семиреченские областные ведомости» и в журнале «Айқап» (см.: Қазақ совет энциклопедиясы. Алматы, 1973. Т. 2. 242-б.)

Самостоятельно переводили с казахского языка на русский и с русского на казахский писатели-переводчики Т. Алимкулов, Р. Сейсенбаев, С. Қуспанов и др.

Несмотря на то, что **С. Қуспанов** вырос среди казахов, вне русскоязычной среды, он сумел стать тонким знатоком русского языка. Например, он перевел на русский язык рассказ Г. Мусрепова «Через двадцать лет» (В кн.: Мусрепов Г. Однажды и на всю жизнь. Алма-Ата, 1968) и «Сказание об орлах» (Там же). С. Қуспанов защитил кандидатскую диссертацию, по переводу и по проблемам перевода писал на казахском и русском языках.

Р. Сейсенбаев переводит с казахского языка на русский не только свои произведения, но и произведения других казахских писателей. Например, книгу К. Найманбаева «Дорога на Аккент» (М., 1982) и др.

Т. Алимкулов осуществил много переводов с русского на казахский и наоборот. Он переводил произведения Г. Николаевой и П. А. Павленко, а с казахского на русский — рассказы «Рождение песни» Г. Мусрепова (Дружба народов. 1962. № 2) и «В сумерках» М. Маугауина (Огонек. 1967. № 36).

Перевод — стимулирующий фактор развития двуязычия в сфере художественно-литературного творчества вообще, в формировании писателей-билингвов в частности. Как правило, тот, кто пишет на двух языках, всегда может выступить с переводом на любом из них. Многие писатели свое билингвистическое творчество начали с перевода, что говорит о его роли в формировании двуязычных писателей. Так, известный казахстанский немецко-казахско-русский писатель, переводчик Г. К. Бельгер переводит с казахского и немецкого языков на русский, составляет коллективные сборники советских немецких писателей в отечественных изданиях, казахских — в берлинском издательстве «Фольк унд вельт», выступает и как критик по проблемам перевода, и как литературовед.

12. Перевод с двух языков, с одного — самостоятельно, с другого — в соавторстве

Сюда относится переводческое творчество Н. Кульджановой, Б. Малдыбаева, Х. Узденбаева, Х. Сыздыкова. Художественный перевод они осуществляют обычно с русского языка на казахский самостоятельно, а с казахского на русский — совместно с другим переводчиком. Например, Б. Малдыбаев с русского языка на казахский переводил самостоятельно (С. Е. Незлин. Құрт ауруы. М., 1927), с казахского на русский — в соавторстве (произведения С. Муканова). Статьи он писал на родном языке.

Х. Узденбаев больше всего работал в области художественного перевода. С русского на казахский язык он самостоятельно переводил многие художественные произведения (в т. ч. киносценарии) классиков мировой, русской и советской литературы: О. Бальзака, И. Гончарова, М. Шолохова, П. Мериме, И. Вазова и др. Переводил Х. Узденбаев и с казахского языка на русский, но в соавторстве. Например, он перевел роман Г. Мустафина «После бури» совместно с Н. Кузьминым (Алма-Ата, 1961. М., 1963). С узбекского языка он переводил самостоятельно (например, «Сестры» Аскада Мухтара).

Основная область литературной деятельности Х. Сыздыкова — художественный перевод. Он перевел на казахский язык повести Л. Н. Толстого, Б. Василевского, С. Смирнова, романы Дж. Нгуги и Г. Маркова, рассказы Р. Тагора, И. Бунина, Э. М. Ремарка. Переводил он также художественные произведения с казахского языка на русский, например, очерк С. Сейфуллина «Как я начал писать?» (Сб. Советские писатели. Т. 2. М., 1964) и др.

В процессе перевода монографии Е. Исмаилова «Акындар»¹ он заметил, что в ранних поэтических переводах казахских акынов не всегда сохраняются рифмы оригинала. Таким оказался, например, перевод стихотворения «Елімнен Мәскеу жеткенше» Джамбула.

Х. Сыздыков переводит, сохраняя стремительное течение сплошной рифмы и созвучия, характерные для этой строфы:

¹ Исмаилов Е. Акыны (монография о творчестве Джамбула и других народных акынов). Алма-Ата, 1957.

От родины моей до Москвы
Стелется дорога, радуя взор,
Изумрудной степи зеленеет ковер,
Лежат хребты заснеженных гор,
Нижутся цепи жемчужных озер.

(См.: Очерки казахской советской литературы. М., 1960).

13. Творческое содружество группы писателей, пишущих на двух языках в одном и том же авторском составе

Особенность этой разновидности в том, что одно произведение публикуется дважды и на двух языках одинаковым авторским составом. Данное явление бытует с конца 30-х годов, когда вышел сценарий первого казахского кинофильма «Амангельды», созданный казахскими писателями Б. Майлиным, Г. Мусреповым и русским писателем, владевшим казахским языком, Вс. Ивановым¹. Сценарий увидел свет вначале на русском языке (Новый мир. 1936. № 11), позже — на казахском.

Подобное соавторство осуществлялось и в последующие годы. Г. Мусрепов, С. Михалков и П. Прут написали сценарий картины «Сын бойца» (1942), Г. Мусрепов совместно с В. Игнатиусом — пьесу «Сен қайтер едің?» (1959). А. Тажибаев совместно с Л. Жежеленко — картину «Песня о великане» (1942), с Г. Рошалем — пьесу «Ковер Жомарта», с Н. Погодиным — киносценарий «Джамбул» (1952)². М. Ауэзов вместе с Г. Рошалем создали фильм «Песни Абая» (1945). Он же совместно с Л. Соболевым — в 1939 г. на казахском языке пьесу «Абай», которая была поставлена в театре в 1940 г. На русском языке эта пьеса была издана в Москве в 1941, 1944, 1948 гг., на казахском — в 1950, 1960 гг.³. Отметим, что М. О. Ауэзов и Л. Соболев писали в содружестве и научные труды⁴.

¹ См.: Сценарии казахского кино. Алма-Ата, 1984. С. 11—50.

² Там же. С. 51—81.

³ Каждый вариант на одном из языков или на двух языках проанализирован в сравнительном плане проф. Р. Нургалиевым (см. раздел «Абай» его монографии «Трагедия табиғаты». Алматы, 1968. 138—173-б.).

⁴ См., например: Эпос и фольклор казахского народа // Ауэзов М. Уақыт және әдебиет. Алматы, 1962. 34—78-б.; Соболев Л. С. Десятилетия дружбы. Очерки и статьи о Казахстане. Алма-Ата: Жазушы, 1971. С. 132—182.

Известный драматург Ш. Хусаинов совместно с В. Авызовым — кинокартины «Девушка-джигит» («Өжет қыз») ¹, «Мы здесь живем» («Біз осында тұрамыз»). В. Авызов перевел на русский язык драму Ш. Хусаинова «Вчера и сегодня» (В кн.: Советская казахская драматургия. М., 1958. С. 319—372). Джумабай Ташенов совместно с А. Сацким — картину «Сказ о матери» ².

Казахский драматург К. Мухамеджанов и Ч. Айтматов написали совместно на двух языках драму «Восхождение на Фудзияму» («Көктөбедегі кездесу») ³. Ч. Айтматов пишет: «Қалтай написал первый казахский вариант пьесы, я перевел его на русский язык» ⁴. Причина соавторства и появления произведения на двух языках заключается в том, что Ч. Айтматов до этого пьес «...никогда не писал и рискнуть на такую работу самостоятельно просто не решался. Так появилась идея соавторства, и вскоре, во время одной из алмаатинских встреч, я предложил Қалтаю для размышления свой сюжет...» ⁵.

Подобное двуязычие осуществляется вот уже в течение двух десятков лет в творческом содружестве Игоря Михайловича Саввина и Джумабая Ташенова, с тех пор, как они в 1966 г. на Всесоюзном конкурсе, посвященном 50-летию Октябрьской революции, за сценарий телевизионного фильма «Беглец» получили вторую премию (первая никому не присуждалась). Они написали совместно около 15 пьес («Памятник», «Доброе имя твое», «Студенты», «Сельские племянники...»), которые были опубликованы и поставлены в различных театрах республики («Беглец» был экранизирован киностудией «Таджикфильм»). Авторы всегда пишут в двух вариантах — на казахском и русском языках. Так, например, зрителям хорошо известна их пьеса «Қаладан келген қылжақбас» — «Лоботряс из города», на которую сделали запрос по линии ВААП СССР 60 театров нашей страны. Их пьеса «Іске сәт, қыздар» — «Удачи, девушки», рассказывающая о жизни ткачих Алма-Атинского

¹ См.: Сценарии казахского кино. С. 81—126.

² Там же. С. 179—212.

³ Мухамеджанов К. Дар доброты. Пьесы и киноповести. Алма-Ата, 1979. С. 53.

⁴ Айтматов Ч. Мой друг Қалтай // Мухамеджанов К. Дар доброты. С. 5.

⁵ Там же. С. 6.

хлопчатобумажного комбината (АХБК), была поставлена вначале на казахском языке.

Д. Ташенов — известный прозаик и драматург, пишет на казахском и каракалпакском языках. Первые свои шаги в литературе он начал со стихов (см. сборник «Победители», 1944). Затем начал писать рассказы (см. его сборники «Закаленные в бою», «В далеком ауле», повесть «Боевые друзья»). Д. Ташеновым опубликованы книги повестей и рассказов: «Путь война», «Первая схватка», «Каратас», «Оплаченный долг». В 1985 г. вышла его книга «Жауынгер жолы», состоящая из пяти повестей. У Д. Ташенова имеются переводы с русского на каракалпакский и с каракалпакского на казахский языки.

И. Саввин — драматург и переводчик с казахского на русский язык. Так, в переводе И. Саввина на русский язык вышли рассказы «Из старой тетради» (Дружба народов. 1958. № 11. С. 73—80), «Страницы моей жизни» (Дружба народов. 1958. № 9. С. 156—170), сборник рассказов «Мужество матери» Г. Мусрепова (Алма-Ата, 1958). Он перевел также произведения Ш. Хусаинова, З. Шашкина, Б. Сокпакбаева, К. Байсеитова и К. Шангытбаева.

Последние по времени произведения И. Саввина и Д. Ташенова опубликованы на русском языке в их книге «Память» (Алма-Ата, 1983) и на казахском языке в сборнике пьес «Замандастар» (Алматы, 1983). Авторы не указывают, кто пишет казахский вариант, а кто — русский, т. е. «языковое» разделение труда не подчеркивается.

В сфере художественной литературы наблюдается еще один своеобразный вид двуязычия, который можно было бы назвать (условно) «семейным». Например, Момыш-улы-младший (Бахытжан), пишущий на русском языке, переводит прозаические произведения Момыш-улы-отца (Баурджана) с казахского на русский язык. Наоборот, Адибаев-отец (Хасен), пишущий на казахском языке, перевел повесть Адибаева-младшего (Марата) «Тулпар спит стоя» (Алма-Ата, 1978) с русского на казахский и опубликовал на страницах периодической печати.

В целом причины появления группового двуязычия в сфере художественной литературы могут быть разными: творческая солидарность, общность тематики, недоста-

точность знания того или иного языка одним из авторов и т. д.

Издание произведений параллельно на двух языках. Подобная разновидность двуязычия берет начало с прошлого века. В трудах Ч. Валиханова приводятся образцы казахской литературы с последующим переводом на русский язык¹.

А. Васильев опубликовал текст казахской поэмы «Бозжігіт» с параллельным переводом на русский язык².

Профессор Среднеазиатского Государственного университета Абубекир Ахмеджанович Диваев, башкир по национальности, прекрасно владел казахским и русским языками. При непосредственном его участии были созданы кафедры казахской этнографии и казахского языка. Диваевские материалы по этнографии, фольклору и литературе казахского народа опубликованы на казахском и русском языках³.

В 1985 г. издательством «Мектеп» выпущено стихотворение В. Маяковского «Кем быть?» на двух — казахском и русском — языках⁴, казахская народная сказка «Құйыршық» — на четырех: казахском, русском, английском и немецком языках⁵.

В научных трудах по казахской литературе, написанных на русском языке, часто встречаются отрывки из художественных произведений параллельно на двух языках.

Как видно, в Казахстане обнаруживается по крайней мере тринадцать разновидностей художественно-литературного двуязычия. Следовательно, в Советском Союзе в целом их может быть больше. Следует отметить, что национальных писателей, пишущих «только по-русски», Ч. Г. Гусейнов и некоторые другие ученые отно-

¹ См.: *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. 1.

² *Васильев А. В.* Бозжигит. Оренбург, 1901.

³ См.: *Казахская народная поэзия* (из образцов, собранных и записанных А. А. Диваевым). Алма-Ата, 1964.

⁴ *Маяковский В.* Кім болам? (Кем быть?) Алматы, 1985.

⁵ *Құйыршық.* Алматы, 1985.

Подобные дву- и многоязычные отдельные издания встречаются не только в Казахстане. Например, в 1983 г. Московское издательство «Радуга» выпустило книгу «Американская поэзия в русских переводах XIX—XX вв.» на английском языке с параллельным русским текстом (672 с.).

сят к двуязычным писателям. Мы считаем, что их по одному лишь этническому признаку никак нельзя причислить к двуязычным писателям, ибо они пишут, как выражается сам ученый, «только по-русски», т. е. на одном языке. Двуязычным писателем считается, по нашему убеждению, тот, кто в сфере художественной литературы выступает на двух языках. Поэтому мы к двуязычным писателям не относим русскоязычных казахских писателей.

Так, Олжас Сулейменов в своем творчестве, особенно в тюркологических трудах, использует материалы многих языков (древних и современных), читает в подлиннике произведения казахских писателей, в быту двуязычен, в сфере художественной литературы часто использует изобразительно-выразительные средства родного языка, но, тем не менее, всегда в своем творчестве выступает на русском языке, и не может быть отнесен к двуязычным писателям.

В республике представлена большая группа писателей-казахов, пишущих на русском языке. Если не считать упомянутых выше писателей-билингвов, то всего их насчитывается свыше сорока: Олжас Сулейменов, Ануар Алимжанов, Сатимжан Санбаев, Макан Джумагулов, Энгельс Габбасов, Шокан Алимбаев, Бахытжан Момышулы, Болат Джандарбеков, Аман Макашев, Марат Барманкулов, Бахыт Кайырбеков, Амангельды Каирбаев, Саид Джилкишев, Кайрат Бакбергенов, Кенес Юсупов, Жанна Нурланова, Бахытжан Канапьянов, Клара Сеитова, Амантай Утегенов, Серик Баймухаметов, Мирбулат Сулейменов, Ауесхан Рахметов, Асылхан Жаксылыков и др. Имена многих из них хорошо известны за пределами республики.

Казахи, писавшие художественные произведения на русском языке, встречаются уже в 30—40 годы. Одним из них является медик, профессор истории Санджар Джафарович Асфендияров (1889—1938 гг.), который опубликовал повесть «Шатер мира» под фамилией С. Джафаров (Алма-Ата, 1935). С. Асфендияров писал также на двух языках и исторические очерки.

Трудно переоценить роль национально-русского двуязычия в процессе взаимообогащения литератур народов СССР. Любое хорошее произведение посредством перевода на русский язык становится достоянием читателей нашей страны и всего мира, вводится в общий процесс

взаимовлияния литератур народов СССР. Перевод произведений национальных писателей на русский язык укрепляет позиции национальных языков. Ч. Айтматов в связи с этим утверждает: «И если мои произведения изданы сейчас при посредстве русского языка на многих языках мира, то тем самым русский язык укрепляет позиции моего родного киргизского языка, способствует его утверждению и свидетельствует о его внутренних возможностях»¹.

В сфере художественной литературы «...русский язык как средство межнационального общения имеет более многогранное проявление, чем в любой другой сфере деятельности. Здесь ярко обнаруживаются процессы взаимодействия национальных языков народов СССР с русским языком»².

В поисках новых средств выразительности, как отмечено Ч. Айтматовым, русский язык является источником обновления смысловой и художественной палитры национальных языков. Писатель, имея в виду языки с высокоразвитыми и устоявшимися литературными традициями, пишет: «...именно эта устойчивость художественных средств и приемов иногда мешает им в решении современных эстетических задач. На всех нас сильное, плодотворное влияние оказывает русский язык, который помогает развитию наших языков, обогащает их»³.

Сегодня, в условиях национально-русского двуязычия, степень квалификации мастеров художественного слова можно определить их знанием русской литературы и русского языка. Мастерство писателя, пишущего на казахском языке, определяется его воспитанием не только на основе казахского, но и русского литературного языка»⁴, — писал в свое время М. -О. Ауэзов. Но верно говорит и узбекский писатель Тимур Пулатов: «Русский язык, называя и выражая жизнь другой нации, другого народа, «пропуская» через себя язык этого народа благодаря творчеству писателя, обогащает не только свой словарь и свою лексику, но и сферу жизни. А вся мудрость жизни и зрелость литературы в том, что

¹ Айтматов Ч. В соавторстве с землей и водою. С. 109.

² Михайловская Н. Г. К проблемам филологических исследований. С. 80.

³ Айтматов Ч. Слагаемые новаторства // Лит. газета. 1977. 4 апр.

⁴ Ауэзов М. Вопросы развития казахского литературного языка // Дружба народов. 1951. № 6.

они умеют обращать себе на пользу все созвездие национальных языков, таких непохожих друг на друга, таких разных, как народы, которым они принадлежат»¹.

Таким образом, на основе национально-русского двуязычия происходит двустороннее влияние: русской литературы на национальные литературы и многоязычной национальной литературы на русскую литературу (чаще всего через перевод на русский язык).

Что касается казахско-русского двуязычия, то в сфере художественной литературы оно активизируется, идет усиленный процесс взаимовлияния и взаимообогащения. И это особенно заметно на примерах авторского перевода. Следует также отметить, что произведения казахских писателей-билингвов, написанные на родном языке, давно стали достоянием казахских читателей, чего нельзя сказать относительно их произведений, написанных на русском языке. Мы считаем, что необходимо произведения казахских писателей-билингвов, написанные на русском языке, включать в сборники, наряду с их произведениями на казахском языке.

Следует обратить внимание и на то, что творчество русскоязычных казахских писателей все еще остается вне поля зрения казахских читателей и исследователей.

Двуязычие находит свое выражение не только в деятельности писателей-билингвов, но и в творческой деятельности национальных писателей, пишущих на одном — родном — языке. Каждый писатель — потенциальный читатель, читающий произведение творчески, анализируя его. Второй язык ему нужен в процессе сбора и подготовки материала для будущего произведения, а чтение на другом языке — это не только школа познания, но и школа обучения двуязычию. Дело в том, что художник не может быть изолированным от внешнего мира, общества. Он должен быть в живом, непосредственном общении с действительностью, со всеми сферами жизни, с разноязычными людьми, создающими своим трудом материальные и духовные ценности. Знание другого языка дает возможность писателю как можно ближе узнать духовный мир иноязычных людей. Словом, держать руку на пульсе времени легче удастся писателю, в совершенстве знающему оба языка. Поэтому мы

¹ Язык, автор, жизнь // Литературное обозрение. 1976. № 8. С. 109.

вправе утверждать, что современный писатель в какой-то мере является потенциальным билингвом.

Активная гражданская позиция писателя в многоязычном обществе проявляется в различных формах: в непосредственном творчестве, во встречах с разноязычными читателями, коллегами по перу и т. д. Так, по линии Бюро пропаганды союза писателей Казахстана регулярно проводятся встречи писателей с трудящимися республики. При этом, писатели, принадлежащие к нерусской национальности, выступают на двух языках — на своем родном и на языке межнационального общения, ибо многонациональные коллективы в республике представлены гораздо больше, чем одноязычные.

Объективная оценка родной литературы невозможна без знания лучших образцов, достижений мировой и советской литературы. Поэтому большинство писателей, литературоведов и критиков являются активными билингвами.

Двуязычие находит свое непосредственное отражение не только в разных произведениях одного писателя-билингва, но и в его конкретном, отдельно взятом произведении.

Среди казахских литературоведов и критиков встречаются пишущие (писавшие) одинаково успешно на двух языках. К ним относятся: академики АН КазССР М. О. Ауэзов, М. К. Каратаев, З. А. Ахметов, Е. А. Букетов, член-корр. АН КазССР И. Т. Дюсенбаев и Ш. К. Сатпаева, профессора Т. Нуртазин, С. Кирабаев, М. Базарбаев, И. Х. Габдиров, а также И. Омаров, К. Нурмаханов, А. Нуркатов, С. А. Каскабасов, Е. Д. Турсунов, Х. Н. Садыков, Н. К. Кунгуров и мн. другие.

В наши дни двуязычие сближает социалистические нации и народности, способствует развитию и взаимообогащению языков, выступает, по определению Ч. Айтматова, как «добавочный ресурс словесного и образного мировыражения».

В лице писателей-билингвов происходит органическое сочетание, «стыковка» двух культур. Говоря словами Ч. Айтматова, «двуязычие выступает как новая форма национальной культуры»¹.

¹ Айтматов Ч. В соавторстве с землей и водой. С. 333—334.

2. МЕХАНИЗМ ПРОЯВЛЕНИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Художественная литература представляет собой одну из сфер функционирования языка и двуязычия, и поэтому может изучаться в плане социальной лингвистики.

Двуязычие коллектива вообще представляет собой совокупность социально взаимодействующих индивидов. Индивидуальный билингвизм, являясь, с одной стороны, автономным феноменом, с другой стороны, отражает общую картину билингвизма речевого коллектива. Доказательством может служить одна из разновидностей индивидуального билингвизма — **двуязычное творчество писателей**, которое, во-первых, представляет собой в целом своеобразный сплав индивидуальных билингвизмов, отражает **правило выбора обществом элементов двух сосуществующих языков и механизм переключения с одного кода на другой**, иными словами, есть билингвизм, включенный в социально-коммуникативную систему общества, которое он обслуживает. Во-вторых, в оригинальной творческой практике художников слова встречаются **пвторяемые приемы использования двуязычия**. И, наконец, — в-третьих, нельзя не учитывать **непосредственное влияние билингвов-писателей на функционирование и распространение билингвизма** в условиях гетерогенных социалем¹. В связи с этим считаем, что социолингвистический анализ языка художественных произведений писателей-билингвов проливает дополнительный свет на создание целостной системы теории билингвизма в социально-коммуникативной системе определенного общества, и потому индивидуальный билингвизм художников слова не может не быть объектом социолингвистического анализа.

Таким образом, системность речевой деятельности билингвов, являющихся членами не менее двух гетерогенных в языковом отношении социалем, очевидна. С этой точки зрения важно установить, **насколько системно организована совокупность языковых ресурсов писателей-билингвов в контексте их художественного творчества**.

¹ Социалема — это любая «социальная общность людей, говорящих на одном языке...» / Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. С. 312.

Широко распространено понятие «язык художественной литературы». Оно, в известной мере, условно, ибо не существует особого языка, который был бы характерным только для художественной литературы. Здесь нужны уточнения. С точки зрения социальной лингвистики, в содержание этого понятия входит, прежде всего, **язык**, на котором написано произведение, то есть оно отражает **факт функционирования определенного языка** в сфере художественной литературы. Это — с одной стороны. С другой — оно отражает широко известные традиционной лингвистике **языковые, стилистические особенности** материала, на котором «строился» текст произведения. Понятие «язык художественной литературы» имеет еще и третье значение — **специфические особенности, присущие природе художественного произведения** как рода искусства или особой сферы человеческой жизнедеятельности. Определение языка литературы — самое очевидное — не должно быть проблемой. Не было бы такой проблемы, если бы словарный репертуар произведений состоял из материала только одного языка.

Язык в сфере художественной литературы, выполняя **эстетическую функцию**, включает в себя богатства и **литературного языка**, и, в значительной мере, **общенародного языка**, и **элементы других языков**, и **авторские новообразования**. В рамках художественного текста могут быть использованы самые разнообразные художественные средства двух языков, но из одного языка их может быть больше, чем из другого. Они могут быть апробированы общественным употреблением на одном языке или неапробированы ни на одном языке, то есть быть контекстуальным индивидуальным словоупотреблением. Однако использование каждого из них в тексте по-своему сложно. Иноязычные включения в литературоведении или в традиционной лингвистике обычно определяются как заимствования, вкрапления, или иноязычный элемент, и функция их чаще всего оправдывается стилистическими соображениями.

Писатель, создавая словесный образ, находит единственно нужные слова, которыми порой оказываются элементы другого языка. Нередко в одном произведении их насчитываются сотни. Чрезвычайно важно установить их семантику, в контексте произведения выяснить, чем руководствовался писатель, когда вводил их в словесную ткань произведения.

Слово — инструмент писателя в его профессиональной деятельности. Поэтому за каждое употребленное им слово он в ответе, ибо все языковые ресурсы употребляются во имя художественности. С этой точки зрения творческое использование каждого иноязычного элемента — уникальное явление. Уникальность заключается не в использовании его в диалогах, где их употребление и возможное нарушение нормы в определенной степени допустимо, а в монологах, и даже в авторском повествовании, где описание, повествование и рассуждение более строгое. Здесь они имеют оценочный характер и выполняют функцию характеристики персонажа. Если иноязычные элементы не только встречаются по всему тексту, но и выполняют в нем определенную коммуникативную и образно-художественную функции, то нельзя отрицать наличие двух разных языковых систем в пределах одного сочинения. Наличие этих двух условий говорит о сложном, диалектически двуедином характере произведения. Двойственная природа такого сочинения выступает как подсистема, представляющая одно целостное единство, и его можно противопоставить произведению одноязычному. Таким образом, содержание понятия «язык художественной литературы» диалектически усложняется при распространении его на те продукты литературного творчества, которые в своей моноструктуре опираются на лингвистический диод — совмещенные в сознании писателя две языковые стихии.

Разумеется для любого произведения какой-то язык будет главным строительным материалом, он и создаст основу словаря и фон текста. Когда иноязычные элементы проходят по всему произведению, проникают в структурные ярусы текста, выступают по отношению к языку произведения как его специализированная подсистема, как одно целое, и, самое главное, — когда они становятся, благодаря мастерству писателя, общественно осознаваемыми, мы наблюдаем факты более глубокого проникновения и, соответственно, залегания элементов второго языка, нежели часто встречаемое лексическое заимствование или простое использование элементов другого языка в стилистических целях.

Из этого следует, что некоторые художественные произведения, как и сама жизнь, являют собой сферу соприкосновения языков. Примечательно то, что если изъять из такого двуязычного текста материалы одного

языка, то произведение теряет свое лицо. Авторами таких произведений, как правило, бывают двуязычные писатели. Отсюда вытекает вопрос: не совмещает ли билингв два языка в одном произведении? Другими словами,— могут ли софункционировать два и более языка в одном произведении?

В сочинениях двуязычных мастеров иноязычные элементы употребляются сознательно, и поэтому не являются чужеродными в контексте, а играют важную роль в создании образного ряда, в достижении различного рода эстетических и смысловых эффектов, создают единое словарное богатство произведения. В этой связи необходимо определить статус иноязычных средств в структуре художественного текста. Важно установить, насколько иноязычные элементы употребляются целенаправленно, сливаются (реально связаны) ли они со всеми остальными элементами в системе многообразных отношений, и определить мотивированность их употребления, степень их слитности с системой словарного репертуара. Очевидно, все это требует не только литературоведческого, но и социально-лингвистического подхода.

Методологической основой анализа текста должно быть изучение формы и содержания в неразрывном единстве, и, исходя из этого,— характера иноязычной оформленности текста.

Выбор объекта и анализ его задач должны быть глубоко обоснованы определенными принципами:

1. Билингвизм писателя должен проявиться в сфере литературно-художественного творчества.

2. Произведение должно иметь такой качественный показатель, как художественность.

3. Произведение должно получить общественное признание.

4. Наличие разноязычных элементов должно быть одним из характерных признаков словесного репертуара произведения.

Для исследования функционирования языка в сфере художественной литературы должны применяться самые различные методы социолингвистики и методы смежных с лингвистикой наук.

Социально-лингвистическое исследование художественно-литературного двуязычия предусматривает:

1) определение билингвизма писателя по языковым особенностям разных его произведений;

2) изучение объекта изображения, от которого зависит степень насыщенности произведения иноязычными элементами;

3) определение как количественной, так и качественной представленности элементов разных языков в отдельно взятом произведении билингва не только с точки зрения традиционной лингвистики и социальной лингвистики, но и из соображений эстетичности, ситуативной уместности и т. д., с учетом того, что употребление иноязычных элементов в сфере художественной литературы более допустимо, чем в других сферах письменной речи, но все же имеет предел;

4) определение правомерности использования иноязычных элементов в тексте. Для этого должны быть учтены:

— эстетическая обоснованность с точки зрения их образно-художественных функций;

— лингвистическая оправданность, уместность с точки зрения стилистической мотивированности или из-за отсутствия эквивалента в языке текста;

5) определение общедоступности иноязычных включений для той гомогенной в языковом отношении социалемы, которой произведение предназначено;

6) проведение эксперимента для контроля необходимости элементов разных языков.

Одновременное участие элементов разных языков в одном и том же произведении в условиях двуязычия (многоязычия) — явление нередкое. Проявление двуязычия в сфере литературы может быть стихийным, поскольку оно широко распространено в жизни. Как говорил У. Вайнрайх, «при определенных социокультурных условиях у двуязычных носителей происходит нечто вроде слияния словарных запасов двух языков в единый фонд лексических инноваций»¹, а это не может не отразиться на их творчестве. Поэтому мы считаем, что иноязычные элементы могут быть использованы писателями вполне сознательно.

Нам представляется, — если элементы двух языков, системно вводимые автором в текст для достижения

¹ Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Т. 6. С. 42.

художественности, выполняют эстетическую функцию, то они придают произведению двуязычный характер. Двуязычное художественное произведение — это литература, прочно стоящая на материале двух языков.

Двуязычный писатель может писать, в зависимости от тематики, без особого смещения элементов разных языков. Мало того, писатели создают на разных языках разные произведения. В истории мировой литературы известны писатели, которые писали на трех, четырех и пяти языках.

На основе творчества писателей-билингвов можно сделать вывод о софункционировании языков в сфере художественной литературы. Использование одним писателем (или в соавторстве) двух языков в пределах одного произведения (смешанно) или в разных произведениях (в отдельности) правомерно будет назвать художественно-литературным двуязычием.

Художественные произведения, написанные представителями не одной, а разных национальностей, но объединенные тематикой и общностью языка, насыщенные элементами других языков, на наш взгляд, более репрезентативны для решения проблемы использования двух языков в сфере художественной литературы. Представляется удобным рассмотреть для обобщения не один вид эпических произведений, а разные, например, — повесть и роман.

В своих выводах и суждениях мы ограничились материалами небольшого количества произведений, допуская при этом, что не все они отражают художественно-литературное двуязычие в желательном (достаточном) объеме. Мы избрали три произведения трех наших современников, пишущих на разных языках (казахском, киргизском и немецком) и одновременно на русском языке. Это повесть одного из самых популярных казахских писателей, легендарного панфиловца Баурджана Момыш-улы «Наша семья»¹, впервые увидевшая свет в г. Калинин в 1956 г. С тех пор она выдержала несколь-

¹ См.: Момыш-улы Б. Избранное: В 2 т. Алма-Ата, 1980. Т. 2. С. 7—192.

В дальнейшем ссылки даются на это издание: указываются инициалы (имя, фамилия — Б. М.) автора и страницы. Следует оговориться, что жанр данного произведения автором определен как автобиографический роман, имеющий продолжение, но замысел автора, к сожалению, не был осуществлен.

ко изданий на разных языках. За книгу «Наша семья» писатель был удостоен Государственной премии Казахской ССР.

Второе произведение — роман одного из крупнейших писателей современности Чингиза Айтматова «Буранный полустанок»¹ — первоначальное название «И дольше века длится день...» — уже выдержал несколько изданий, а автор удостоен Государственной премии СССР.

Третье произведение — повесть талантливого писателя и переводчика Герольда Бельгера «Перед далью»².

Для социолингвистического анализа чрезвычайно важны сведения об информантах (в данном случае о писателях), относящиеся к их профессии, образованию, местожительству, возрасту, уровню владения двумя языками³. Книги написаны представителями трех национальностей (казахом, киргизом, немцем) на одном реальном материале — жизни современного казахского народа, — на русском языке. Отметим два факта: 1) насколько нам известно, все они тепло встречены читательской общественностью и не было печатных выступлений, критикующих их с точки зрения владения русским языком; 2) при переиздании в них сохранены элементы казахского языка.

Важным нам представляется и построение текста. Основным объектом вышеуказанных произведений стал образ жизни, духовный мир казахов (в основном проживающих в степной части Казахстана) в многосторонних реально-бытовых связях. В книгах отображены и вымышленные, и реальные события примерно за последние полвека. События происходят в художественном пространстве, и в образе рассказчика выступают чаще всего сами авторы. Тематика требовала включения казахско-

¹ См.: Айтматов Ч. Буранный полустанок // Роман-газета. М. 1982. № 3. 112 с.

В дальнейшем ссылки даются на это издание: указываются инициалы (имя, фамилия — Ч. А.) автора и страницы.

² См.: Бельгер Г. За шестью перевалами / Повести, рассказы. Алма-Ата, 1977. 104 с.

В дальнейшем ссылки даются на это издание: указываются инициалы (имя, фамилия — Г. Б.) автора и страницы.

³ В литературоведении прозаиков или поэтов, пишущих на двух языках, принято называть билитературными (двулитературными) писателями (См.: Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1980. 248 с.). Прозаиков или поэтов, пишущих на трех языках, можно по аналогии назвать трилитературными.

го языка во все три произведения. Чтобы текст произведения был понятен, мастера художественного слова умело вводят в текст элементы второго языка, в результате чего произведение становится двуязычным. Один из языков занимает в этих произведениях доминирующее положение (его мы называем языком, или основным языком) — Я₁, другой играет вспомогательную роль (его мы называем языком объекта, или вторым языком произведения) — Я₂.

Несмотря на то, что присутствие двух языков в тексте одного произведения — явление уникальное, оно стало встречаться все чаще. Происходит это, безусловно, под влиянием массового двуязычия, особенно широко распространенного в устной форме общения в союзных республиках. В отличие от устного двуязычия, в сфере художественной литературы никак нельзя полностью перейти на тот или иной язык: один из них всегда выполняет основную роль, а другой — только вспомогательную.

Оба языка выступают здесь не как языки вообще, выполняющие коммуникативную функцию, а как языки художественной литературы, выполняющие, прежде всего, эстетическую функцию. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что, используемые писателями, они могут быть с некоторыми отклонениями от литературной нормы, с многочисленными заимствованиями из других языков.

Если все произведения писателя написаны на каком-то одном языке, то их автор, естественно, определяется как одноязычный. Бывает и нечто иное: произведение написано на одном языке, но в нем широко представлены элементы другого языка (других языков). В таких случаях основной язык может выступить определителем языка произведения и его автора. Однако нетрудно убедиться и в другом — в смешанном характере языка (в основном, словарного состава) некоторых произведений.

Творчество на двух языках — факт двуязычия, но еще не свидетельство мастерства. Талант писателя признается тогда, когда его двуязычное изложение станет достоянием одноязычного социума. В этой связи важно заглянуть в мастерскую писателя, понять, каким образом он использует второй язык, как произве-

дение стало двуязычным и как оно становится доступным конкретной социалеме.

Двуязычное художественное произведение представляет собой явление, отличающееся как от обычного одноязычного изложения, так и от переводческого акта с одного языка на другой; оно имеет свои социально-лингвистические признаки, основанные на систематическом синхронном изложении на двух языках.

Синхронное изложение на двух языках — подлинник, чем оно и отличается от перевода. После перевода источник остается в стороне, как будто его не было, а в двуязычном произведении — источник и его перевод налицо. В отличие от синхронного перевода в синхронном двуязычном изложении отсутствует и говорящий, и слушающий: за них и говорит, и делает сам автор, а читатель становится свидетелем своеобразного двуязычного повествования.

Любой писатель старается использовать иноязычные элементы уместно и в меру, однако наличие их еще не означает двуязычия. Важно, чтобы каждая единица имела функциональную нагрузку, что определяется строго по контексту. Насколько нам известно, текст был объектом изучения в лингвистике¹, но его социолингвистический аспект еще не стал предметом планомерного специального обсуждения.

Текст как единое целое живет неисчислимыми связями, уводящими в ширь. Выявление элементов двух языков в словесной ткани произведения и раскрытие их роли в создании словесного образа предполагает применение метода «от слова к слову по всему художественному контексту».

В творениях двуязычных писателей элементы других языков, как правило, представлены в значительных дозах и имеют в определенной мере системный характер; в произведениях одноязычных писателей случаи употребления элементов других языков, как правило, спорадические.

На основании наших многолетних наблюдений, предварительно можно выделить **одиннадцать** основных взаимосвязанных **параметров** смешанного художествен-

¹ Гальперин И. Ф. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 138 с.; Новое в зарубежной литературе. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978 и др.

но-литературного двуязычия, отличающих его от художественно-литературного одноязычия и ставших его внешними показателями.

1. Несовпадение языка произведения и языка (лингвемы) социалемы ($Я_2$), которая стала объектом изображения.

2. Параллельное или попеременное изложение на двух языках. Наличие в структуре художественного произведения разного рода комментариев (элементов $Я_2$), пояснений по поводу какого-либо события, толкований названий предметов или явлений на $Я_2$, приведение аналогов по двум языкам.

3. Наличие в тексте произведения вполне переводимой эквивалентной лексики, выполняющей функцию референта билингвизма.

4. Насыщенность текста национально-специфическими словами-реалиями (безэквивалентной лексикой) $Я_2$.

Иносистемные элементы, бросающиеся в глаза, являются признаком либо неразборчивости словоупотребления, либо двуязычности писателя. Разумеется, вкрапления, заимствования могут быть употреблены писателями, не владеющими двумя языками. Введение в текст слов-реалий $Я_2$ бывает вызвано желанием создать национальный колорит.

5. Наличие в тексте речевого этикета $Я_2$.

6. Наличие транслитерированных и ссылочных элементов $Я_2$.

7. Синхронное функционирование в тексте калькированных устойчивых словосочетаний, пословиц, поговорок, клишированных фраз и других образно-выразительных средств $Я_2$.

8. Наличие в тексте абсолютных синонимов обоих языков.

9. Наличие в тексте системы $Я_2$ (разных уровней).

10. Определенная частотность, повторяемость признаков двуязычия в тексте.

11. Экспертиза на устойчивость (неустойчивость) референтов двуязычности произведения путем перевода его на другой язык.

Проявление двуязычия автора имеет следующие предпосылки:

1). Несоответствие языка, на котором написано произведение, и языка, на котором говорит изображае-

мый социум. Естественно, если автор пишет на том языке, на котором говорит изображаемый социум, то нет необходимости использования другого (постороннего) языка.

2). Распространенность двуязычия, состоящего из языка произведения и языка изображаемого объекта, в различных сферах жизнедеятельности, ибо в художественной литературе обычно описываются различные сферы жизнедеятельности того или иного социума.

Массовость двуязычия сама по себе ничего не даст, если писатель не является его носителем или владеет вторым языком пассивно. Поэтому в сфере художественного творчества решающее значение имеет личность, уровень владения ею двумя языками, особенно тем языком, на котором она пишет.

В целом в языковой организации художественного произведения могут быть отражены или зафиксированы четыре разновидности двуязычия:

а) массовое двуязычие в реальной жизни определенного общества;

б) индивидуальное двуязычие (в виде двуязычия персонажа);

в) индивидуально-авторское двуязычие;

г) индивидуальное отражение автором массового реального двуязычия.

ПРИЕМЫ ДВУЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ИЗЛОЖЕНИЯ

Художественно-литературная письменная речь, в отличие от устной, всегда организована и все ее элементы упорядочены. Так, элемент второго языка, введенный в текст, сопровождается переводом или разъяснениями в тексте или вне его (порою и в тексте, и вне его). Писатели-билингвы в художественном творчестве используют и создают своеобразные приемы двуязычного словопотребления. В результате мы являемся свидетелями того, что наряду с произведениями, написанными на одном языке или с иноязычными элементами, есть и такие, что по словарному составу и структуре отражают своеобразное художественно-литературное двуязычие.

Оно может отражаться в творчестве одного писателя — в его сочинениях, написанных на разных языках, — но отнюдь не всякий билингв может написать двуязыч-

ное художественное произведение, совмещая в нем два языка. Среди казахстанских писателей такие произведения писали, пожалуй, лишь Баурджан Момыш-улы и Г. Бельгер.

Не всякое произведение писателей-билингвов, умеющих творить совмещенно на двух языках, является двуязычным, хотя для всех билингвов характерно смешение элементов двух (и более) языков. Все произведения Ч. Айтматова, за исключением его романа «Буранный полустанок», одноязычные, у Баурджана Момыш-улы и Г. Бельгера есть и одноязычные, и двуязычные. Наконец, авторы-билингвы, изображая один и тот же специфический момент, могут прибегать к двуязычному изложению и могут обходиться без него.

Говоря о приемах, используемых двуязычными писателями, следует обратить внимание на следующие пять обстоятельств:

1. В отличие от одноязычных, двуязычные писатели могут включать в ткань произведения элементы Я₂, имеющие общечеловеческий смысл. Например, на любом языке можно передать смысл предложения «*Что он говорит?*». Однако билингвы передают его на двух языках: «— *Не дейды?! — удивляется Тайшик. — Что он говорит?*» (Г. Б., 71) ¹.

2. Включение в текст иноязычных элементов — не самоцель для писателей-билингвов. Г. Бельгер использует казахское слово *қумалақ* без перевода: «*И соседка, бабка Кульшара, погадав на кумалаках, сказала, что сон вещий: «Жуматай вернется домой через три дня или три месяца, и у них начнется новая жизнь»*» (Г. Б., 45). Это слово *тас ашу* (слово-образ гадательного ритуала) Ч. Айтматову также хорошо известно, но он пишет иначе: «*На подоконнике лежали забытые Эрмеком гадательные камушки, те самые сорок один камушек, на которых научились они гадать, когда вернется не существующий давно их отец, камушки надежды и любви. Едигей сгреб в горсть гадательные камушки, зажал их в руке — вот и все, что осталось»*» (Ч. А., 86).

Б. Момыш-улы описывает понятие *суюнши*: «*посыпались поздравления отцу, а Байтоку — подарки за радост-*

¹ Для иллюстрации наших положений мы старались использовать по одному примеру из трех вышеназванных произведений, хотя набранный материал гораздо объемнее.

ную вестъ» (Б. М., 8). Г. Бельгер употребляет это слово без пояснения:

«— Ата! Война кончилась! Мы победили! Суюнши!

— Ана! Конец войне! Суюнши!

— Аже! Победа! Суюнши!!!» (Г. Б., 100—101).

«— Вот вам, детки, суюнши. И бегите, обрадуйте всех» (Г. Б., 99).

3. Писатели могут пользоваться разными приемами двуязычного изложения. Так, широко известное слово *айран* можно было бы ввести в текст без перевода, но Б. Момыш-улы дает в сноске его перевод — *кислое молоко* (Б. М., 44), а Г. Бельгер — в связанном тексте: «— **Айран! Айран!** — ликует горластая орава. **Квашеное молоко** пузырится, **острый дух бьет в ноздри**» (Г. Б., 28).

4. В текст могут включаться не только слова, но и понятия Я₂, которые передаются. Казахи говорят тому, кто приходит во время еды: *Хош келдің, мақтап жүреді екенсің* (Добро пожаловать, во время еды пришел, значит, нас хвалишь). У Г. Бельгера: «— **Вовремя пришел. Хвалишь, значит, нас. Давай, лопай,**— приглашает *Ойрат*» (Г. Б., 73).

Еще один пример. У казахов считается, что вокруг дома бегают лишь собаки. Поэтому казахский мальчик предложение немецкого мальчика *бегать вокруг дома* не принимает: «— *Давай наперегонки,*— предлагаю я.— *Ну, бегать, бегать вокруг дома. Вот так... Кто быстрее, а?*

Ойрат кривит губы:

— **Мой не собака!**» (Г. Б., 22).

Здесь приведено казахское выражение *мен ит емеспін ғой* (үйді айнала жүгіретін) — *я же не собака (чтобы бегать вокруг дома)*.

5. Одно и то же понятие билингвами может быть переведено разными способами. Например, «*Раймалы-ага и Богимай расстались посреди пути и говорили друг другу:*

— *До ярмарки, родная Бегимай!*

— *До ярмарки, Раймалы-ага!*» (Ч. А., 92).

Б. Момыш-улы пишет: «*Свидания назначались так: «Встретимся на следующем базаре»* (Б. М., 47), т. е. «*Келесі базарда кездесерміз*».

6. Писатели, внедряя в текст иноязычный элемент, не переводят его, а объясняют суть, что дает представление не хуже буквального перевода. Так, название детской игры *ақ сүйек* (букв.: *белая кость*) само по себе ни о чем

не говорит, поэтому писатель подробно разъясняет игру и заключает: «Белая кость» — это своеобразный детский кокпар ночью» (Б. М., 177—178).

Как нам представляется, подобные вкрапления не могут служить показателем двуязычия, а остаются всего лишь в статусе «иноязычного элемента», которые встречаются в любой одноязычной литературе.

Большой интерес представляют не элементы, получившие статус заимствования (типа *аул, кумыс, джигит, акын*), а всевозможные вкрапления. При этом, главное не в подсчете всех иноязычных элементов и не в повторяемости, а в механизме вплетения в ткань произведения важнейших из них.

Элементы другого языка позволяют лучше описать объект и дают автору больше возможностей для всестороннего отображения инационального образа жизни. Поэтому к иноязычным элементам может обращаться любой писатель.

Художественное изложение может считаться двуязычным лишь в том случае, когда оно базируется на систематическом совмещении элементов обоих языков. Нам представляется возможным и бесполезным охарактеризовать эту закономерность в плане **билингвистической синтагматики**.

Здесь, очевидно, возникает необходимость обосновать целесообразность терминологического выбора. Традиционное понимание синтагмы — от Ф. де Соссюра к Щербе Л. В. и до наших дней — выражается таким определением: «синтагма (греч. *sintagma*) — нечто соединенное.

1. По теории Ф. де Соссюра, — двучленная структура, члены которой соотносятся как определяемый и определяющий. Такими членами, по мнению некоторых исследователей, могут быть:

- а) морфемы в производном слове;
- б) составные части сложного слова, из которых одна определяет другую;
- в) компоненты подчинительного словосочетания;
- г) целые словосочетания;
- д) предикативные части сложного предложения...»¹.

Отсюда понимание синтагматики как исследования

¹ Розенталь Д. Е., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976. С. 385—386.

языка, заключающегося в «последовательном разделении текста на все менее протяженные соположенные единицы, которые сосуществуют, сочетаются между собой, но отличаются одна от другой; включение их в ряды по «горизонтали» (слово в пределах высказывания, морфема в пределах слова, звук в пределах звукосочетания)»¹.

Насколько нам известно, вопрос о билингвистической синтагматике художественно-литературного текста еще не ставился, а если и возникал, то преимущественно в опосредованных и случайных связях. Тем не менее, современная социолингвистика имеет достаточно прецедентов научного внедрения в суть данной проблемы², что свидетельствует об актуальности, теоретической значимости последней.

Как замечает В. Ю. Розенцвейг, «процесс семантического обобщения словаря двух (или больше) контактирующих языков и правила «стыковки» такого словаря с грамматикой, также упрощенной и приведенной к единому знаменателю, до сих пор остаются невыясненными. Очевидно, что лексико-семантическое обобщение нельзя описать лишь в терминах заимствования, переноса означаемых из одного контактирующего языка в другой, замены ими означаемых этого языка. Не сводится оно и к сокращению репертуара идиоматичных словарных единиц и редукции синонимии»³.

Следует добавить, что в систематическом обобщении нуждаются не только лексико-семантические связи и отношения между Я₁ и Я₂, но и вся совокупность уровней соответствий от фонетических и морфемнословообразовательных до собственно морфологических и синтаксических.

Что касается билингвально-синтагматической интерпретации художественного текста, то она имеет в каче-

¹ Розенталь Д. Е., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. С. 387.

² См.: Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958.

Гамперц Дж. Дж. Переключение кодов хинди-пенджаби в Дели // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.

Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблема структурной лингвистики. М., 1971.

³ Розенцвейг В. Ю. Упрощение лексико-семантической синтагматики при языковом контакте // Теория языка, методы его исследования и преподавания (к 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы). Л. 1981. С. 229.

стве объекта исследования все ярусы языка и позволяет не только пронаблюдать актуально-коммуникативные «сцепления» Я₁ и Я₂, но и получить представление о ценностно-экспрессивном потенциале двуязычной речи. При этом двуязычный художественный контекст можно сегментировать, как уже сказано, на различных уровнях:

а) фонетическом: *атан, айран* (и т. д.), фонема Я₁ реализуется в окружении фонем Я₂, хотя сама не свойственна ей;

б) морфемном: *Эрме+чик, буран+н+ый, орта+чить* и др.;

в) подчинительной связи: *Увидел свою дженеше*;

г) целых словосочетаний: *К нему обращались не иначе, как тақсыр* (обособленные члены предложения);

д) предикативные части предложения:

И будет у меня ... как это ... фрау, у тебя — дженге, и мы с тобой породнимся и будем шпрехать по-немецки.

— *Ойдойт!* (Г. Б., 78).

Высказывание последовательно делится на три предикативные части, каждая из которых содержит элементы двух (и более) языков, взаимно соотношенных как определяющий и определяемый (в широком смысле). При этом смысловая доступность предложения в целом несколько не нарушена.

Теперь разберемся, где определяющий и определяемый. Как отмечено, данное сложное предложение состоит из трех компонентов, основными смыслообразующими центрами которых служат знаменательные единицы-носители основной коммуникативной нагрузки. Слова из трех разных языков — *фрау, дженге, шпрехать, ойдойт*, — сцепленные и соположенные в один информационный ряд, образуют единый контекст, понятный читателю. Так, денотат (означающее) первой части *фрау (женщина)* в дальнейшем определяется коннотатом (дополнительная характеристика предмета, явления) *дженге* (жена старшего брата — родственника). Первая часть, в свою очередь, создает необходимый информационный фон для идентификации последующей части — *И мы с тобой породнимся и будем шпрехать по-немецки*. В данном случае первая и вторая части соотносятся, соответственно, как определяемый и определяющий (тема и рема; причина и следствие; условие и результат). Третья

часть — *ойдойт*, — базируясь на предыдущих двух частях высказывания, дает логическое завершение, содержащее в себе модальную оценку предмета речи.

В целом проявление билингвистической синтагматики можно наблюдать на всех уровнях структуры языка. Это, так сказать, сфера влияния внутренних факторов развития языка. Однако в судьбе двуязычного произведения большую роль играют внешние, экстралингвистические, условия и факторы. Так, условия формальной замкнутости, традиционные требования к оформлению литературных текстов, с одной стороны, а также неравномерность филологической подготовленности в среде коллективного адресата (читательской массы), с другой стороны, диктуют необходимость двойного выражения билингвистической синтагматики: эксплицитного и имплицитного.

Билингвистическая имплицитная синтагматика текста (БИСТ) — это целостная организация текста, при которой значение речи реализуется за пределами двучленных структур, совмещающих элементы двух языков.

Билингвистическая эксплицитная синтагматика текста (БЭСТ) — это целостная организация текста, при которой значение речи реализуется в пределах двучленных структур, совмещающих элементы двух языков.

При БИСТ элементы $Я_1$ разъясняются в виде перевода, в форме подстрочного или внетекстового толкования и сносок комментариев средствами $Я_2$.

При БЭСТ элементы $Я_1$ уже не разъясняются, а идентифицируются, исходя из контекста, построенного на материале $Я_2$.

Предлагаемое нами категориальное выделение билингвистической синтагматики художественного текста как объекта специального исследования рассмотрено нами в качестве текущей рабочей гипотезы, поэтому, не претендуя на бесспорность обосновываемых положений, мы сочли своим долгом выдвинуть в порядке обсуждения некоторые теоретические тезисы, подсказанные фактическими материалами из творческой лаборатории писателей-билингвов.

Двуязычие в сфере литературы должно выражаться системно. Его системность определяется не количеством введенных в текст элементов второго языка, хотя это имеет важное значение для образования системы, а широтой распространения по всему словарному репертуару

произведения, глубиной взаимопроникновения внутренних структур двух разносистемных языков.

Доступность художественного произведения, двуязычного в особенности, должна быть главным требованием, поэтому все непонятные элементы Я₂ снабжаются переводом или комментариями. В этом плане Б. Момыш-улы, Ч. Айтматов, Г. Бельгер, можно сказать, безупречны.

Парно-параллельное использование элементов двух языков имеет, пожалуй, три причины: во-первых, это может быть влиянием двуязычной среды; во-вторых, это проявление двуязычия писателя; в-третьих, и это самое главное,— забота об адресате, учет его возможного одноязычия.

Благодаря параллельному билингвистическому изложению, словарный репертуар двуязычных произведений резко отличает их от одноязычных произведений.

БИЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА

Пожалуй, самый типичный из всех приемов введения в текст иноязычных элементов — параллелизм, где элементы двух языков следуют один за другим. Создатель текста, вводя один элемент, повторяет его на другом языке, и два элемента фиксируются одновременно и служат одной цели. Отметим, что обычно под параллелизмом в традиционной лингвистике понимается повторение элемента одного конкретного языка. Билингвистический параллелизм — это передача одного смысла в одном контексте на двух разных языках. Этот прием, используемый в ситуации билингвизма, имеет свои художественные функции.

Параллелизм допускается в составе синтаксических построений высказывания — в слове, в рамках предложения или нескольких предложений, — он создает единое понятие. Так, в рамках сложного предложения, например, когда оно состоит из двух компонентов на разных языках, между ними возможна и союзная связь, и бессоюзная. В первом случае могут быть использованы союзы с соединительной функцией. Во-втором — обязательны графические (пунктуационные) знаки (чаще всего тире).

Двуязычное изложение суть параллелизм, где компонент из первого языка ($Я_1$) прежде всего выполняет функцию детализации, а компонент из второго языка ($Я_2$) имеет художественно-эмоциональную нагрузку. В единстве они образуют своего рода межъязыковые синонимы, синонимические повторы. Следует полагать, что многие примеры плеоназма появились в результате двуязычия — подобного параллельного повторения мысли на разных языках.

Вплетение в текст иноязычных элементов может осуществляться как в тексте, так и вне текста. При этом писатели прибегают к двум основным средствам — языковым и внеязыковым. Ими пользуются и одноязычные, но, в отличие от двуязычных, они обращаются к иноязычным элементам все же в ограниченной мере, и неязыковые средства, то есть графические (знаки препинания, шрифтовое выделение и т. п.), им нужны для других целей. Элементы $Я_2$ в текст внедряются как вводные и вставные конструкции следующим образом:

а) к основному предложению (с помощью союзов, иногда без союзов) присоединяются целые вводные предложения или вводные сочетания слов $Я_2$ в виде парантезы. Они выполняют самые разные функции. При помощи вводных слов $Я_1$ (типа *иначе говоря, другими словами*), вводных слов с союзами (типа *как говорят*) мысли оформляются на двух языках;

б) элемент $Я_2$ может быть использован как вставная конструкция, цель которой — дополнительное уточнение и пояснение.

Парно-параллельное изложение на двух языках может быть применено при описании самых различных областей жизни, оно носит универсальный характер.

Лексико-тематическое разнообразие элементов второго языка — атрибут билингвистического изложения

Разнообразие элементов $Я_2$, введенных в текст по тематическому признаку, вызвано не только культурно-историческими, хозяйственно-бытовыми различиями, особенностями географическо-природной среды проживания описываемого социума, но и языковой ситуацией в регионе.

Анализ языка произведений билингвов показывает разнообразие содержания семантических элементов $Я_2$

в тексте, их распространенность по тематической принадлежности. В таких случаях, говоря словами Ф. П. Филина, «изучение словарного состава по его тематическим группам законно не только по причине методических удобств при изложении разнородного лексического материала. Исследование состояния и развития слов, обозначающих различные группы предметов и явлений природы и общества, важно само по себе, что не требует доказательств»¹.

Представляется целесообразным сгруппировать элементы Я₂ в художественном тексте по предметно-атрибутивному принципу, чтобы определить масштабы долевого участия различных лексико-семантических групп слов в билингвистическом художественном контексте.

Следует оговориться, что эта классификация довольно условна по закреплённости каждой языковой единицы за той или иной группой. Тематическая инвентаризация слов-спутников интересует нас с точки зрения употребительности второго языка в той или иной сфере жизни, отражаемой в художественном произведении.

1. Сюжетное развитие литературных сочинений происходит в художественном времени и пространстве. Они выражают отношение человека к природе и к обществу. При этом двуязычие, охватывая и вневременные, и внепространственные понятия, проявляется, соответственно, в географических названиях, реже — в названиях явлений природы, иногда в наименованиях (измерении) времени (года, суток) и др. Прежде чем говорить о воплощении двуязычия в названиях географическо-природных условий жизни изображаемого народа, можно привести примеры отражения двуязычия в самом понятии «время». Элементы Я₂ снабжаются переводом в тексте и вне текста.

«Эх, заман! Заман! Время, время» (Б. М., 49). «Э, все равно! И в Акырмане будет немцам акырзаман! В сноске: акырзаман — конец света. (Г. Б., 95.)

В произведениях писателей-билингвов нередко парные двуязычные названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью, что является косвенным доказательством местного или индивидуального двуязычия.

¹ Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 231—232.

Двуязычие в топонимах проявляется как двойное название и подается оно различными способами:

1) в тексте:

а) синхронный перевод (через тире или в скобках): «*Борьба развертывалась вокруг Ата коньс (становища предков)*» (Б. М., 134). «*Спустился вниз, на сочные равнины Мынбулака — тысячи родников*» (Б. М., 22). «*Зимовка Калдыбая была в одном километре от аула Майлыбая у Шинг-булака — Овражистого ручья*» (Б. М., 170). «*От разъезда Боранлы — Буранный до родового найманского кладбища Ана-Бейит было по меньшей мере километров тридцать...*» (Ч. А., 9);

б) смысловой перевод (через запятую): «*А по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства Сары-Озеки, Серединные земли желтых степей...*» (Ч. А., 80). «*Он жил ... в ущелье Бор-Казган, что значит известковое ущелье*» (Б. М., 110);

в) комментарий, толкование, иногда вместе с ним и перевод: «*Далее на пути дорога ... проходила через ущелье Масат и по долине реки Аксу, русские называли ее Белой водой из-за белого ила...*» (Б. М., 151). «*Путь в аул к зятю Джантуре лежал через Чокпак — Кремьень. Так называли его из-за множества святых кремневых камней...*» (Б. М., 150—151). «*Поэтому и назывался этот степной разъезд Боранлы — Буранный и надпись висит двойная: Боранлы — по-казахски, Буранный — по-русски...*» (Ч. А., 6);

г) перевод дается не рядом, а в связном тексте: «*Наша колымага спускается в овраг... ночью устраивают дикие оргии в саяе*» (Г. Б., 70);

д) приводятся готовые местные двуязычные топонимы. У Ч. Айтматова: *Волга — Еділ* (Ч. А., 42), *Урал — Жайык* (Ч. А., 83); у Бельгера: *Есіл — Ишим* (в авторском повествовании — *Ишим*, в речи председателя колхоза — *Есіл*) (Г. Б., 103);

2) во внетекстовой части произведения (в сносках): «... в наш аул на джайляу приезжали узбеки...». В сноске: *джайляу — летнее пастбище* (Б. М., 15).

Ч. Айтматов в отношении некоторых топонимов допускает неточности: «*(Жуаньжуаны) двинулись к Эдилю — так называлась тогда Волга*» (Ч. А., 42). Казахи и сейчас Волгу называют *Еділ*. Говоря о яицких землях, он дает пояснение: «*яицких — от слова жайык (раздольная, широкая), так казахи прежде называли реку*

Урал» (Ч. А., 83). Казахи и сегодня *Урал* называют *Жайык*. Такие уточнения нужны, но мы хотели подчеркнуть, что двуязычие заложено в топонимах народного языка, и это отражается в художественной литературе.

II. Художественное произведение немислимо без действующих лиц; которым необходимо лексическое обозначение. Обычно антропонимы имеют номинативную и информационную функции, а в литературе нередко несут еще и оценочную и экспрессивную нагрузку. Так, если писатель собственные имена на Я₁ сопровождает эпитетом из Я₂ или же прозвище дает с переводом, то это можно квалифицировать как оценочный элемент: чаще всего имена, прозвища писатели переводят на Я₁ и используют их переводной вариант, тем самым автоматически выражая свое отношение к ним.

В двуязычных произведениях лица представляются двуязычно, с определенной характеристикой: по семейно-родственному или возрастному признаку (*ана — мать*), по роду занятий (*мугалим — учитель*), по морально-этическим качествам (*ахмак — дурак, тамыр — задушевный друг*), по месту рождения и жительства (*сарозекец*).

Двуязычие в антропонимах, зоонимах и т. п. выражается двояко: а) в виде двух имен (точнее, имени и прозвища) человека или животного на двух языках; б) в виде толкования и перевода имени, прозвищ человека, кличек, названий животных на Я₁.

Имена и прозвища являются средством типизации персонажей, а двойное имя или перевод имен и прозвищ из Я₂, создавая своего рода двуязычное изложение, как нам представляется, усиливают индивидуализацию героев.

Референтом двуязычности произведения (его автора) могут служить, наряду с другими, двуязычные антропонимы его героев, персонажей. Типичный пример — наличие двух имен у главного героя романа Ч. Айтматова: одно — казахское *Едигей*, другое (прозвище) — русское *Буранный*: «— Эй, *Едигей!* *Буранный!* Поди сюда, помоги человеку! — окликнул кондуктор...» (Ч. А., 56), «*Слушай, Едигей, слушай, Буранный, а почему тебе не соорудить такую же будку на Каранаре, как в Индии на слонах?*» (Ч. А., 80), «*Крут он был, горяч — Буранным прозвали еще и за то, что характером был тому под стать*» (Ч. А., 10).

Имя главного героя повести Г. Бельгера — *Кари* — *Гарри*, прозвище его *Сары-бала*: «— *А ты-то, сары-бала, чей будешь? Кари, говоришь...*» (Г. Б., 74). При этом *сары-бала* в текст вводится без перевода.

Пожалуй, самый популярный способ двуязычного изложения — создание идентичных двуязычных антропонимов, зоонимов, которые в тексте и вне текста могут представлять фактическое повторение одного и того же на двух языках.

1. Писатели широко пользуются переводом элементов второго языка (имен, прозвищ, кличек и др.) в разных местах связного текста: «*Каранар не находил себе места... Снились им (верблюдицам.— Б. Х.) малые верблюжата, те, что были, и те, которые собирались народиться от черного атана...*» (Ч. А., 84). *Каранар* и *черный атан*, по писателю, одно и то же. Однако здесь автором допущена неточность: *Каранар* — и не *нар* (т. е. не одnogорбый верблюд) и не *атан* (т. е. не кастрированный верблюд), а *бактриан* (т. е. двугорбый), самец-производитель. В данном случае нас больше интересует не этот факт, а прием двуязычного изложения.

2. В постпозиции за кличкой (прозвищем) дается объяснение в виде обособленного распространенного дополнения: «...*Буранный Каранар не из простых, а началом от самой Акмаи, знаменитой белой верблюдицы, оставшейся в Сарозеках после гибели Найман-Аны*» (Ч. А., 49). *Мая* — верблюдица (точнее, смесь одnogорбой и двугорбой верблюдиц, быстроходная).

3. В препозиции клички дается определение, образуя при этом плеоназм: «*Белая верблюдица Акмая легко и свободно несла свою хозяйку к большому табуну*» (Ч. А., 49).

4. За названием из Я₂ используются разные пунктограммы (запятые, тире, многоточия): «*В нем мой дядя узнал «бузык-Ивана» — «хулигана Ивана»* (Б. М., 181), «*Ценя в нем силу и ловкость, бабушка дала ему второе прозвище — Тарамыс — Жилистый*» (Б. М., 10), «*Этот Шаймурат — настоящий жынды... дурной,— говорит Ойрат*» (Г. Б., 26), «*Однажды она спросила его, какая из себя рыба алтын мекре... Оттого и называется алтын мекре, золотой мекре*» (Ч. А., 77). (Казахи западных областей Казахстана иногда говорят и бекіре — севрюга.— Б. Х.).

Иноязычный элемент может замыкать композицию: «*Не пристало мне, как бродяге-дerviшу, в одиночестве по дворам слоняться*» (Г. Б., 75). Дerviш по-казахски дeруш.

5. Через специальные слова-связки типа *то есть* перевод выделяется запятыми с обеих сторон как обособленное определение или приложение: «*Своими справедливыми решениями аульных вопросов он прославился как Тура Момыш, то есть прямой, справедливый*» (Б. М., 14), «*Им было дано прозвище «куректистер», то есть «зубы-лопаты»*» (Б. М., 56).

6. Имена, прозвища даются в переводе наряду с комментариями и легендами, то есть комбинированно: «*В молодости отец носил прозвища Молда-бала — Грамотный малый и Уста-бала — Мастеровой малый. Бабушка звала его Кара-Катба, то есть Черный сухарь*» (Б. М., 10), «*За высокий рост и тонкую талию она получила прозвище Талшибык — гибкая, как тальниковый прут*» (Б. М., 68), «*Ни длинной фамилии, ни вычурного отчества его никто не запомнил, а потому стали звать пришельца по имени, добавив к нему из уважения к густой бороде, обрамлявшей горбоносое худощавое лицо, почтительное слово «шал». Так и пошло: Симон-шал — Симон-старик*» (Г. Б., 80).

7. Имена, прозвища действующих лиц зачастую передаются не точным, а смысловым переводом: «*Под старость прозвали ее «Сары Кемпир» — «Белой бабушкой». Говорят, в молодости она была на редкость красивой и белокожей*» (Б. М., 7). Сары кемпир в буквальном переводе Рыжая старуха. Переводя как белая бабушка (в свою очередь это переводится как ақ әже), автор решил смягчить откровенную иронию, заложенную в прозвище.

8. Названия профессий и должностей в ткань произведения вводятся без перевода, но перевод улавливается по контексту. Так, Г. Бельгер в авторской ремарке не дает перевода слова мугалим: «*Вдоль школьной ограды строевым шагом идет десятый класс. Впереди — тщедушный учитель в гимнастерке и галифе. — Абиkey-мугалим, — тихо говорит Ойрат*» (Г. Б., 45—46).

Возникновение разноязычных названий именных пар, имен и прозвищ, а также употребление прозвищ с переводом имеют свою (реальную) мотивацию: двуязычные названия, именные пары взяты из реальной языковой жизни описываемого социума.

Социально-этнический состав населения описываемого региона, его языковая ситуация, социальная стратификация изображаемого общества в тексте произведений билингов требуют отражения на «своем» языке. Это осуществляется разными путями. Следует иметь в виду, что для писателя-билингва не самоцель «экзотизировать» или «колорировать» текст произведения этнонимными, антропонимами или топонимами. Тем более, что для этого вполне можно оставаться одноязычным. Другое дело — сознательно или стихийно отобразить, помимо прочего, и языковую ситуацию данного региона, что мы можем наблюдать у полноценных двуязычных литераторов. Так, например, в повести Б. Момыш-улы присутствует казахско-русское двуязычие, и на многих страницах — украинский язык; в романе Ч. Айтматова — казахско-русское двуязычие (скрыто — киргизский язык в виде интерференции автора); в повести Г. Бельгера — казахско-русское двуязычие и немецкий язык.

Социальная стратификация изображаемого общества, титулы, кастовые и классовые термины при именах имеют свое языковое оформление, более или менее гармонично вводимое в текст:

а) элементы $Я_2$, выражающие специфические понятия, содержание которых на $Я_1$ передается сочетанием определяющих слов типа *полуфеодалная знать — биш, волостные управители, баи* (Б. М., 48);

б) элементы $Я_2$ в текст вводятся с соответствующими объяснениями через тире: *«Отец за обедом рассказал, что далеко, «за семью реками», живет Абай, из рода Тобыкты, что он болыс — волостной управитель, что он самый умный из рода Тобыкты...»* (Б. М., 117), *«Тот, кто подвергался такой процедуре, либо умирал, не выдержав пытки, либо лишался на всю жизнь памяти, превращался в Манкурта — раба, не помнящего своего прошлого»* (Ч. А., 42);

в) элементы $Я_2$ в тексте становятся предметом дальнейших характеристик: *«Косши — батраки-пахари, braveшие только зерно, считались ортаками наполовину...»* (Б. М., 40). Элементы вводятся с соответствующими эквивалентами: *«Одно время он был наибом — заместителем председателя волостного союза косши»* (Б. М., 49), *«Появилось сословие косши — сельскохозяйственных по-*

лубатраков-хлеборобов» (Б. М., 40), *«Будь ты сам бием — судьей»* (Б. М., 61);

г) широко используются ссылки вне текста, например: *Жаримбет-ходжа* (*ходжа* — лицо, совершившее па-ломничество в Мекку — Б. М., 170);

д) названия сословий и социальных рангов могут использоваться в метафорическом значении, причем без перевода и пояснений: *«...Ойрат сам себе — как он говорит — и бий, и ходжа»* (Г. Б., 33), *«...мы, его избранники — нукеры»* (Г. Б., 75).

Авторы, описывая жизнедеятельность определенного народа, не могут обойти специфику хозяйственно-экономического уклада, традиционных форм организации и орудий труда, а следовательно, и их названий. Так, например, если взять животноводство, в том числе скотоводство, то круг этих понятий в разных языках представлен разным количеством слов. Если произведение посвящено тому народу, в языке которого наименований животных больше, чем в языке, на котором оно написано, то, как правило, в ткань произведения вводятся из другого языка наименования животных, детализирующие их по разным признакам (пола, возраста, хозяйственного назначения, присущих им болезней и др.). Этим и объясняется обилие казахизмов по животноводству, нежели по земледелию и др.

Введение в текст элементов Я₂ из хозяйственно-экономической сферы осуществляется разными способами:

— путем использования различных графем. Тире: *«Потный конь «торы ат» — гнедой мерин сделался воронным»* (Б. М., 85), *«Тюльке! Тюльке! — Лиса! Лиса!»* *«Действительно, отчетливо выделяясь на снегу, вдали от нас бежала лисица...»* (Б. М., 167). Скобки: *«Время, однако, брало свое, и постепенно возник своеобразный «мандат» — «Ата коньсы жерим» (становище моих предков), ставший основой права собственности на земли»* (Б. М., 133);

— путем перевода пояснительным оборотом (через *то есть*): *«Каранаром, то есть Черным нармом, он прозывался неспроста»* (Ч. А., 11);

— путем объяснения и описания с переводом: *«Земельная реформа», или как ее называли казахи, «жер белу» (раздел земли) — продолжалась в течение всей первой половины мая 1921 года»* (Б. М., 134). Элемент

Я₂ объясняется переводом на Я₁: «*Казанган называл его аргамакон — скакуном чистых кровей*» (Ч. А., 98);

— приведением элемента Я₂ (слова, предложения) в тексте самостоятельно, расположив перевод рядом, в связном тексте: «*Скотина! Хайван... ругает своего Каранара Едигей*» (Ч. А., 81), «*Дед бросил работу, подошел ко мне и вложил в руку тоненький прутик. — «На тебе курык — баранов и коней будешь гонять...»*» (Б. М., 9);

— приведением в тексте элементов Я₂ с их определением Я₁, в результате чего получается повторение одного и того же на двух языках: «*...трусила рысцей белая верблюдица Акмая по логам и равнинам великой сарозекской степи...*» (Ч. А., 46), «*И был еще у него конь... золотисто-игрневый ахалтекинец Сарала...*» (Ч. А., 89).

Двуязычие, если оно широко распространено в реальной жизни того или иного народа, охватывает и быт. Мы ограничимся здесь лишь одной сферой внепроизводственной социальной жизни — семьей (остальные будут рассмотрены в других тематических группах).

Разумеется, художественное описание национальных особенностей семейной жизни, семейно-брачных, родственных и дружественных отношений, внутрисемейных отношений и отношений семьи с другими социальными институтами в многонациональном обществе (с использованием соответствующих терминов и названий) под силу скорее всего двуязычному писателю.

Различные названия специфических понятий, локальных различий бытовой культуры народа на двух языках вводятся также по-разному:

а) синхронным переводом их в тексте посредством графем, например, через тире: «*...поедет к своим торкунам — родственникам по девичеству...*» (Ч. А., 46); «*...что это с моим другом — тамыром?*» (Г. Б., 40);

б) объяснением в тексте посредством связки типа *то есть*: «*Отец обязан вырастить детей и дать им хорошее воспитание, женить сына, выдать замуж дочерей, и поровну разделить между ними енши, то есть долю из своего состояния...*» (Б. М., 15—16). Иногда элемент Я₂ сам становится объектом сообщения: «*Магрипа, которую я теперь тоже зову «апа»*» (Г. Б., 33);

в) переводом в сноске. Переведены следующие термины родства: *апа, акпе, женеше, ата, кайнага, абисын* (Б. М., 11, 32, 91, 95), *кокетай, агай* (Ч. А., 14, 38);

г) путем использования комбинированных приемов

(объяснений, комментариев, ссылочных пояснений): «*Отау, где впервые должны были встретиться жених и невеста, была обставлена торжественно*» (Б. М., 68). В сноске: «*Отау — юрта молодых или жилище отделяющейся от родителей новой семьи*».

В художественных произведениях билингвов наблюдается обилие терминов родства, родственных отношений, что связано с их развитостью в Я₂. Они чаще используются как форма обращения, привлечения внимания, в диалогах. При этом они встречаются вместе с собственными именами, например: *Раймалы-ага* (Ч. А., 92), *Мукан-ага* (Г. Б., 58) и др.

Описание материальной культуры народа, особенно ее региональных различий, на языке другого народа неизбежно влечет за собой ввод в текст произведения иноязычных лексем.

1. В текст произведения внедряются названия поселений и жилища (с соответствующим убранством, домашней утварью) — самых долговечных элементов материальной культуры:

а) названия поселений или жилищ, мебели, посуды и др. утвари в текст вводятся рядом с переводом, путем использования пунктограмм: «*Рядом с «ордой» стоит уй — дом...*» (Г. Б., 93), «*Убранство, как у всех в ауле: большой сундук с горкой цветастых корпе — стеганых одеял и подушек*» (Г. Б., 63);

б) элементы Я₂ в текст часто вводятся с внетекстовым объяснением (переводом): «*В шошале по-вечернему сумрачно*» (Г. Б., 65). В сноске: «*Шошала — летнее помещение, сплетенное из тала в форме юрты*».

2. Названия традиционных видов одежды (включая обувь, головные уборы и пр., их детали и украшения), являющихся одним из устойчивых элементов национальной материальной культуры, также встречаются нередко:

а) элементы Я₂ в текст вводятся с предшествующим или последующим переводом, путем использования пунктограмм, чаще всего тире: «*Женщины в ослепительных кимешках и жаулыках, расшитых кораллами — маржанами*» (Б. М., 74);

б) элементы Я₂ вводятся в текст с переводом или объяснением в сноске: «*Я помню ее... в белоснежном кимешке и в необычайно красиво повязанном кундик-жаулыке*» (кимешек, кундик-жаулык — женские головные уборы) (Б. М., 57).

Подобными приемами вводятся в текст и другие лексемы, обозначающие различные традиционные виды украшений, головных уборов, обуви и предметы домашнего быта.

3. В текстах произведений есть и названия различных пищевых продуктов и блюд, атрибутов национальной кухни. Введение в текст наименований различных продуктов питания, напитков, технологии приготовления, подачи и приема пищи, сервировки стола, других гастрономических понятий и терминов, известных лишь на определенной территории, осуществляется разными путями:

а) элементы Я₂ вводятся в текст с переводом, путем использования пунктограмм (тире, запятые), например: *вяленый оркоч — горбье сало* (Ч. А., 83), *баурсак — поджаренный в бараньем сале пончик* (Г. Б., 59), *сорпа — бульон* (Г. Б., 73), *таба нан — лепешка* (Г. Б., 44) и т. п.;

б) элементы Я₂ вводятся в авторское повествование путем объяснения в скобках их содержания: *«Откуда ни возьмись на голову посыпались баурсаки и урюк, их на лету хватал каждый и тут же отправлял себе в рот, говоря: «Тояныш» (с торжественного стола)»* (Б. М., 88), *«Дядя ушел, бабушка уложила меня спать, а сама начала смешивать сахар с мукой для «женти», как говорила она (по-видимому, это что-то вроде самодельной примитивной халвы)»* (Б. М., 43);

в) элементы Я₂ вводятся в текст с помощью слов типа называется: *«Запас мяса на всю зиму и весну и называли согумом»* (Б. М., 59), *«А что это? — Торта. — Торта? Такого кушанья я никогда не ел, не видал и даже не представляю, как оно называется по-русски или по-немецки... Оказывается, тортой здесь называют осадок топленого масла, вытоп»* (Г. Б., 73);

г) ввод в текст элементов Я₂ производится с помощью сочетания *то есть*: *«Середняки и бедняки ограничивались ботхы, то есть кашей...»* (Б. М., 17);

д) перевод дается в составе соседнего высказывания: *«Мама Кабдеша разгребает длинными щипцами уголья в печке, вытаскивает из-под золы истыканную ножом, подгорелую по краям лепешку.*

— *Нан! Нан!* — галдят малыши.

На круглое выровненное место в печке мама Кабдеша закладывает только что раскатанную лепешку...

— *Айран! Айран!* — ликует горластая орава. *Квашеное молоко пузырится, острый дух бьет в ноздри...*» (Г. Б., 28);

е) элементы Я₂ вводятся без перевода или с объяснением смысла, или с переводом вне текста (в сноске).

Иногда в текст вводятся понятия, а в сноске дается их эквивалент: «— *Прошу вас отведать с Садыком соль и вкус у моего очага,*— обратился отец к окружающим» (Б. М., 124). В сноске: *соль и вкус* — эквивалентно русскому *хлеб-соль*.

Этническая самобытность полнее прослеживается в сфере духовной культуры. Национальные особенности, свойственные культуре и искусству, в произведениях двуязычных писателей описываются с соответствующими им названиями.

1. Зрелищные виды искусства — различные праздники, увеселения, развлечения и игры как культурно-бытовые, социально-художественные явления духовной жизни должны получить соответствующее отражение. Это непременно влечет за собой ввод в текст терминов и специальных слов, без которых, конечно, изложение будет неконкретным, в определенной степени, абстрактным. Например, есть порегиональная лексема *барымта*, означающая одноименный обычай (см. Б. М., 66), но вместо нее писать «насильственный угон скота» или, как в научной литературе, «угон скота другого аула, рода в отмщение за обиду» — не всегда адекватно. Главное — такие слова зачастую не имеют эквивалентов в русском языке, поэтому перевод их основного значения не имеет прямого отношения к их «специализированному» значению. Поэтому двуязычные писатели добиваются конкретизации разными путями:

а) обычно переводятся названия, связанные с играми (в том числе национально-спортивными) и с другими увеселениями, развлечениями. В текст вводится элемент Я₂ и его перевод непосредственно через пунктограммы (чаще через тире): «*О предстоящем же глашатаи — жирши в стихотворной форме объявляли на базаре*» (Б. М., 16);

б) элементы Я₂ вводятся в текст с объяснением или описанием в скобках. Например, Б. Момыш-улы, говоря об обычаях, распространенных среди описываемых народов, вводит в текст названия предметов, носимых на теле, подобно амулету или талисману: «*Под подбо-*

родками у них висели тумарша (серебряные треугольники, вышитые узорами)» (Б. М., 74);

в) элементы Я₂ вводятся путем толкования вне текста — в сносках: «И род шегиров приехал бы сюда требовать кун за убитого» (Б. М., 56). В сноске: «кун — плата, штраф за увечье, за убийство»;

г) элементы Я₂ вводятся в текст путем комбинирования нескольких приемов. Например, прием подстрочного и внетекстового пояснения: «Был устроен той» (Б. М., 8). В сноске: «той — праздничный пир». Г. Бельгер слово той вводит в текст без перевода и пояснений: «...но это лишь начало тоя...» (Г. Б., 73), «Я не помню ни одного года, чтобы он с кокпара возвращался невредимым» (Б. М., 30). В сноске: «кокпар — национальная конно-спортивная игра»;

д) элемент Я₂ представляется в переводе рядом, через запятые в связном тексте: «И, обращаясь к людям, сказал Раймалы-ага, что счастлив тем, что дожил до благословенных дней, когда судьба ему в награду послала равного акына, певицу молодую Бегимай (Ч. А. 92), «— А, Мурза! Той кутты болсын! Праздник пусть будет счастливым!» (Б. М., 70);

е) элементы Я₂ вводятся в текст с комбинированием нескольких приемов (с использованием пунктограмм, специальных слов типа то есть и т. д.): «В ауле свои события. Это ураза — пост правоверных, сундет — обряд обрезания, ас — поминки. По каждому случаю проводится непрменная трапеза, как говорится, «окровавливается нож», то есть попросту режут какую-нибудь скотину, ну хотя бы паршивого козленка» (Г. Б., 43).

2. Названия религиозно-бытовых обрядов, служителей культа, культовых зданий и предметов, ритуалов, символов и атрибутов также необходимы в художественной литературе. Необходимая, например, погребально-поминальная обрядность, проявляющая наибольшую устойчивость, двуязычными писателями передается по-разному:

а) элементы Я₂ внедряются в текст с переводом через тире: «Откуда ни возьмись, появился мулла и закричал азан — призыв к молитве» (Б. М., 41);

б) элементы Я₂ вводятся в текст путем перевода их содержания в скобках: «Конил айту» (говорить успокоительные слова) распространяется на всех знакомых и близких покойника» (Б. М., 107);

в) некоторые элементы Я₂ не снабжаются переводами или комментариями, автор берет их в кавычки: «*Многие семьи тут же возвращали «бата оқырлык», прибавляя от себя «жыртыс», который раздавался сопровождающим»* (Б. М., 108);

г) внедрение некоторых элементов Я₂ осуществляется комбинированием нескольких приемов: «*Они привозили в коржуне зарезанного барана, баурсаки, чай, сахар и «бата оқырлык» для чтения молитвы (скот или деньги)*» (Б. М., 108).

Одна из разновидностей синхронно-параллельного билингвистического изложения — внедрение в текст аналогов на двух языках, замена реалии одного языка реалией другого, что не характерно для перевода. Аналогами могут быть имена реальных личностей: «— *Амангельды-батыр, — поясняет Кабдеш. О таком герое я не слышал, и Кабдеш добавляет: Казахский Чапай!*» (Г. Б., 27). Имеется в виду В. И. Чапаев, казахи его называли Чапай.

Одна национальная реалия может быть сопоставлена с другой: «*...меня надо отдать в школу к русскому мулле*» (Б. М., 184).

Менее известное из Я₂ истолковывается через более известное из него же. Так *шубат* объясняется через *кумыс*: «*Сидели они вначале, пили шубат — кумыс из верблюжьего молока*» (Ч. А., 13).

Таким образом, систематическое параллельное билингвистическое изложение — характерная черта творчества двуязычных писателей. Если одноязычные писатели приводят аналоги в основном в пределах одного языка, то двуязычные — по двум и более языкам, и это придает их произведениям особый художественный эффект. При синхронно-параллельном билингвистическом изложении между идентичными словами из разных языков могут оказаться и другие слова, связки, слова-переходы (см. Г. Б., 78).

БИЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИЦИТНАЯ СИНТАГМАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА

Систематическое внедрение в текст художественного произведения структурных элементов двух языков доступно лишь билингам. Включенные в текст для более детального раскрытия идейно-тематического со-

держания элементы Я₂ «акклиматизируются» в новой для них языковой среде и могут принадлежать различным уровням: лексике, звуковому строю, морфологии, синтаксису и словообразованию. Гибридное словоупотребление, охватывающее различные уровни двух языков, свидетельствует о функционировании билингвизма в пределах одного произведения. Как показывают материалы анализируемых произведений, каждый ярус Я₂ в текст проникает в разном объеме.

Эксплицитное отражение двуязычия в алфавитной системе, в звуковом и грамматическом строе и в области словообразования

1. Регулярное включение в текст произведения иноязычных слов, предложений, сверхфразовых единств осуществляется тремя способами:

1) **трансформационным**, т. е. в том виде, как они представлены в языке-источнике;

2) **транслитерационным**, т. е. путем побуквенной передачи, на основе графической системы языка произведения (Я₁);

3) **транскрипционным**, т. е. путем передачи с помощью специальной системы записи.

В нашей стране в сфере художественной литературы нашел широкое применение транслитерационный метод. Все три вида передачи иноязычных элементов представляют собой своеобразное отражение билингвизма.

Пословная, поморфемная передача элементов Я₂ буквами Я₁ и их объяснение, перевод делает «чужое» своим. Это — первое; второе: перенесение особенностей одного языка (Я₂) в другой (Я₁) путем транслитерации и перевода влечет за собой проникновение в текст единиц различных уровней.

Как при беседе двух билингвов не бывает, чтобы один все время говорил, а другой без реакции слушал, так и в наших книгах: попеременно идет текст то на русском, то на казахском языке, при этом писатели-билингвы пользуются разными приемами построения текста.

1) Иноязычные слова и выражения снабжаются внетекстовым переводом (сноской).

«А она, невезучая, бейбак, не послушалась аульных старушек» (Ч. А., 22). В сноске: «бейбак — несчастливи-

ца». Автор перевел так, а можно было бы иначе — *горемычная* и мн. др.

Другой пример: «*Сагындым папикамды! Сагындым, сагындым!* — кричал Эрмек, умоляя его всем своим видом, доверием, надеждой, горем». При этом Ч. Айтматов обращается к транслитерации: «*Сагындым — истосковался, измучился в тоске*» (Ч. А., 68) и т. п. При транслитерации сноски выполняет дополнительную функцию.

2) Билингвы иногда могут включать в текст не только отдельные слова, но и **целые строки** из текстов стихотворений, отрывки из прозаических произведений на Я₂, **используя средства двух алфавитов**. Так, например, Г. Бельгер приводит отрывки из казахской песни «Дегенде Балкадиша, Балкадиша» в оригинале (Г. Б., 102), но здесь необходим перевод.

В заключение следует отметить, что писатели-билингвы, выбирая каждое слово, предложение или стихотворение из обоих языков, берут самое эмоциональное, образное, т. е. самое весомое, эстетически и экспрессивно значимое. При этом, если они берут казахский элемент, то дают в подстрочных сносках надлежащий комментарий или перевод. В выборе того или иного элемента решающее значение имеет степень национальной специфичности описываемого объекта.

II. В двуязычных произведениях происходит своеобразное контактирование языков на уровне **звукового строя**. В таких случаях фонетический строй Я₂ в текст вводится как бы через призму фонетической системы Я₁. Контакт происходит и в другой форме: например, сходство и расхождение двух систем становятся объектом сравнительного изложения.

Разумеется, между контактирующими разносистемными языками бывают эквивалентные фонемы, которые полностью совпадают по звучанию, графически оформляются одинаково (типа *айран*). В контактирующих разносистемных языках встречаются и неэквивалентные фонемы.

Неэквивалентные фонемы Я₂ переносятся максимально приближенно к оригинальной фонетической форме, при этом замещаются наиболее близкими по артикуляционно-акустической природе. Во внимание берется прежде всего практически принятое, традиционно распространенное замещение.

В передаче эквивалентных фонем сложностей мало. Трудность заключается в передаче неэквивалентных фонем, пример: Ғ, қ, ң, ө, ү, ұ, ы, і. Передача этих специфических казахских звуков русскими буквами в художественной литературе осуществляется четырьмя приемами.

1) Писатели рассказывают (в авторской ремарке) о специфических особенностях второго языка. Например, Г. Бельгер в повести «Перед далью» описывает, какие трудности представляет казахский язык для немецкого ребенка: «А вот на уроке казахского случаются казусы. Меня возмущает обилие гласных, я их зачастую путаю, и потому многие слова, значение которых я давно усвоил, звучат в моем произношении почти одинаково. Рабига терпеливо учит меня правильному выговору, крутит мой жесткий немецкий язык, приспособлявая его к восточному благозвучию и гортанности...» (Г. Б., 91).

2) Писатели не в авторской ремарке, а в диалогах персонажей описывают звуковой строй того или иного языка. Приведем один отрывок из повести «Перед далью»:

«А сейчас я учусь считать до десяти.

— **Бір,** — начинает Ойрат.

— **Бир,** — повторяю я.

— *Не бир, а бір,* — поправляет Ойрат.

— **Бур,** — соглашаюсь я.

— *Не бур и не бир, а бір, бір, бір,* — начинает выходить из себя Ойрат.

— **Бр, бр, бр,** — повышаю я тоже голос.

— *А-а...* — кривится Ойрат. — *Ладно. Екі.*

— **Еки.**

— **Екі.**

— **Еке.**

— *Тьфу, дурной твой язык!* — возмущается Ойрат. — **Екі.**

— **Экю!** — Дергаюсь я от старания.

— *Э, ладно!* — безнадежно машет рукой Ойрат и показывает три пальца — **Үш!**

— **Уш, уч.**

— *Ха-ха-ха... «Уч!»* Ладно. **Төрт!**

— **Торт! Турт. Тюрт.**

Нет, ни «о», ни «у», ни «ю» не соответствуют казахскому «ө» с перекладиной.

— *Ладно.* — Ойрат растопыривает перед моим лицом пятерню. — **Бес!**

Вот «бес» у меня получается как надо. И «он» — *десять* — я произношу правильно» (Г. Б., 34—35).

3) Самое распространенное в письменной практике — передача звуков Я₂ звуками Я₁. Так, в произведениях Б. Момыш-улы и Ч. Айтматова казахские слова переданы посредством русских букв. Специфические казахские буквы обычно замещаются в упомянутых произведениях русскими «соответствиями».

4) Иноязычные элементы в текст произведения вводятся иногда в таком же виде, как пишутся на языке-источнике. Например, казахские (и немецкие) слова в русскоязычной повести Г. Бельгера введены казахскими буквами.

Бывает даже, что одно слово одним писателем пишется по-разному. Так, Б. Момыш-улы казахское слово *қуп* (*слушаюсь*) в одном месте пишет как *хон* (Б. М., 173), в другом — *хуп* (Б. М., 46). Казахское слово *атанша* Ч. Айтматовым написано то как *атанша* (Ч. А., 57), то как *атанча* (Ч. А., 82).

Таким образом, в передаче казахских звуков наблюдается разнობой не только в разных произведениях, но и в одном.

Строй того или иного языка в художественной литературе может быть передан в разных вариантах, например, казахское имя собственное *Доненбай* Ч. Айтматов пишет *Доненбай* (Ч. А., 109), а Б. Момыш-улы — *Дуненбай* (Б. М., 173). Вариантность оправдывается, если она отражает речь представителей разных национальностей. Так, например, казахское слово носителем родственного языка произносится иначе, чем представителем неродственного языка.

В целом вариантность в написании элементов казахского языка отражает все же невысокий уровень двуязычия и культуры. Упорядочение написания казахских слов в русскоязычных текстах — одна из неотложных задач. Это необходимо и для их правильного употребления, и для освоения.

Интересно провести членение иноязычных и неиноязычных слов на составляющие их морфемы. При этом обнаруживаются некоторые неточности. Так, Ч. Айтматов одно слово *атан* использует с двумя вариантами одного аффикса: «*Один молодой атанча наш уже издох, ребра у него оказались переломаны*» (Ч. А., 82). «*Как атанша созрел два года назад*» (Ч. А., 57). Подобная

вариантность в использовании аффиксов нежелательна для культуры письменной речи.

III. Двухязычие в сфере художественной литературы охватывает не только единицы звукового уровня, которыми материально оформляются значимые единицы языка, но и сложную языковую организацию — **грамматический строй второго языка**. При этом, видимо, надо уточнить одно важное положение о том, что двухязычие проявляется на уровне грамматического строя, как считают многие, через лексику и автономно. В этой связи близки к истине, на наш взгляд, В. А. Иванова и Н. А. Купина, которые пишут: «Национальный характер текста произведения, написанного на русском языке, создается не только в результате употребления национальной лексики, но, главным образом, благодаря его освоению в русском тексте в процессе его функционирования и взаимодействия с русской лексикой. Взаимодействие русской и казахской лексики проявляется на всех языковых уровнях — лексическом, словообразовательном, грамматическом и стилистическом»¹.

В дополнение к этому следует отметить, что внутривидовые элементы Я₂, включенные в ткань произведения, способствуют также организации идейно-образного содержания произведения, и, конечно же, пониманию общего смысла художественного целого. Систематическое проникновение элементов Я₂ может служить симптомом двухязычия писателя. Единицы Я₂, включенные непосредственно в текст произведения различными способами, изменяются по правилам Я₁. Например, в двухязычных текстах упомянутых произведений казахские элементы приобретают грамматические формы русского языка и сочетаются с русскими элементами по законам русского языка. В некоторых случаях обнаруживается влияние казахского языка на русский: *«Долго они плакали во дворе, у дверей осиротевшей мазанки казангановской»* (Ч. А., 10), *«Ей она еще вчера сказала, что поедет к своим торкунам — родственникам по девичеству — погостить...»* (Ч. А., 46).

¹ Иванова В. А., Купина Н. А. Функционирование национальной лексики в романе Ч. Айтматова «Буранный полустанок» // Русский язык — язык великого братства народов. Тезисы докладов и сообщений Республиканской научно-практической конференции. Ашхабад, 1984. С. 43.

В первом примере казахское притяжательное прилагательное *Қазанғаптың* включено в русскоязычный текст также в форме прилагательного. Во втором — казахское слово *төркін* употреблено во множественном числе, но, как видим, оно получило форму множественного числа не казахского, а русского языка. (О контекстуальных инновациях, появившихся под влиянием казахского языка, расскажем в той части работы, где пойдет речь о словообразовании.)

Чрезвычайно важный интерес представляет в составе словосочетаний грамматическая связь казахских слов с русскими. Необходимо определить, **во-первых**, грамматическую форму казахского слова, **во-вторых**, зависимое слово, казахское или русское, его форму. Возьмем один из видов подчинительной связи — **согласование**, и рассмотрим его на примере связи одного слова *ас*, в его значении *поминки*: «...отец устроил **большой ас с призами...**» (Б. М., 15). Здесь главное слово — *ас* и его окончание определяет окончание зависимого слова — *большой*: *ас большой* (м. р., ед. ч., им. п.). Наблюдается и другое: «*Дети должны... устраивать асы-поминки*» (Б. М., 15). Здесь главное слово — *поминки*, и его окончание требует согласования с ним казахского слова *ас*: *поминки-асы* (м. ч., им. п.). У Ч. Айтматова слово *ас* согласуется со словом *поминки*: «*Долги, сорокадневные и годовые аши-поминки по погибшим...*» (Ч. А., 45). Однако у Г. Бельгера оно не выступает в роли зависимого слова: «*В ауле свои события. Это ураза — пост правоверных, сундет — обряд обрезания, ас-поминки*» (Г. Б., 73). Как видим из примеров, в двуязычных словосочетаниях в роли главного слова может выступить как русское слово, и его окончание требует согласования с ним казахского слова, так и казахское, которое также требует, чтобы русское слово было поставлено в одной с ним грамматической форме. На наш взгляд, это является фактом двуязычия на уровне грамматики.

Контактирование языков происходит и на уровне синтаксиса. Синтаксис двуязычных текстов от синтаксиса обычного (одноязычного) текста отличается билингвистичностью его природы. Начнем с исходной, элементарной единицы синтаксиса — со слова $Я_2$, с его участия в построении словосочетаний и предложений в тексте. Интерес представляют элементы $Я_2$, образуя-

щие в тексте синтаксические конструкции на основе грамматической связи с элементами Я₁.

В двуязычном тексте представлены основные виды подчинительной связи со словом Я₂ в предложении. Рассмотрим это на примере слова *кокпар*. **Согласование:** *кокпар продолжается* (Б. М., 85), *кокпар закончен* (Б. М., 86), *кокпар был многолюдным* (Б. М., 123). **Управление:** *давай кокпар* (Б. М., 81), *с кокпара возвращаться* (Б. М., 30), *увлечен кокпаром* (Б. М., 124), *кокпар конной толпы* (Б. М., 124), *прибывшие на кокпар* (Б. М., 86), *кокпар праздника* (Б. М., 123), *душа кокпара* (Б. М., 123), *атаман кокпара* (Б. М., 30). Форма подчинительной связи в казахском языке — **матасу** (взаимоподчинение, отсутствующее в русском языке): *май кокпары — кокпар майского праздника* (Б. М., 123). Следует отметить, что наличие в русскоязычном тексте форм специфически казахской подчинительной связи — **матасу** — может быть тонким признаком взаимодействия языков на уровне синтаксиса словосочетания. Именно синтаксис, занимающий в иерархии языковых подсистем вершинное положение, его единицы, в первую очередь предложение, (на ступени высказывания) наиболее прямо и непосредственно участвуют «в выполнении основной социальной функции языка быть средством общения, средством формирования и выражения мысли»¹.

Двуязычие на уровне синтаксиса проявляется в двух формах:

1) в чистой форме, т. е. в текст вводятся словосочетания, предложения, сверхфразовые единицы Я₂ с последующим переводом их во внетекстовой части произведения.

Приведем примеры из произведения «Буранный полустанок»: *«И тогда она начала свой плач, который и поныне вспоминают знающие люди:*

Мен ботасы олген боз мая,

Тулыбын келип искеген...

И тогда вырвались из души ее причитания, долгие безутешные вопли среди безмолвных бескрайних сарозеков...

Но ничто не трогало сына ее, манкурта» (Ч. А., 47). В сноске дается объяснение: *«Я сивая верблюдица, при-*

¹ Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 290.

шедшая вдохнуть запах шкуры верблюжонка, набитого соломой».

Иногда бывает так, что в связном тексте приведены несколько казахских предложений: *«Саган жол да жетпейди, саган жер да жетпейди! Урдым сендейдин аузын!»* В сноске: *«Тебе и дороги не хватает, тебе и земли не хватает. Плевал я на тебя!»* (Ч. А., 103).

2) В текст могут быть введены элементы Я₂ в составе минимальной распространенной и комбинированной синтаксической конструкции. Казахское предложение и словосочетание может оказаться употребленным даже в рамках одного диалога: *«— А ты-то, сары бала, чей будешь? А-а... сын першыла, говоришь. Кари, говоришь... Э, жаксы, жаксы. Бери, дорогой, ешь, ешь, мой хороший»* (Г. Б., 74). В данном диалоге приведено обращение *сары бала (рыжий мальчик)* и неполное предложение *«Э, жаксы, жаксы»*.

Синтаксические конструкции, построения, образованные только из элементов Я₂, или комбинированные (на материале двух языков) в тексте выполняют функции сообщения, иногда и номинации.

В двуязычном тексте в подстрочном пояснении, в целях детального уточнения и разносторонней характеристики объекта, используется и приложение. Часты определительные и уточняющие приложения. *«Сырнайчи-киргизы целыми днями не слезали, объезжая юрты, играя кюи в честь почетного и главного в той юрте...»* (Б. М., 17). Встречаются приложения, присоединяющиеся к определенному слову с помощью союза *то есть*: *«Середняки и бедняки ограничивались боты, то есть кашей для небольшого круга людей своего аула»* (Б. М., 17).

В двуязычном тексте часто встречается и такая синтаксическая конструкция: один из компонентов простого или сложного предложения на Я₂ в построчном пояснении сопровождается вставной конструкцией на Я₁, которая увеличивает содержательно-информационный объем предложения. *«Как объяснил Казанган, они срезали наискосок километров десять, так как железная дорога делала здесь большую дугу, обходя дно великого такыра — иссохшего, существовавшего некогда соленого озера»* (Ч. А., 25). Как видим, вставная конструкция выполняет функцию уточнения, пояснения. *«Двинулись к Эдилю — так называлась тогда Волга — и канули в*

призидильской стороне в неизвестность» (Ч. А., 42). Здесь приведена дополнительная информация о прежнем названии Волги. (Между прочим, автором допущена неточность: казахи и нынче Волгу называют Еділ.)

Две синтаксические конструкции, выраженные на разных языках, с точки зрения семантики структуры составляют в совокупности своего рода двуязычное предложение тождества. Например: «— *А мурза! Той кутты болсын! Праздник пусть будет счастливым!*» (Б. М., 80).

Предложение, или его компонент, выраженные на Я₂ (или в переводе), разъясняются в большинстве случаев при помощи пояснительных слов, союзов (чаще всего — союза *то есть*) и знака тире. «*Тиняли, мой крестный отец, считался после Аккулы вторым наездником, поэтому его и называли почтительно — шабандоз Тиняли, а красивые усы принесли ему другую кличку — жезмурт, что значит — джигит с усами, сверкающими, как начищенная медь*» (Б. М., 81).

Пояснение в двуязычном тексте выполняет функцию конкретизации факта, выраженного на Я₂.

В двуязычных текстах пояснение выражается в виде **парентез** — вводных единиц (слов, словосочетаний, предложений), которые, занимая независимую позицию, одновременно сигнализируют об иноязычности предыдущего слова или синтаксической конструкции. Например: «*Супругам, не произведшим на свет сына, даже приписывалось прозвище Кубас, то есть Сухая голова, считаются они тукымсызами, что значит — люди без потомства*» (Б. М., 9).

В словотворчестве билингвов-писателей можно обнаружить окказионализмы, новообразования, построенные из единиц разных языков. Так, в прозе Ч. Айтматова ученые заметили синтаксические окказионализмы, «например, такие, которые основаны на сужении (расширении) допустимой сочетаемости единиц: «*Нет, пусть полюбуются молодые... пусть поймут: похороны достойно прожившего человека не обуза, не помеха, а великое, пусть и горестное событие, к тому должны быть свои подобающие почести*» (ср. *подобающие ему почести*). Некоторые окказионализмы создаются с опорой на грамматические признаки, например, изменен обязательный для такого рода согласования вид глагола: «*...он не посмел, передумал кинуть в нее (лисицу) камнем...*»; или заменен лексико-грамматический разряд

прилагательного: *угольный грузчик* (ср. *угольный цвет, угольная пыль*) — т. е. *грузчик угля*; *стрелочная будка* — т. е. *будка стрелочника* или *будка на стрелке*. Иногда нарушаются нормы лексической сочетаемости: *годы первоначальные* (ср. *первые годы, начальный период*), *одноразовое дело* (ср. *одноразовое действие*)¹.

Встречаются авторские выражения, созданные из элементов двух языков. Например, сочетания со словом *тамам*. «*Чтобы жить на сарозекских разъездах, надо дух иметь, а иначе сгинешь... Три года, от силы четыре продержишься — и делу тамам...*» (Ч. А., 6). *Тамам*: 1) все, целиком, полностью; 2) конец — кончилось, завершилось. Автор здесь умышленно употребляет сочетание *делу тамам*, хотя мог написать *конец*, как пишет в другом месте: «*Прострелю ему ненавистную башку при свидетелях, и делу конец*»; встречается и *разговору конец* (Ч. А., 107, 108). Мы считаем, что окказионализм *делу тамам* создан по образцу казахского выражения *тамам болды* в том же значении.

Систематическое внедрение в текст синтаксических единиц Я₂ дает возможность отразить в нем не только синтаксический строй Я₂, но и особенности других уровней.

В тексте художественного произведения билингов гибридное словоупотребление отражено на уровне **морфологии**. В формообразовании иноязычные элементы могут представлять неразложимую морфему (типа *кокетай*), или разложимую на корень и основу и взятую из разных языков (типа *кесушка*).

В определенном контексте возможность членения на морфемы элементов второго языка выступает со всей очевидностью: «*Мой коке! Кокешим! — вопит, ликуя, Ойрат*» (Г. Б., 48), «*Ана! апатай! Ой, больно*» (Б. М., 54). Слова Я₂ в тексте, обладая грамматическими признаками другого языка, образуют определенную систему. В двуязычных произведениях слова Я₂ в принципе могут приобретать признаки **всех частей речи**: абсолютное большинство составляют **имена существительные**, затем следуют **имена прилагательные, числительные, междометия, глаголы и наречия**.

¹ Преображенский С. Б. Литературная норма и стиль писателя / О романе Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» // Русская речь. 1984. № 1. С. 41.

В двуязычных произведениях к казахским словам присоединяются русские аффиксы с различными значениями. Например: «*Чернокудрый Эрмечик растет...*» (Ч. А., 7). Аффикс *-чик*, присоединяясь к казахскому *Эрмек*, придает ему уменьшительно-ласкательное значение. Или же: «*В законченном казанчике слабо булькает*» (Г. Б., 65). Тот же аффикс, присоединяясь к казахскому слову *казан*, добавил к основному уменьшительное значение. Данный аффикс соответствует казахскому аффиксу *-шық*: *маленький город — қалашық*.

«*Он еще до войны, молодым парнем, год учительствовал в аульной школе...*» (Ч. А., 37). С помощью аффикса *-ной* в русском тексте от казахского имени существительного образовано русское имя прилагательное. Причем в сочетании *ауыл мектебі* слово *ауыл* на казахском языке не оформляется аффиксом прилагательного, поэтому воспринимается как существительное.

«*Коренные сарозекцы... и в те времена не покинули свой край*» (Ч. А., 42), «*И вот все усеновцы, кроме нязовцев, поднялись на сопку...*» (Б. М., 60). Аффиксы *-цы* (*-овцы*), присоединяясь к казахскому слову (названию рода), придают ему значение множественности. То же наблюдаем, когда аффикс *-и* присоединяется к названию рода (*баракбай*): «*Да все свои, все баракбаи*» (Ч. А., 92), «*...на весь род баракбаев позор навлекает*» (Ч. А., 92).

От существительных (из элементов Я₂), обозначающих одушевленные предметы, при помощи суффиксов *-ин*, (*-ын*), *-ов* (*-ев*), *-ий* (*-ья*) образуются притяжательные прилагательные: *Едигеев полушубок, каранарово стадо, Абуталиповы ребята, тесть самого баскармы* и т. д.

Слова, включаясь в иноязычный контекст, в основном сохраняют свое лексико-грамматическое значение и не переходят в другой разряд. Так, например, имена существительные *той*, *найман* (название рода), *асык*, *канжар* в иноязычном для них контексте сохраняют свое исконное грамматическое значение: *на тоях, кочевье найманов, настоящий канжар* и т. д.

Однако следует отметить, что слова Я₂ в иноязычном тексте не всегда сохраняют свою принадлежность к части речи и числу языка-источника. Например: «*...боранлинские дети играли вокруг ели...*» (Ч. А., 58). В переводе на казахский язык: *боранлы балалары шырыша*

айнала ойнады». Как видим, имя существительное *боранлы* в языке произведения перешло в разряд имен прилагательных, причем во множественном числе. Такие примеры встречаются нередко:

кумыс — *кумысный*: «...косяки *кумысных* кобылиц» (Б. М., 17);

бий — *бийский*: «По *бийским* обычаям, иногда *уговаривали*...» (Б. М., 58);

кокпар — *кокпаровская*: «началась *кокпаровская* *кутерьма*» (Б. М., 83);

Казангап — *казангаповский*: «...облезлый *казангаповский* *малахай*...» (Ч. А., 59).

Таким образом, в рассматриваемых произведениях часто встречаются отыменные прилагательные Я₂, образованные по морфологическим правилам Я₁.

В произведениях билингвов слова могут получить грамматическое оформление по законам обоих языков, но в абсолютном большинстве господствует модель основного языка произведения. Например, слово *жаулык*: в *жаулыках* ... *краешком жаулыка* (Г. Б., 48); в *белом жаулыке* (Б. М., 106) и т. д.

В казахском языке отсутствует категория рода, но в русском языке казахские слова получают конкретное оформление по данному признаку. При этом зачастую лингвистический фактор коррелирует с биологическим, т. е. принимается во внимание естественный пол живого существа. Например: *моя апа, мой ата, аульный мулла, мой коке, невезучая бейбак (бейбак — несчастливица)*. Отсюда следует, что правильное оформление на другом языке отсутствующего в языке-источнике грамматического признака также может быть показателем безинтерферентной двуязычности писателя.

Встречаются сочетания синонимического характера, состоящие из единиц разных языков и выступающие в контексте как парное слово. Например: «...за огромным деревянным абдрой-ларем...» (Г. Б., 77). В данном контексте казахское слово *абдіре (вид сундука)* и русское слово *ларь* лишь внешне объединены по типу словосложения. Рядом находящиеся лексемы, несмотря на их разноязычность, в тексте объединены семантически, обозначая одно и то же понятие.

Данное явление в языке соотносится с категорией плеоназма, в частности с той его формой, которая представляет излишество в виде тавтологии, образованной

из двух и более лексем, относящихся к разным языковым образованиям (типа *русская промышленная индустрия, бутерброд с маслом* и каз. *бала-шаға*). Проводя корреляцию между этими явлениями и обнаруживая в них симптомы будущих и настоящих плеоназмов, мы предпочли ввести понятие билингвистического плеоназма. При этом в роли опорного (главного) компонента может выступать как русское, так и казахское слово, независимо от его места в тексте. Отметим, что это явление обратимо, т. е. лексемы могут быть переставлены, и координация с другими членами предложения происходит посредством первого члена билингвистического плеоназма.

Синхронный билингвистический плеоназм создается семантически и грамматически тождественными (взаимодополняющими) компонентами. Семантическая равноценность (тождественность) проявляется в том, что оба компонента означают одно и то же понятие, грамматическая равноценность — в том, что компоненты находятся в независимом друг от друга положении. Так, в одном небольшом абзаце повести Г. Бельгера встречаем три примера билингвистического плеоназма: «...со всех дворов сбегается детвора в предвкушении пира — кусочка печени или полного половника дымом пахнущей сорпы-бульона... А главное потом, когда почтенные аксакалы и уважаемые люди аула рассядутся вокруг дастархана, посередине которого, на большом деревянном подносе-табаке, исходит гора душистого мяса, залитого острым тузлуком, когда со словами «*бисмилля*» — «*во имя аллаха!*» начнется сама трапеза и вместе с ней одаривание взрослыми аульной малышни» (Г. Б., 73—74).

Одним из показателей двуязычности произведения должно быть отражение в нем двух систем **словообразования** (словопроизводства). Образование новых слов путем соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем двух языков характерно лишь для билингвов. Источником новообразований могут выступить оба языка. Возможны следующие способы:

1. **Деривационное словообразование:** а) двуязычное словообразование — путем присоединения аффиксов разных языков к одной корневой морфеме. Так, к одной корневой морфеме *боран* (*буран*) присоединяется две аффиксальные морфемы разных языков *-лы* и *-ный*: *бу-*

ранный — боранлы: «Путейцы **Буранным** прозывают» (Ч. А., 57), «...его ждали в **Боранлы — Буранном**, и нельзя было возвращаться без **Каранара...**» (Ч. А., 85);

б) присоединение к корневой морфеме одного языка аффиксальной морфемы другого. Подавляющее большинство элементов казахского языка, войдя в русский контекст, изменены по моделям, свойственным Я₁. Проследим, как образуются новые слова на Я₁ от именных основ элементов Я₂ при помощи аффиксов существительных.

Аффикс *-цы (-инцы)*: «На проводы собрались все **боранлинцы** от мала до велика» (Ч. А., 30). Поскольку роман Ч. Айтматова написан на русском языке, жителей разъезда автор должен был бы назвать по-русски (видимо, *бурановец, бурановцы*), а назвал *боранлинцы*, образуя его от казахской основы *боранлы*.

Аффикс *-чан*: «Я давно уже понял, что **аульчанам** нравится, когда я кстати лопочу казахские слова» (Г. Б., 50). Как видим, от казахских названий полустанка и типа поселения образовано русское название его жителей. Точно так же в двуязычном произведении образуются новые слова от именных основ при помощи аффиксов глагола.

Аффикс *-ить (-чить)*: «стали сдавать землю в аренду русским, ортачить с ними...» (Б. М., 39). Здесь *ортак* — *соартельщик*;

в) новообразования, состоящие из корневых морфем одного языка и разных (двух и более) аффиксов другого языка, возможны лишь в произведениях билингвов. Понаблюдаем, как существительные одного языка (мотивированные прилагательными), обозначающие лицо, при помощи двух или более суффиксов другого языка, образуют одну уникальную парадигму. Так, к казахскому слову *көкпар* присоединяются аффиксы мужского рода русского языка:

-щик: «из гущи **кокпарщиков** вырвался **Аккулы**» (Б. М., 123);

-ист: «**Джантуре** и **Булат** были заядлыми **кокпаристами**» (Б. М., 152);

г) иноязычные корневые морфемы могут составить словообразовательное гнездо. Возьмем слово *джигит*: — плюс аффиксальная морфема *-ство*: «О, **джигитство...**» (Б. М., 163);

— плюс отрицание *не* и аффиксальная морфема *-ский (-ские)*: «*Да бросьте вы неджигитские речи,— урезонил он (Едигей) молодых*» (Ч. А., 10). Следует отметить, что словосочетание *джигитская речь* имеет значение — *речь, достойная джигита*: «— *Ну вот, это слово джигита,— удовлетворенно пробурчал тот*» (Ч. А., 107). Существительные, относительные прилагательные, образованные от иноязычных существительных, выполняют не только экспрессивную функцию, но и придают произведению двуязычный характер. Иноязычные корневые морфемы также могут быть подвергнуты префиксации как способу слово- и формообразования. Например, слова, называющие географический объект, являются мотивирующими для названия прилегающих к этому объекту территорий: «*Двинулись к Эдилю — так называлась тогда Волга — и канули в приэдилской стороне в неизвестность*» (Ч. А., 42).

2. **Словосложение** (основосложение). Авторы создают своеобразные парные, сложносоставные слова (без соединительных гласных), образуемые соединением двух или более простых слов, принадлежащих, обычно, одной и той же части речи. Они могут быть образованы согласно словообразовательным моделям, свойственным первому (иногда и второму) языку, и на материале Я₂; простые основы подобного слова разделяются дефисом.

Ч. Айтматов на основе распространенного среди казахов имени *Мыркымбай* (например, так назван один из популярных героев казахского писателя Б. Майлина) создал собирательное имя: «...*не полагается каждому встречному Мыркымбаю — Шыйкынбаю руку совать...*» (Ч. А., 15). Важно отметить наличие такого нарицательного имени и в казахском языке.

Двуязычные писатели часто создают парные слова путем соединения двух корневых морфем разных языков: «*Ходжа прочел молитву, снял платок и подал чашу с водой джигитам-свидетелям*» (Б. М., 97). *Джигиты-свидетели* — не просто присутствующие на церемонии, а официальные лица, сопровождающие бракосочетающихся и имеющие определенные обязанности во время ритуала венчания. В этом словосложении использованы две корневые морфемы из разных языков: «*И нет-нет да появится такой верблюд-сырттан, как Буранный Каранар*» (Ч. А., 30). Если учесть, что *сырттан* в казахском

языке означает *сверхсущество*, то *верблюдо-сырттан* — не простая, а особая порода верблюдов.

«Миновал очень долгий проезд вдоль краснопесчаного обрыва Малакумдычак, где некогда кружила Найман-Ана в поисках своего сына-манкурта...» (Ч. А., 94). Насколько нам известно, как в казахском, так и в русском языке не было такого слова, оно появилось впервые на страницах романа Ч. Айтматова «Буранный полустанок».

В числе парных слов в русском языке не найти такого слова, как *укол-мукол*. Его мы встречаем у Г. Бельгера: *«иншалла... Бог даст лучше будет... Банки есть? Укол-мукол не надо»* (Г. Б., 59).

Таким образом, двуязычные писатели, используя модели разных словообразовательных систем, создают синонимические пары. Словообразовательные модели Я₂, используемые писателями-билингвами в стилистических целях, являются, в то же время, одними из частных показателей двуязычности произведения.

Эксплицитное отражение двуязычия в словарном составе художественных произведений

В художественной литературе возможно применение обеих форм языка: как литературной, так и нелитературной. Иноязычные лексемы в творениях билингвов, как и в произведениях одноязычных писателей, могут образовывать определенную систему, которая основывается на грамматических признаках слова, словообразовательных связях и семантических отношениях. Другими словами, каждая языковая единица должна получить свою социально-лингвистическую и лингвистическую (стилистическую) мотивировку.

Двуязычность произведения должна проявиться в системной организации семантически связанных друг с другом лексических средств разных языков.

1. Один из распространенных приемов билингвизации произведения — использование иноязычных элементов в качестве синонимов. Совмещенное употребление адекватных слов-синонимов из разносистемных языков имеет свои цели. Равнозначные языковые единицы, **абсолютные синонимы**, параллельно внедренные билингвом в ткань произведения из разноязычных систем, час-

то представляют собой синонимический параллелизм.

Синонимы в двуязычных художественных произведениях отличаются от синонимов, употребляемых в одноязычной литературе, прежде всего **абсолютной тождественностью** и по значению, и по обозначаемым понятиям, и, самое главное, — полной взаимозаменяемостью **в условиях контекста**. Следует отметить, что синонимический ряд любого языка состоит не только из исконных элементов. И уже в этом можно обнаружить влияние двуязычия.

Соотнесенно используемые абсолютные синонимы (слова, морфемы, синтаксические конструкции, фразеологизмы и т. д.) в сфере художественной литературы образуют билингвистическую синонимику. Правда, правомерность существования абсолютных синонимов (или дублетов) в языке считается спорной. Для нас бесспорным является то, что абсолютные (и семантически, и стилистически) синонимы встречаются как в устной, так и в письменной речи. Например, в казахском языке *тіл білімі* (языкознание) и лингвистика — абсолютные синонимы (они появились и сохраняются благодаря двуязычию). Что же касается художественной литературы, то в ней двуязычные авторы одно понятие могут передать абсолютными (взаимозаменяемыми) синонимами на двух языках: *«Жалғыз атты ребен — однолошадный бедняк — предел бедности, безлошадных называли қу томар — сухой пень»* (Б. М., 150). Здесь даны переводы казахских выражений, которые в совокупности составляют в контексте синоним (*жалғыз атты ребен* и *однолошадный бедняк*, *безлошадный*, *сухой пень* и словосочетание *қу томар*).

«Супругам, не произведшим на свет сына, даже приписывалось прозвище Кубас, то есть Сухая голова, считаются они туқымсызами, что значит — люди без потомства» (Б. М., 9). В данном примере синонимы: *кубас* и *сухая голова*, *туқымсыз* и *люди без потомства*.

Синонимическое употребление слов из разных языков встречается обычно в повседневной двуязычной речи, и это получило свое отражение в речи персонажей упомянутых произведений. Так, один из героев повести Б. Момыш-улы Василь, хорошо владеющий и казахским и русским, говорит: *«Баурджан, тур, тур, вставай, в школу пора...»* (Б. М., 189), *«Хайван! Скотина! — Ру-*

гает своего Каранара Едигей» (Ч. А., 81). Это тоже образец устного двуязычия.

Эти слова хорошо воспринимаются читателями благодаря переводу автора (рядом), и между собой составляют двуязычные синонимические ряды. Для двуязычного художественного произведения характерна **лексико-стилистическая парадигматика**, основу которой составляет синонимическое употребление слова из разных языков. В отличие от одноязычного, употребляются в качестве синонимов не только заимствованные, но и различные неосвоенные иноязычные элементы. Когда мы говорили о синонимических рядах, то имели в виду лишь синонимический ряд, встречающийся в пределах связного текста, предложения, а не всего произведения.

«Синонимический ряд обычно состоит из двух слов. Максимальный предел назвать трудно: ряды бывают обычно открытыми. Их открытость в том, что к имеющимся членам может прибавиться новый (новое), если в этом появляется потребность. Открытость синонимического ряда — один из показателей открытости языковой, особенно лексической, системы в целом и одно из условий ее совершенствования. Синонимический ряд открыт во времени (каждый период в развитии языка может обогатить ряд своими словами), в пространстве (ряд может быть пополнен иноязычными заимствованиями, словами территориальных диалектов своего языка и т. п.), а также в функционально речевом плане (к имеющимся словам-синонимам нередко создаются весьма точные и выразительные контекстные синонимы)»¹.

В этой связи произведения билингвов являются одним из источников пополнения синонимических рядов новыми элементами.

Следует также отметить, что синонимические ряды могут составить материалы каждого языка в отдельности. Например, в произведении встречаются казахские слова, означающие одно понятие: *шапка — тымак, малахай*. Синонимические ряды составляют исконные слова и заимствованные элементы одного языка: «*При уездном управителе имелись толмачи-переводчики*» (Б. М., 11). Известно, что *толмач* — русское заимство-

¹ Бондалетов В. Д., Вартапетова С. С., Кушлина Э. Н., Леонова Н. А. Стилистика русского языка. Л., 1982. С. 77.

вание из тюркских языков (ср. каз. *тілмәш*). В таких случаях заимствованные элементы нами принимаются наряду с исконными, ибо они освоены.

В качестве синонимов могут выступать слова, сочетания слов, устойчивые выражения и предложения на двух языках.

1). Синонимическое использование слов. Так, Б. Момыш-улы в тексте употребляет слово *саба*, а вне текста (в сноске) — *бурдюк*: «...булькает *саба* с *кумысом*» (Б. М., 90). В сноске: «*саба* — большой кожаный мешок (*бурдюк*) для квашения *кумыса*». Как правило, один из синонимов из Я₁ выполняет функцию добавочного пояснения.

2). Синонимическое использование свободных сочетаний слов, фразеологизмов: «*Время, однако, брало свое, и постепенно возник своеобразный «мандат» — «ата коныс жерым» (становище моих предков), ставший основой права собственности на землю. «Стан моих предков» длинной полосой тянулся по маршруту, некогда бывшему путем кочевий предков*» (Б. М., 133). Еще пример: «*Земельная реформа или, как ее называли казахи, «жер белу» — (раздел земли) продолжалась в течение всей первой половины мая 1921 года*» (Б. М., 134).

3). Синонимическое использование предложений: «*Не дейды? — удивляется Тайшик, — что он говорит?*» (Г. Б., 71). Или: «*Хуп, таксыр! — Слушаемся, господин!*» (Б. М., 46). Один из распространенных приемов билингвистического изложения — использование всевозможных иноязычных фразеологизмов (словесных блоков), что создает неповторимый национальный колорит. Внедрение в текст устойчивых словосочетаний Я₂ создает своего рода дублетный фразеологизм: «*Сыйдын сыйы бар — так ведь по-казахски! Уважение от уважения!*» (Ч. А., 98), «*Мурза! Той кутты болсын! Праздник пусть будет счастливым!*» (Б. М., 70).

Некоторые крылатые выражения даны в тексте на казахском языке, а перевод — вне текста: «*Но знаешь, есть такой закон, дедами еще сказанный: «Мал иеси кудайдан. Это дело от бога. Так суждено. Именно твоим должен быть Каранар»*» (Ч. А., 29). В сноске отмечено, что *мал иеси кудайдан* — *хозяин скотины от бога*.

В ткани произведения встречаются антонимы, которые могут быть представлены параллельно на разных

языках: «Ты, наверное, знаешь, почему в народе говорится: «Сырты қампиған — іші қуыс» — внешне сыт, а внутри пусто» (Б. М., 18). Антонимы в двуязычной литературе служат выразительным средством противопоставления.

Разумеется, в языке произведения встречаются синонимические подмены и по линии первого языка. Например, в романе Ч. Айтматова, как заметили ученые, «...эффект дают и синонимические подмены: «Судьбе угодно было решиться иначе» (сравните: «Судьбе угодно было распорядиться иначе»), при которых зачастую как бы совмещаются несколько устойчивых словосочетаний, что сближает и одновременно противопоставляет окказионализм нормативным образцам: «...бездомные и неприкаянные кочевали по поездкам и станциям, ломясь в столовые и буфеты, содрогая душу пьяным ором и плачами...» (сравните: «потряся душу» и «душа содрогнулась») ¹.

Использование синонимов обычно воспринимается как параллель или смысловой параллелизм, а в двуязычной художественной литературе — смысловая тавтология. Однако в последнем случае у них свои функции. Если синонимы в произведениях одноязычных писателей чаще всего используются для **точности** и во **избежание повторов**, то в двуязычной художественной литературе они выступают как сознательное **повторение**, выполняющее, в основном, **познавательную** и **уточняющую** функции. Не все синонимы появились на почве внутренних ресурсов, многие из них появились в результате контакта разноязычных народов. Одним из источников пополнения синонимического ряда в языках и ранее служили произведения двуязычных писателей. Кроме того, последние способствуют сохранению таких синонимов в языке, а впоследствии — и превращению определенной их части в плеоназмы. Например: «Из Усенов были **богатыми баями** потомки Нияза» (Б. М., 40). Известно, что **богатый** (рус.) и **бай** (каз.) — абсолютные эквиваленты.

II. Как правило, общечеловеческие понятия одноязычными писателями передаются на одном языке, а би-

¹ Преображенский С. Б. Литературная норма и стиль писателя / О романе Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» // Русская речь. 1984. № 1. С. 42.

лингвами они могут быть выражены и на двух языках. Что же касается элементов с инонациональными этнокультурными значениями, то к ним одноязычные писатели прибегают реже двуязычных, используя чаще всего описательный способ, тогда как последние — множество различных способов. Одним из необходимых атрибутов отображения инонациональной тематики являются слова-реалии. Употребление их в ткани произведения настолько системно, насколько ярко ими выражается национальный колорит и вместе с тем «дух» второго языка, что придает произведению двуязычный характер. Стремлением широко охватить своеобразие реальной действительности, в которой живет народ, обуславливается частота их употребительности. Об этом свидетельствует большой круг слов-реалий, реальных-словосочетаний, включенных в различные тематические группы в предыдущем разделе исследования.

Употребление иноязычных слов-реалий в художественной литературе, посвященной инонациональной тематике, предопределено ее природой, лингвистическими и социолингвистическими причинами, прежде всего инонациональностью тематики произведения в отношении основного языка изложения. Однако нужны не всякие слова, а реалии, которые в тексте произведения составляют неотъемлемую часть всего его словарного состава. Они, придавая национальную окраску произведению, несут и эстетическо-информативную нагрузку.

В изображении иноязычной тематики слова-реалии у билингов вступают в силу не только в стилистических, но и в билингвистических целях. Они являются материальным средством достижения двуязычности изложения.

Слова-реалии используются прежде всего как семантическое средство для названия объекта, национального понятия. Например, из истории литературы известно, что слово *шири* означает колпак из старой кожи, надеваемый (для пытки) на голову наказуемого, с тем, чтобы кожа ссыхалась и причиняла страшную боль. Слово *манкурт* — архаизм, оно встречается в виде *мәңгүри* или в сочетании *мәңгүріп тұрып қалу, мәңгүріп қалды*, что означает *потерять рассудок, впасть в обморочное состояние*.

Как правило, национальные слова-реалии в текст произведения внедряются при использовании внетексто-

вой части произведения, ссылки, где дается перевод или пояснения и т. д.

В ткань художественного произведения, а по ситуации — в речевую сферу персонажа вводятся языковые единицы, выражающие эмоции, ощущения для передачи настроения или удивления. Подобные слова, как правило, вводятся в текст в таком же виде, как и в языке-источнике: *«Айналайн... Да сбудутся твои желанья.— Апа вдруг выронила пест, начала концом жаулыка вытирать набегавшие без удержу слезы...»* (Г. Б., 99), *«Ойпырмай, если бы не Абикей, быть беде»* (Г. Б., 85), *«Дядя приговаривает: «Каз! Каз!» — и ловко оберегает меня от падения»* (Б. М., 20).

В речь персонажа писателями-билингвами вводятся некоторые казахские слова-выкрики, также передающие настроение и чувство: *«Дядя не мог удержаться от выражения восторга бессмысленным возгласом: «Уаеа»* (Б. М., 84), *«Э-э-э-эй! — снова затягивал Утеп»* (Б. М., 94), *«Уа, давай, давай! — подхлестывает меня Салим»* (Г. Б., 39), *«Уай, джигиты, новость-то слышали? — спрашивает он...»* (Г. Б., 75).

С помощью таких слов писатели передают специфические, сугубо казахские выражения восхищения, удивления, восторга, одобрения и, тем самым, оценку изображаемому. Для этой же цели в речь персонажа включаются и непереводаемые (безэквивалентные) слова-реплики, часто с соответствующим пояснением: *«Э, барекельде! Приятные слова и слушать приятно!»* (Г. Б., 85), *«Барекельде, — отзывается сапожник»* (Г. Б., 77). В сноске: *«барекельде — возглас одобрения»*. Подобные слова-реплики вводятся в текст чаще всего без пояснений.

Разумеется, наряду с безэквивалентными, локальными реалиями встречаются и распространенные региональные, интернациональные реалии, принадлежащие определенному народу (типа *қымыз, домбыра, ауыл*). Они широко употребительны и в текст произведения вводятся без комментариев и перевода.

III. Национально-культурная специфика речевого поведения каждого народа выражается и в его речевом этикете, систематическое использование формул которого также является свидетельством двуязычия. Слияние речевого этикета двух народов вовсе не обязательно для произведения, написанного на языке того народа, кото-

рый стал объектом изображения, но для произведения, посвященного инонациональной тематике, в какой-то мере неизбежно. Формула речевого этикета внедряется в текст путем перевода в сноске, иногда становится предметом речи, порой дается в тексте параллельно с переводом. Указывая на это, мы уделяем внимание социально-лингвистическому аспекту речевого этикета, хотя следует учесть неразработанность его теории в плане двуязычия. В процессе постоянного социального взаимодействия людей формируется определенное коммуникативное поведение, выражающееся в речевом этикете.

В целом, **речевой этикет** в специальной литературе¹ характеризуется как **часть языкового существования**, концентрирующая в себе ряд важных элементов общения и может изучаться комплексно с разных позиций: собственно лингвистики, культуры поведения и т. д. Система устойчивых формул общения каждого народа отличается большим своеобразием, однако в нашей стране она преимущественно исследуется на материале русского языка, а по изучению национального речевого этикета, в том числе казахского, делаются лишь первые шаги.

Думается, можно ограничиться проведением некоторых наблюдений над этикетом обращения и этикетом приветствия на двух языках в художественной литературе.

Слова-обращения выделяются в социальном феномене общения как контактоустанавливающие средства языка. Они общественно осознаны, и, наряду с другими элементами языка, маркированы как компоненты социально-коммуникативной системы и элементы формул речевого этикета языкового (речевого) коллектива. Они характерны для любого уровня языкового образования и, в соответствии с этим, могут быть **литературными, диалектными и просторечными**. В данном случае мы акцентируем внимание лишь на словах-обращениях литературных.

Следует оговориться, что двуязычные писатели внедряют в текст произведения не только специальные слова-обращения, но и те, что выступают в этой роли. Часто

¹ *Формановская Н. И.* Употребление русского речевого этикета. М., 1982. С. 4—15.

ими бывают слова, называющие представителя определенной сферы жизнедеятельности людей: «Да, мугалим, двое нас, не испугавшихся свирепого бурана, — ломким басом подтверждает Темеш» (Г. Б., 89). (Мугалим — учитель.) «Оу, баскарма! Хватит тебе взад-вперед мотаться» (Г. Б., 85). (Баскарма — председатель правления колхоза.) «Иди, Момынтай, иди, брат мой! — сказал отец дяде, который растерянно смотрел на него» (Б. М., 155). Обращение по имени и брат мой может встретиться и в произведении одноязычного писателя. Отметим, что в обыденной жизни в обращении по имени могут отражаться черты контактирующего языка. Так, например, казахи в официальных ситуациях стали обращаться друг к другу по имени и отчеству. Поэтому в кабинете употребляется обращение «Аль-Жаппар Кахарманович», а не «Элеке» (Ч. А., 9). Здесь сказывается влияние русского языка. Обращения по имени и отчеству нет в повести Б. Момыш-улы, ибо такое не встречалось в речи казахов 20—30 годов.

Признаком двуязычного изложения выступает систематическое внедрение в ткань произведения инонационально-специфических слов-обращений.

1. Обращение всегда включает в себе адрес. Писатели-билингвы дают объяснение таким словам-обращениям в тексте или вне текста: «И сейчас еще один старик, вспоминая его, к ласковому имени жаке добавляет жарыктык, что означает светлый» (Б. М., 15), «К нему обращались не иначе, как «таксыр». Он называл всех мужчин «муртым» (Б. М., 92). В сноске: «таксыр — господин, муртым — буквально усы мои, искаженное от арабского мурид (прихожанин)».

2. Внесение в текст произведения инонационально-специфического обращения по имени и отчеству также характерно для двуязычного изложения. Например, казахи при обращении к старшим к собственным именам обычно добавляют специальные суффиксы (типа -еке, -ке, -ақа, -аға, -қа, -а, -ш и др.) или же аффиксы принадлежности: «Момеке, — обратился он к моему отцу...» (Б. М., 124). Образовано: Мом(ыш)+еке (аффикс). «Едике, дорогой, только ты, того самого, голову мне не морочь» (Ч. А., 7).

К молодым или близким людям, казахи обращаются по сокращенному имени: «Не повезло тебе, Абу, ты

должен был *Отелло* играть на сцене», — подшучивает *Зарипа — жена Абуталипа* (Ч. А., 40).

3. В тексте может присутствовать один из лексических вариантов слов, употребляющихся в другом языке как обращение. Подобные слова могут быть использованы как в прямом, так и в переносном значении: «*Кто тебе сказал, **жаным***»? (Г. Б., 99). *Жаным* (каз.) — *душа моя*. Возможно и специфическое метафорическое словоупотребление: «*Я презираю тебя, **щенок!** — крикнул Аккулы*» (Б. М., 138).

4. Введение в текст в качестве слов-обращений иноязычных слов, обозначающих родственные отношения, пол персонажа. Они встречаются и с переводом, и без перевода. (См.: Б. М., 90, 91, 98, 122.)

5. Внедрение в текст таких иноязычных элементов, которые приобретают в позиции обращения постоянную прямую семантику. Например: *аксакал* — буквально *белая борода* — обращение к пожилому мужчине, употребляется в значении *старейший, почтенный*. «*Простишь ли ты мне, **аксакал**, этот мой проступок, позорный для моего рода?*» (Б. М., 14.)

6. В художественном произведении, как и в реальной жизни, происходит дифференциация речи персонажей по социальным признакам. Так, возрастная дифференциация отражается в их языке в употреблении слов-обращений: «*Эрмек почему-то называл отца **папикой**. И никто его не поправлял, поскольку то было его собственной «модификацией» одного из вечных и первоначальных слов на устах людей.*

— *Папика! Папика!* — озабоченно *суетился он* (Ч. А., 56). Вообще, казахи в условиях двуязычия слово *папа* стали употреблять чаще всего в обращении. В данном случае одно из двух: *папика* происходит или от слова *папа*+*еке* (аффикс ласкательности), или это искаженный вариант русских слов *папенька, папка*. Сравните: «*Мой **коке!** **Кокешим!** — вопит ликуя Ойрат* (Г. Б., 48). Слово *коке* с суффиксом *-тай* приобретает ласкательно-уменьшительное значение. Однако в этой форме оно получает еще и иронический оттенок: «*Это, **кокетай, дорогой,** не на Каранаре ехать по сарозекам, очень все там сложно...*» (Ч. А., 14).

7. Внедрение в текст такой группы иноязычных лексем, которую можно было бы квалифицировать как «слова-называния» или «звательные слова», функцио-

нально ставшие специальной единицей обращения: *агай*, *апай*, восходящие соответственно к *аға* (брат) и *ана* (старшая сестра). Так, в романе Ч. Айтматова ученик обращается к учителю: «*Агай, значит, вы были в плену?*» (Ч. А., 38). В сноске автор объясняет, что *агай* — учитель, но *агай* — не учитель, а дядя (буквально). Дело в том, что в казахской языковой среде ученики, студенты, обращаясь к своим преподавателям, учителям, наставникам, говорят *агай* (учительнице — *апай*), даже будучи старше их. Здесь в силу вступает логическое, а не хронологическое понимание категории возраст.

8. Внедрение в текст иноязычных устарелых слов-обращений. Например, слово *тақсыр* (господин). Как социальный термин это уже архаизм, но, вместе с тем, может употребляться сегодня в ироническом смысле.

Казахские «слова-называния», выполняющие функцию обращения, обычно имеют **специальные суффиксы**: *-еке*, *-ке*, *-ақа*, *-қа* и др. Образую с их помощью имена, автор допускает ошибки. Например, к *Казангану* почтительно обращаются *Казак*, а следовало бы по правилам казахского языка — *Қаз* (первый слог имени) + *еке* (суффикс).

Отражение в произведении национальной специфики речевого этикета **приветствия**, сопровождаемого осведомлением о жизни, делах, здоровье, настроении и т. д., также выступает признаком двуязычия. Этикет приветствия разными авторами вводится в текст по-разному. Так, приветствие может быть выражено самим содержанием высказывания: «*Какая была дорога? Покойно ли несли ваши кони? Здоровы ли дети ваши? Благополучно ли с вашими стадами?*» (Б. М., 153), «*А, Тимошка, аман, — ответил отец и спросил, почему он остановился*» (Б. М., 181). В сноске «*аман* (каз.) — *здравствуй*».

Слова приветствия порой даны в тексте:

а) без перевода: «— *Ассалаумагалекум!* — солидно здороваются *Ойрат*» (Г. Б., 47);

б) с синхронным (параллельным) переводом: «*Э... аман? Живой-здоровый? — Здравствуйте, отвечает мама*» (Г. Б., 19).

в) в переводе, без языка оригинала: «*Привет вам приношу, общество, — сказал он*» (Б. М., 121). Здесь в

текст включено казахское приветствие *салем бердік, жамағаттар*.

Как свидетельствуют материалы произведений писателей-билингвов, национально окрашенные речевые стереотипы создают не только оригинальность, но и способствуют проявлению двуязычия в сфере художественной литературы. В целом, иноязычный речевой этикет является свидетельством смешанного билингвизма.

Эксплицитное отражение двуязычия нелитературными лексическими средствами

Художественной литературе и ее двуязычной разновидности не чужды нелитературные лексические средства двух языков. Наличие в произведениях билингвов нелитературных лексических элементов Я₂ отражает, на наш взгляд, глубину двуязычия.

1. В речевой сфере художественной литературы встречаются **диалектизмы и просторечные элементы** Я₂. Они выполняют номинативную функцию и используются для создания местного колорита, тем самым создавая в данной сфере всестороннюю характеристику персонажа. Например, у Б. Момыш-улы встречаем просторечно-диалектные слова: *акпе, апке (старшая сестра)*. (См.: Б. М., 32, 50, 152, 162). Из этих реалий в наши дни *акпе* осталось узколокальным словом, а *апке* — на стадии вхождения в литературный язык. (Непосредственное влияние на этот процесс оказала одноименная пьеса драматурга Д. Исабекова.)

В целом, как и следовало ожидать, диалектные и просторечные элементы в произведениях вышеупомянутых писателей встречаются весьма редко, насыщенность текста иноязычными диалектизмами, просторечными элементами не всегда оправдана, так как они могут оказаться «не по зубам» даже двуязычным читателям.

2. В художественной прозе двуязычных писателей встречаются и **малоупотребительные, устаревшие** в наши дни единицы Я₂ (слова, устойчивые выражения) типа *тақсыр (господин), диуана (дервиш)* и др.

В целом, устаревшие слова в двуязычной художественной литературе используются для передачи национального колорита определенной эпохи. Вместе с тем, они иногда могут приобретать и шутливую окраску. Например, молодые герои Г. Бельгера уподобляются

биям, ходже, жасаулам: «Ойрат сам себе — как он говорит — и бий, и ходжа» (Г. Б., 3). Ср.: «Жасаулы, приведи сюда девицу! — повелел хожа» (Б. М., 47). Одно из действующих лиц повести Г. Бельгера перед отправкой на войну прощается с соседями, при этом своих маленьких сопровождающих он шутливо называет то *сарбазами*, то *нукерами* (воинами личной охраны, дружинниками). (См. Г. Б., 75, 77 и др.)

Таким образом, в художественном творчестве могут быть использованы словарные ресурсы двух языков, находящихся вне их литературной формы, как выразительно-избирательные средства.

3. Иносистемные элементы иногда скрытно вводятся в ткань произведения там, где излагаются философские концепции, рассуждения. Например, двуязычные писатели, используя казахские метафоры, создали следующие афористические выражения: «От неуклюжего верблюда никогда еще не рождался резвый тулпар» (Б. М., 84), «Быть наследником — мечта у казаха. Каждый казах свою семейную и родовую честь, как знамя, должен достойно пронести через жизнь» (Б. М., 16), «Есть непостижимая сила в родном языке, в родной речи» (Г. Б., 60).

В целом афоризмы Я₂, выполняя оценочную функцию, подчеркивают индивидуальность писателя. В произведениях билингов встречаются выражения афористического характера и без элементов Я₂, образованные, в основном, путем метафорического словоупотребления. В них также есть сентенции типа: «Голова человека ни секунды не может не думать» (Ч. А., 36), «Видна наша школа — живой очаг аула» (Г. Б., 97), «Хороший наездник коню — его крылья, не тяжелый груз» (Б. М., 81), «Тому и быть — никто не переживет землю, никто не минет земли...» (Ч. А., 108).

Таким образом, билинги могут использовать нелитературные лексические средства другого языка.

БИЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИМПЛИЦИТНАЯ СИНТАГМАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА

Двуязычие в тексте художественного произведения может не иметь внешних признаков, а выражаться скрыто. ИмPLICITное или неполное систематическое совмещение происходит на уровне лексических и структурных

элементов двух (и более) языков путем использования пунктограмм, а если Я₂ вводится в переводе, то чаще всего с помощью кавычек.

1. Имплицитное использование лексических средств Я₂

Лексические элементы в текст художественных произведений внедряются двойко: в переводе и без перевода. Встречаются разнообразные иноязычные элементы, представляющие самые различные тематические группы, часто в том виде, что и в языке-источнике, без перевода и комментариев.

Общеизвестно, что *айтыс* — это казахское традиционное состязание в песенной импровизации. Так же известны слова *акын*, *жырау*. «Моя мечта была *акыном* стать таким, каким ты был, какой ты есть поныне, великий мастер песни *Раймалы-ага*» (Ч. А., 90, 91). Однако Г. Бельгер иногда слово *акын* переводит как певец (Г. Б., 59), Б. Момыш-улы *айтыс* объясняет как *состязание двух певцов (поэтов-импровизаторов)*.

Имплицитное билингвистическое изложение представляет собой континуум синхронно-параллельного билингвистического изложения в тексте произведения.

Полирегиональные элементы Я₂ — общее достояние двух языков и референт двуязычия общества

Как правило, любой иноязычный элемент (слово, сочетание слов, предложение) в текст произведения, написанного на другом языке, внедряется в переводе или с комментариями. В дальнейшем эта единица, выходя из узколокального употребления, может стать полирегиональной и получить статус заимствованной. В таком случае она становится по меньшей мере достоянием одновременно двух языков и потому, естественно, не нуждается в переводе, ее понятность широкому кругу читателей будет бесспорной. Полирегиональные элементы со временем могут выступать референтом двуязычия гетерогенного общества определенного региона. На уровне региона СССР распространены две группы полирегионализмов, представляющих элементы русского языка и других языков народов СССР. Внутри каждой республики распространены национально-русские регионализмы. Например, в Казахстане на почве казахско-русского

двуязычия появился определенный круг русизмов и казахизмов, часть которых известна и за пределами республики.

Одну из группы полирегионализмов представляют собственно казахизмы или единицы, распространенные через казахский язык. Другую представляют такие элементы, которые, являясь эквивалентными русским, употребляются в тексте взаимозаменяемо, параллельно. К первой группе можно отнести такие казахские слова, как *батыр, бесбармақ, қалың* (мал), *қымыз, ауыл, марал, жігіт* и др.

Таким образом, мы считаем, что параллелизм заложен в самой природе элементов, получивших статус заимствований.

Группа элементов, представляющих эквивалентные пары, широко распространенные в устной речи билингвов, чаще получает свое отражение в творчестве двуязычных писателей, нежели одноязычных: «*А пока до свидания. Ваш Дед Мороз, Аяз-Ата*». Приписка к ней заканчивается так: «*Еще раз ваш Аяз-Ата*» (Ч. А., 58—59). По такому же принципу Г. Бельгер ввел в русский текст своего произведения (не только в диалогах, но и в авторском повествовании) казахское слово *басқарма* наряду со словом *председатель*.

Референтами двуязычия могут быть полирегиональные, региональные и узкорегинальные элементы, но последние могут указывать не только на билингвизм гетерогенного общества.

Региональные, узкорегинальные элементы Я₂ — референты билингвизма писателя

В художественных произведениях писателей-билингвов встречаются такие иноязычные элементы, которые не являются заимствованием, не характерны для повседневной устной речи билингвов и для произведений одноязычных писателей, но имеют место в переводной литературе. В чем секрет вхождения в строку подобных, вполне эквивалентных, элементов?

Включение эквивалентных элементов в неродной по языку текст, судя по собранному нами материалу, сигнализирует о двух обстоятельствах: во-первых — о двуязычности автора; во-вторых — об одноязычности персонажа. Но в обоих случаях необходимо практическое

знание двух языков. Рассмотрим, как Ч. Айтматов трактует казахское слово *іні* (в тексте — *ини*): «Твой ак-мойнакский *ини* Коспан» (Ч. А., 82), *іні*, как указано автором в сноске, означает: *младший брат, младший родич, земляк*. Но слово *земляк* по-казахски — *жерлес* и переводить его как *іні* неверно. Иноязычный элемент в тексте произведения может служить сигналом не только двуязычия, но и одноязычия.

С точки зрения лингвистики важно функционирование иноязычных элементов в авторской ремарке, а их использование в диалогах показывает языковую принадлежность персонажей. Между тем, в плане социальной лингвистики не менее важным является и диалог. Возьмем два примера: «*Эй, смотрите! Орыс сюда скачет!*» — говорит один из персонажей упомянутой повести Г. Бельгера (Г. Б., 52). «*Каких только имен у орысов нету!*» — говорит другой (Г. Б., 17). Почему герои писателя говорят *орыс*, а не *русский*? Во-первых, автор хотел подчеркнуть национальную принадлежность действующего лица; во-вторых, в произведении казах называет немца (фельдшера) русским, т. к. представителей всех европейских национальностей до недавнего времени называли *русскими*. В-третьих, хотя автор мог построить диалог на казахском языке, он не сделал этого, он одним словом (*орыс*) сумел подчеркнуть одноязычие персонажа.

Словом, введение в текст произведения элементов Я₂, имеющих эквиваленты на Я₁, обычно не находит одобрения с точки зрения литературной нормы, культуры речи, но имеет оправдание, когда выступает показателем одноязычия персонажа или самовыражения писателей-билингвов.

II. Регулярное имплицитное использование лексических средств выразительности Я₂ — референт системности двуязычия

Систематическое использование словарного состава Я₂ как изобразительно-выразительных средств художественного отображения объекта предопределено контактом двух языков на уровне лексики. Важным для понимания механизма этого является рассмотрение основных стилистических приемов, используемых билингвами. Наиболее распространены в тексте двуязычных произве-

дений сравнение и метафора. Элементы Я₂, вступая в функции художественно-выразительных средств, входят в состав образной системы произведения.

1. В каждом языке, выступающим одним из компонентов двуязычия, существуют излюбленные предметы или явления, которые используются для сравнения. Как показывает литературная практика, из Я₂ часто приводятся общепринятые, а из Я₁ — созданные самим автором индивидуальные объекты сравнения.

В качестве средства характеристики объекта билингвы пользуются двумя источниками (параллельно или попеременно). Грамматически сравнительный оборот оформляется с помощью союзов и слов типа *как*, *будто* и пр.

1). В текст вводится перевод распространенного в Я₂ сравнения: «*От всего прошлого в той стороне только и осталось кладбище Ана-Бейит на двух соприкасающихся, как верблюжьих горбы, пригорках-близнецах — Эгиз-Тюбе*» (Ч. А., 42). Здесь употреблено сравнение *түйеңің екі өркешіндей*. «*О-о, тогда бы завыл Гитлер, как волк в капкане*» (Г. Б., 32). В данном контексте — казахское сравнение *қақпанға түскен қақырдай*.

2). Вводятся сравнения из двух языков. Примером является предложение, где берется казахское понятие в сопоставлении с русским: «*...погода стояла распрекрасная для сарозеков — коричневая осень, как хлебная корка*» (Ч. А., 55). *Коричневая осень* — казахское сравнение (ср.: *қоңыр күз*), как *хлебная корка* — русское сравнение.

3). Вводятся отрицательные сравнения типа: «*Это, кокетай дорогой, не на Каранаре ехать по сарозекам...*» (Ч. А., 14).

4). В двуязычных художественных произведениях встречаются разного рода сопоставления: «*Аул был похож на щедедушную сироту — ягненка...*» (Г. Б., 99). Автор использовал казахское сравнение *жетім қозыдай* (букв. как *сирота-ягненок*).

Писатели-билингвы порою используют сравнения настолько своеобразно, что бывает трудно установить их язык-источник. Например, Ч. Айтматов пишет: «*Первый признак здоровья и силы — черные горбы на нем торчали как чугунные*» (Ч. А., 11). Горбы верблюдов, насколько нам известно, не сравниваются с чугуном, а чаще всего — с сосной: *екі өркеші қарағайдай — два горба*

(стройные), как сосны; с ребенком: екі өркеші баладай — два горба (большие), как дети; с железом: екі өркеші темірдей — два горба (твердые), как железо; с камнем: екі өркеші тастай — два горба (твердые), как камень.

Так использованием нового сравнения автор достигает художественного эффекта.

В романе встречаются и индивидуально-авторские сравнения, уподобления: «Серединные земли великих желтых степей, как жилка на виске. Билась жилка — двигались, двигались поезда в ту и другую сторону» (Ч. А., 27). В целом, сравнения из Я₂ определенным образом указывают на дополнительный признак двуязычности произведения.

2. Чрезвычайно важно и то, что элементы Я₂ в текст художественного произведения вводятся в виде метафоры¹, основанной на реальной связи, на сходстве предметов (явлений), выделении какого-то признака, имплицитруемого прямым значением метафоризируемого элемента Я₂. В данном случае мы имеем в виду метафору в широком смысле: собственно метафору, метонимию, синекдоху, перифраз и эпитет, с двумя различными типами объектов (денотатов) создающих семантическую двойственность, двуплановость. Выделим некоторые из них. **Синекдоха:** «Грешен я, Айша-апа, перед этим шанраком, грешен...» (Б. М., 154). Здесь произошла замена целого (юрты) частью (шанраком — куполом юрты). Шанрак употреблен в смысле дом, точнее священный дом (очаг). **Перифраз:** «Создатель восемнадцати тысяч тварей», — провозглашал отец, и перед моими глазами мелькали птицы, жуки, жеребята, ягнята, козлята, верблюжата...» (Б. М., 112). В данном контексте приведена художественная характеристика бога — Он сегіз мың ғаламды жаратушы бір алла (буквальный перевод).

Различные виды переносного словоупотребления часто используются смешанно, представляя художественное единство. В этом плане метафора — это зачастую использование одного из компонентов полисемии.

Метафорическое словоупотребление является мощным средством образной характеристики отображаемого объекта. При этом иноязычная метафора может быть обще-

¹ См.: Хасанов Б. Қазақ тілінде сөздердің метафоралы қолданылуы. Алматы, 1976.

народной (традиционной) и индивидуально-авторской, созданной на материале (или по образцу) другого языка (Я₂).

1). Метафоры Я₂ вводятся в текст чаще всего в переведенном виде: «По другую сторону от нашего аула проходил тракт Ташкент—Пишпек (Фрунзе). Его у нас называли «**черная дорога**» (Б. М., 44), — казахи большую трассу называют *қара жол*, что означает *черная дорога*. «Баскарма вчера в районе был. Три **черные бумаги**, говорят, привез» (Г. Б., 65), — во время Великой Отечественной войны, так называемые «похоронки» — извещения о смерти называли *қара қағаз*, что буквально означает по-русски *черная бумага*. «...достаёт из кармана ручку с пером «**муравьиная талия**» (Г. Б., 89), — казахи такое перо называли *құмырсқа бел*, это и введено (в переводе) в текст.

2). Метафоры создаются билингвами на материале Я₂ и используются для характеристики персонажа: «Этот Шаймурат **настоящий жынды ... дурной**» (Г. Б., 26), «Вот так **джигит! Он самого черта обуздает...**» (Б. М., 30).

Метафоры, созданные на материале Я₂, используются иногда для выражения шуток, насмешки, иронии: «И, что скажете, **батыры?** — *насмешливо спрашивает Рабига*» (Г. Б., 94). Так обращается учительница к своим опоздавшим ученикам.

3). Иногда билингвы создают такие метафоры, мотивировка которых находится внутри художественного повествования: «Отличный был *шубат*, прохладный, пенистый, слегка хмельной. Приезжие контрольно-ремонтные *путейцы*, бывало, здорово пили его, называли *сарозекским пивом*» (Ч. А., 13).

В романе Ч. Айтматова встречаются и такие художественные элементы, которые в казахском языке отсутствуют, или мало распространены. Например, казахи не уподобляли верблюда крокодилу, но в романе читаем: «Едигей в сердцах **накричал на Каранара**: — Ты чего **орешь, крокодил?**» (Ч. А., 11). Однако метафорическое уподобление Каранара крокодилу основано на определенных признаках (*за зубастую пасть его и злой нрав*), причем эту кличку дали ему приезжие *путейцы*, которые могли быть и не казахами.

Как в любом другом, в двуязычном произведении создаются и индивидуально-авторские метафоры. Так, роман Ч. Айтматова засвидетельствовал рождение нового

вида метафоры на стыке двух языков — казахского и русского (*Буранлы — Буранный*), — которую, на наш взгляд, надо осмысливать под новым углом зрения, как нечто бойкое, оживленное, подвижное. *Буранный* — в употреблении Ч. Айтматова — символ слов *настоящий труженик, простой и натуральный, крутой, сильный*.

В основу этой метафоры положено прямое значение слова *буран*. Начнем с названия разъезда и романа. Почему полустанок называется *Буранным*? *«Весь как есть при великой железной дороге, при великой Сары-Озекской степи, маленькое связующее звено в разветвленной, как кровеносные сосуды, системе других разъездов, станций, узлов, городов... Весь как есть, как на духу, открытый всем ветрам на свете, особенно зимним, когда метут сарозекские вьюги, заваливая дома по окна сугробами, а железную дорогу холмами плотного мерзлого снега... Потому и назывался этот степной разъезд... Буранлы — Буранный...»* (Ч. А., 6).

«Крут он (Едигей. — Б. Х.) был, горяч — Буранным прозвали еще и за то, что характером был тому под стать» (Ч. А., 10). Среди пасущихся в поле верблюдов под луной Едигей различал своего *«двугорбого, крупноголового нара — самого сильного, пожалуй, в сарозеках и быстроходного, прозывающегося, как хозяин, Буранным Каранаром»* (Ч. А., 6).

Как видим, железнодорожный разъезд — *Буранный*, Каранар — *Буранный*, человек труда — *Буранный*. Роман, посвященный жизни путевых рабочих, не зря назван *«Буранный полустанок»* (в последнем варианте).

Общеизвестно, что восприятие метафоры, созданной на родном языке, сложнее, чем слов в прямом значении. Восприятие же метафоры, созданной на другом языке (пусть даже она не нова), осложняется вдвойне. Мы имеем в виду традиционные метафоры. А если метафора индивидуальная? Она выходит за пределы языковой сферы. И при этом она не только не чужда инациональной литературе, но, входя в ее живую ткань, может служить одним из ярких показателей ее двуязычности.

Имплицитно выраженные элементы Я₂ в тексте художественных произведений могут принадлежать всей лексической системе. Коротко отметим следующие лексические ресурсы двуязычных произведений. Они могут составить **синонимический ряд** с элементами Я₁, например, наряду с эксплицитно выраженными синонимами

(типа *тымак*, *малахай* в значении *шапка*) встречаются и прототипы переведенных казахских синонимов.

В художественных произведениях билингвов одно словосочетание или предложение Я₂ имплицитно может выражаться синонимично. Так, например, выражение *ат шаптырым жер* Б. Момыш-улы ввел в свой текст в двух вариантах: «*Всадники приблизились на рывок скакуна*» (Б. М., 152), «*Остановившись у стана Кабылбека на расстоянии конного рывка, Текебай с Серкебаем отделились от джигитов*» (Б. М., 13—14).

Единицы двух языков могут составить и **омонимический ряд**. Так, казахское слово *пир* с русским словом *пир* составляет омонимическую пару: «*И был еще у него конь неразлучный — всем известный золотисто-игренивый ахалтекинец Сарала, даренный туркменами на званом пиру*» (Ч. А., 89), «*Оказывается, он был пиром — духовным наставником, а все прихожане его мечети, куда ходили спасать душу, — подуховными*» (Б. М., 92).

Переведенные элементы Я₂, коррелятивные друг другу, образуют **антонимы**: «*Когда настало время выдать ее замуж, пошли разные разговоры, что, мол, она «зрячая» девушка, грамотная, а жених — «слепец темный», то есть неграмотный, что на грамотную девушку имеет право только грамотный мужчина*» (Б. М., 38). Здесь дан перевод казахских выражений: «*көзі ашық* и *су қараңғы*.

В произведениях билингвов встречаются и **неологизмы**: «*Говорили, что царя свергли, появились слова: «красные» и «белые»*» (Б. М., 45). В принципе, все имплицитно выраженные элементы Я₂ могут оказаться в определенной степени неологизмом, новообразованием для Я₁.

Калькирование — средство и признак имплицитного выражения двуязычия

Калькирование — один из своеобразных способов введения в текст иноязычного выражения. Поскольку иноязычный элемент переводится, то при калькировании его следует считать имплицитным выражением двуязычия, но с оговоркой, учитывая, что параллелизм осуществляется на одном языке. При этом параллелизм проявляется через специальные связочные слова, союзы типа *то есть, как говорят*.

Следует напомнить, что калькирование не всегда представляет буквальный перевод всего калькируемого материала, иногда его часть вносится в текст в таком же виде, в каком она известна языку-источнику. В связи с этим калькирование бывает **полное** и **неполное**. Приведем в качестве примера казахские пословицы, выражающие отношение к коню: *«Джигит без коня, что птица без крыльев; боевой скакун — крылья джигита»*; *«Кто без коня, тот в плену мук и унижений»*; *«Про хороших коней до сих пор говорят: «Конь, стоящий невесты!»* (Б. М., 150). Как видно, здесь слово *джигит* не переведено, т. к. первые две пословицы даны в виде полукалек, а последняя — калька: в ней нет ни одного слова из языка-источника. Возьмем другой типичный пример полукальки: *«Поминал он также имя моего отца и передавал ему благодарность за то, что он «в такое время» осчастливил его старость, представив его глазам, как яйцо, отау с «красным жасау»* (Б. М., 91). Однако полукальки мы рассматриваем в одном ряду с кальками, ибо и те, и другие имеют прототип, тем самым отражая двуязычие и в новом языковом контексте являясь неологизмами.

Использование различных **готовых речевых единиц** (как фразеологизмов и выражений пословичного типа — собственно пословиц и поговорок, афоризмов, присловий, нечленимых сентенций и фраз другого языка) в лексико-семантической системе произведения в переводе зачастую сообщает определенный билингвистический эффект, что под силу лишь двуязычным мастерам художественного слова.

Калькирование требует творческого подхода, поэтому, несмотря на общность психолингвистического механизма своего создания, в текст оно вводится разными писателями по-разному. Например, так вводят в текст одну и ту же казахскую пословицу *Күш атасын танымайды* Б. Момыш-улы и Ч. Айтматов: *«Сила отца не признает», — гордо ответил Аккулы»* (Б. М., 32), *«Сам знаешь, не случайно сказано исстари «кюш атасын танымайды»* (Ч. А., 58). В сноске дается перевод: *«сила отца не признает»*. Общее здесь то, что авторы делают одинаковый перевод и используют пословицу в диалогической речи персонажей. Следует также отметить, что некоторые изречения в произведениях могут встречаться по несколько раз. Например, казахская поговорка *Кейдейдің қолы қысқа: «У бедного руки коротки», но от чис-*

того сердца... (Б. М., 108), «Старейшины уговаривали воздержаться от широкого размаха, так как у отца, одолошадника, руки-де коротки для подобного жеста» (Б. М., 17).

Встречаются образные устойчивые сочетания с одним стержневым словом. Так, казахское слово *жол* (дорога), сочетаясь с разными словами, иногда употребляется метафорически, означая почет, уважение к возрасту. Это получило свое преломление, например, в произведении Б. Момыш-улы: «Ака, ваша дорога старше моей, доставьте нам удовольствие услышать ваше благословление гостеприимному дому» (Б. М., 127), «Мой отец был старшим из усеновцев, так как ему принадлежала «большая дорога», и фактически старшим над дехканами усеновцами» (Б. М., 40). В сноске: «большая дорога — линия старших в роду». Здесь большая дорога — *жолдың үлкені*. «Да будет благополучие в вашем гостеприимном доме, Момвке, — ответил Садык на приглашение и предложил войти первыми в юрту старшим по возрасту, говорил каждому «Дорога вам, аксакал!» (Б. М., 125). В данном случае *дорога вам* — перевод казахского выражения *жол сіздікі*.

Встречаются также выражения со стержневыми словами *уақыт*, *кез* (время), или *күн* (солнце, день), употребляемыми в значении время: «Эти незнатные бедняки на голову мне лезут, как мошकारа, — кричал Серкебай, — даже родной племянник мне говорит: «Ваше время прошло. Каково мне это слышать?!» (Б. М., 50).

Внедрение в текст произведения иноязычных устойчивых выражений и пословицеподобных клише путем калькирования осуществляется по крайней мере четырьмя различными приемами.

1). Указывается пословичность, фразеологичность и их иноязычная принадлежность:

а) посредством специальных слов типа *говорят, как говорят казахи*: «Для бедняка, говорят, один раз досыта наестся — половина богатства (Г. Б., 74). Здесь приведена казахская пословица *Жарлының бір тойғаны — шала байығаны*. «Как говорят казахи: «Хоть с кривым ртом, пусть байский сын речь держит» (Б. М., 56). В данном контексте приведена казахская пословица *Аузы қисық болса да, байдың ұлы сөйлесін*. «Он потомок хороших людей, у него кость хорошая», — говорят у нас» (Б. М., 16). Приведено казахское устойчивое выражение

сүйегі асыл, что буквально означает *кость (его) драгоценная*;

б) посредством построчных комментариев и пояснений: *«Недаром у нас говорят: «До семи лет землей будет бит», — то есть дитя до семи лет ползает, падает»* (Б. М., 23). Здесь дан перевод казахской поговорки *жетіге келгенше жерден таяқ жейді*.

Как видим, калькирование — эффектный прием введения в текст элементов Я₂, но их ввод осуществляется несколькими способами: калькированные слова берутся в кавычки, иногда в сопровождении слов так говорят, то есть: *«Сыновья обязаны «беречь родных от плохого имени», то есть не делать ничего такого, что давало бы повод другим плохо говорить о них»* (Б. М., 16). Здесь *беречь родных от плохого имени* — буквальный перевод казахского выражения *Туыстың атына жаманат келтірмеу*.

2). Используются графические знаки, сигнализирующие о пословичности единицы. Часто применяются кавычки: *«Золото — на дне терпения», «Терпеливый дойдет до цели, а поспешивший лишь пожнет стыд»* (Б. М., 134). Это казахские пословицы: *Сабырлы жетер мұратқа, сабырсыз қалар ұятқа*, которые у Б. Момыш-улы составляют один образец.

Часть выражений, взятых в кавычки, не поддается точному переводу по всем составным частям, т. е. трудно найти обратный абсолютный эквивалент в языке-источнике: *«Убианна, видимо, примирившись с тем, что «написанного на лбу не стереть», не бунтовала, как прежде»* (Б. М., 71). Это выражение соответствует казахским поговоркам: *Жазымыштан озымыш жоқ* (букв. *написанного не перегонишь*), или *Маңдайға жазылғанды көресің* (букв. *написанное на лбу увидишь*). *«Когда аксакал говорил, его борода по-старчески тряслась, но пожелтевшие крупные зубы напоминали о том, что у деда «стены во рту еще целы»* (Б. М., 90). Данное выражение соответствует казахскому *Жағы түспеген* (букв. *челюсти не опустились*).

3). Дается объяснение элементам Я₂ и комментарий вне текста: *«...Я выбью из тебя дурь. Как приедем в аул, я тебе обе ноги в один сапог затолкаю!»* (Б. М., 32). В сноске: *«Я тебе обе ноги в один сапог затолкаю — казахская поговорка аналогичная русской: Я тебе покажу, где*

раки зимуют». Видимо, следовало бы дать и на языке-источнике: *Екі аяғын бір етікке тығу*.

«Когда атан пьянеет, он играет со своими тайлаками (Ч. А., 51). В сноске: *«тайлак — детеныш верблюда. Когда атан, самец, пьянеет, он играет со своими детенышами»*. На языке-источнике: *Атан мас болса, тайлақпен ойнайды*.

4). Выражение Я₂ внедряется в текст без указания, намека на язык-источник, без грамматических и иных знаков и сигналов. Однако его иноязычность заметна писателю Я₁, а тем более двуязычному читателю: *«Таубакель! Если у собаки есть хозяин, то у волка есть бог!» — ободрил он себя и уверенно приударил Каранара...»* (Ч. А., 108). Это полностью соответствует казахской поговорке *Иттің иесі болса, қасқырдың тәңірісі бар*. Между тем, ни казахи, ни киргизы не говорят *таубакель* в значении *была не была* (казахи — *тәуекел*, киргизы — *тобокел*). «*Калым — дорога, проложенная отцами и матерями*» (Б. М., 50), — это казахское выражение *қалың мал — ата-ана салған (сара) жол*. «*Завершилась церемония открытия лица невесты*» (Б. М., 95) — абсолютный эквивалент *келіннің бетін ашу*. «*Моя апа сон видела*» (Г. Б., 33) — абсолютный эквивалент *түс көрді*. «*От кунаков стыдно будет*» (Б. М., 77) — абсолютный эквивалент *қонақтан ұят болды*. Видимо, выражение создано по казахской синтаксической модели, ибо по-русски правильнее было бы сказать *перед кунаками стыдно будет*.

Обратим внимание на одно место в романе Ч. Айтматова. После того, как похоронили Казангапа, все идет как положено, по казахско-мусульманскому обычаю: «Кажется, люди собирались уезжать. Но нет, вот один из них, хозяин верблюда, развернул ладони лицом, все остальные поступили так же...

Время уже не терпело. Буранный Едигей обвел всех долгим, пристальным взглядом и сказал:

— Вот и делу конец. **Хорошим ли человеком был Казангап?**

— **Хорошим**, — ответили те.

— **Не остался ли в долгах он кому?** Здесь его сын, пусть возьмет на себя долг отца.

Никто ничего не ответил. И тогда Калибек сказал за всех:

— **Нет, никаких долгов за ним не осталось»** (Ч. А., 107).

Подчеркнутые слова представляют эквиваленты следующих ритуальных казахских выражений: *Жақсы адам ба еді? — жақсы; Ешкімге қарыздар емес пе? — Ешкімге қарыздар емес.*

В целом, внедрение в текст фразеологизмов, пословицепоподобных клише элементов Я₂ путем калькирования используется в стилистических целях (особенно для усиления выразительности) и в этом одновременно проявляется своеобразное самовыражение писателей-билингвов.

III. Интерференция и интеркаляция — две стороны внутривидового проявления двуязычия

Сфера двуязычной художественной литературы представляет поле соприкосновения, контактирования языков, где взаимовлияние языков происходит так же, как и в повседневной речи билингвов: основной язык произведения испытывает влияние другого языка — языка изображаемого объекта произведения или, наоборот, последний испытывает влияние основного языка произведения. Это взаимовлияние чаще всего рассматривается как влияние интерференции. Так, А. Е. Карлинский, учитывая направление влияния языков на речь билингва, предлагает понимать «под **интерференцией** только случаи отклонения от нормы, возникающие в речи билингва на Я₂ под влиянием Я₁, а случаи отклонения от нормы в речи билингва на Я₁, которые возникают в результате влияния Я₂ — интеркаляцией»¹. Мы считаем уточнение А. Е. Карлинского удачным, ибо различие этих двух явлений подтверждается в контексте художественной литературы билингвов особенно наглядным образом.

Следует оговориться, что обычно под Я₁ понимается функционально первый (родной) язык билингва, а под Я₂ — второй, который усвоен позже. В нашем же исследовании, как мы уже отмечали, по выполняемой в произведении роли под Я₁ подразумевается язык основной, а под Я₂ — язык вспомогательный. При этом, следует учесть, что у писателей-билингвов трудно установить, какой из внедренных ими в текст языков — родной, какой — второй. Кроме того, произведение пишется на

¹ Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции. Автореф. докт. дис... Киев, 1980. С. 26.

определенном, основном, языке, а второй язык ему сопутствует, выполняя дополнительную задачу. Интерференция в контексте двуязычной художественной литературы — это отражение реального двуязычия в разных речевых сферах, чаще всего в диалогах персонажей, а иногда и в речи автора. Она не характерна для произведений одноязычных писателей.

Лингвистический подход к изучению текста художественных произведений позволяет обнаружить в них синхронное двуязычие, в котором оба языка, сосуществуя, взаимовлияют друг на друга в двух направлениях: одно идет от вспомогательного языка к основному, что представляет **интерференцию** ($Я_2 \rightarrow Я_1$); другое — от основного языка к вспомогательному, что представляет **интеркаляцию** ($Я_1 \rightarrow Я_2$). В языке художественных произведений билингов оба процесса отражаются в разном объеме, что обусловлено не структурным различием вступающих в контакт языков, а их **функциональной нагрузкой, уровнем билингвизма писателей**.

Систематическое отражение в художественной литературе двух типов проявления синхронного взаимодействия языков — интерференции и интеркаляции — обусловлено, прежде всего, социальным фактором билингвизма — **языковой ситуацией**.

В художественных произведениях упомянутых авторов описывается социально-коммуникативная система изображаемого объекта, ее компоненты: казахский, русский и другие языки, казахско-русское двуязычие, сферы распространения и применения.

Интерференция и интеркаляция представляют собой речевые результаты синхронного взаимодействия языков, отличающихся между собой объемом общественных функций. Писатели-билингвы о языках, используемых в произведении, говорят разными способами, в разной форме.

1). В художественных произведениях **родной язык, языковая политика** становится непосредственным объектом речи. Г. Бельгер говорит: *«Стоишь, бывает, в сторонке, смотришь букой, молчишь, и ты вроде бы чужой, незванный пришелец, а заговоришь на языке аулчан — пусть корявым, ломаном — и ты уже «свой». Наверное, и моя мама обрадовалась бы очень, если, скажем, Ойрат или Тайшик заговорили бы вдруг на немецком языке.*

Есть непостижимая сила в родном языке, в родной речи» (Г. Б., 59—60).

В «Буранном полустанке» Едигею, обратившемуся на казахском языке, казах Тансыкбаев говорит: *«Товарищ посторонний, обращайтесь ко мне на русском языке. Я лицо при исполнении служебных обязанностей,— пояснил он,— хмурия черные брови над раскосыми глазами»* (Ч. А., 101). В дальнейшем в авторском повествовании говорится о нем: *«лейтенантик Тансыкбаев, не пожелавший или побоявшийся говорить на родном языке»* (Ч. А., 102). Так автор высмеивает человека, игнорирующего свой родной язык.

2). Билингвы нередко рассказывают о том, как освоили второй язык, о необходимости знания языков, о трудностях их усвоения. Так, Б. Момыш-улы пишет: *«Однажды вечером отец серьезно говорил со мной об учении.*

— Вот если бы тебя отдать в учение русскому мулле! — говорил он мне. — Думаю, что там детей учат практически, как надо применять знания в жизни, а не как наши муллы, которые сами вы зубрили только несколько глав из корана. Там тебя научат считать, писать и читать. Среди русских ребят, у русского муллы научишься русскому языку и будешь свободно общаться со всем народом, что населяет наш край, и никто — ни русский, ни казах — тебя обижать не будет» (Б. М., 184).

Г. Бельгер как-то рассказал родителям, что учится казахскому языку: *«Молодец! — говорит папа, — учишься. Казахский может тебе пригодиться»* (Г. Б., 29), *«Я давно уже понял, что аульчанам нравится, когда я кстати лопочу казахские слова»* (Г. Б., 59).

3). Интерферентное явление становится объектом высказывания. Так, плохое знание русского языка прямо отмечается в романе «Буранный полустанок»: *«стараясь не преступить некую дозволенную границу, зять-алкоголик не повысил голоса, а лишь сказал, понимая, что он плохо говорит по-русски, задерживая, выправляя слова...»* (Ч. А., 102).

Слабое знание казахского языка отмечается также и Г. Бельгером: *«Читать, правда, умею, писать — тоже, хотя печатными буквами... Да и по-казахски кое-что кумекаю»* (Г. Б., 67).

4). Влияние родного языка на второй язык описывается билингвами на основе конкретных материалов. Это получает свое отражение в различных сферах речи.

«— Уай...— Омар сдвигает на затылок черную круглую шапочку.— **Шепуха!**

— Ия... **Чепуха,**— вторит Коспан» (Г. Б., 62).

«— Э, ладно... **Шепуха!**

— Ия, ия... **чепуха...**— соглашается Коспан» (Г. Б., 64).

Как видно, один из персонажей, допускает свойственные ему ошибки, другой исправляет отклонения от нормы. Такую же картину наблюдаем в отношении слов, обозначающих общечеловеческие понятия (например, числа).

В повестях Б. Момыш-улы и Г. Бельгера встречаются места, описывающие произношение казахами цифр на русском языке: «...учительница подошла ко мне, села рядом и аккуратно вписала в мою тетрадь цифры до десяти.

— **Один — бир, два — еки, три — уш, четыре — торт,**— начала она мне объяснять с переводом... Ободренный ее похвалой, я просчитал по-русски до двадцати.

— **Хорошо,**— одобрительно сказала она,— но только не «дбанасат», а двенадцать, тринадцать, не «шешнасаг», а шестнадцать, не «дебатнасаг», а «девятнадцать» (Б. М., 191—192).

Проявление интерференции наблюдается в произношениях личных имен.

«— **Басиль,**— говорил я.

— Да нет, не **Басиль,** а **Василий,**— повторял Тишко,— понимаешь, **В, Ва...**

— **Бесиль,**— отвечал я и спрашивал — Так ли?» (Б. М., 188).

Отклонение от нормы в произношении казахами русских или немецких имен в произведениях билингвов иногда становится предметом высказывания: «**Казахи никогда не произносили имена и фамилии русских правильно, всегда их перекраивали по-своему и давали им клички по внешним данным или характеру: Кзыл Жагор — красный (рыжий) Григорий, Дмитрий — Метрей, Лука — Иллука**» (Б. М., 114), «**Василий свободно объяснялся на казахском языке, правда, несколько хуже своего брата Тишко. Остальные же из семьи Гончаровых были «немыми», как говорили у нас в ауле, потому что, не зная казахского языка, объяснялись мимикой и жестами, когда отсутствовали Тишко и Василий**» (Б. М., 145). Семья Гончаровых называла Баурджана: «**Кто Бажан, кто**

Бардан или Буржан и Баржан, вместо прежней клички «Киргизенок» (Б. М., 178). Герольда (Бельгера) казахи называли то **Кари** (Г. Б., 63), то **Кертр** (Г. Б., 62).

Таким образом, в произведениях билингвов интерференция является эксплицитным средством характеристики уровня билингвизма персонажей.

5). Интерференция является **имплицитным средством характеристики уровня билингвизма персонажей**. В романе «Буранный полустанок» хорошо показан низкий уровень знания русского языка и интерферентное влияние родного языка на русскую речь казаха. Вот образец речи зятя Казангапа: *«Это наш, наше сарозекский кладбищ. И мы, мы, сарозекский народ, имеем право хоронить здесь своя людей. Когда здесь хоронит очень давно Найман-Ана, никто не знал, что будет такой закрытый зон»* (Ч. А., 102). Последнее предложение и построено неправильно, но это не под влиянием родного языка, а от незнания синтаксиса русского языка. Причиной ошибки в согласовании по родам (*наш сарозекский кладбищ, закрытый зон*) является отсутствие категории рода в родном языке персонажа.

Подобные монологи, свидетельствующие о низкой степени владения русским языком, встречаются и у Бельгера: *«Я догадываюсь, что это Мырзаш, у которого, как говорил Ойрат, «два атес йес», дружелюбно улыбаюсь в ответ»* (Г. Б., 63). Ойрат хотел сказать, что у него *есть два отца*.

Интерферентное явление наблюдается в русской речи одного сапожника: *«А старуха, как? А я как? А дом, скотина, как? ...Калмурат на фронте. Ладно! Жалмурат на фронте. Ладно! А Шаймурат зачем? Два сына мало? А?!»* (Г. Б., 60). Он построил свое предложение по конструкции казахского языка. Видимо, хотел сказать: *А как быть со старухой? А что будет со мной? А как с домом, а как быть со скотиной? А Шаймурату зачем на фронт? Мало ли, что на фронте два сына? А?!*

Г. Бельгер в совершенстве владеет тремя языками (немецким, казахским, русским) на безынтерферентном уровне. Б. Момыш-улы тоже является трехязычным. Ч. Айтматов владеет не только киргизским, русским, но и казахским языком. Правда, несмотря на хорошее знание казахского языка, в романе Ч. Айтматова встречаются некоторые неточности лингвистического и нелингвистического характера. Источником лингвистических

погрешностей является интерферирующее влияние опыта первого языка, т. е. киргизского, на казахскую речь автора.

Ч. Айтматов блестяще владеет русским языком, большинство его произведений написано на нем. Следовательно, он находится в переднем ряду двуязычных советских писателей, т. е. в числе тех, кто владеет русским языком на безынтерферентном уровне. Это не значит, что он пишет без заметной интерференции. Мы умышленно не останавливаемся на интерферентном влиянии родного киргизского языка автора на русскую речь его произведения. Другое дело — изучение влияния родного языка на второй язык (в романе — казахский язык), использованный в художественном произведении, написанном на третьем языке.

Название степного разезда — Боранлы-Буранный, «и надпись висит двойная: Боранлы — по-казахски, Буранный — по-русски» (Ч. А., 6). В действительности ни казахи, ни киргизы не говорят *Боранлы*. Казахи говорят *боранды* (жер), киргизы — *бороондуу* в значении *вьюжный*. Между прочим, у казахов встречается и имя, и прозвище *Боран*, но нет топонима *Боранлы* и *Боранды*.

В художественных произведениях, написанных на инонациональную тематику, могут быть отклонения от нормы и во втором языке, имеющем вспомогательную функцию, но это нельзя понимать как интерференцию. Приведем идентичный на двух языках пример из текста: «*Нешауа нет*, — говорит ата, в сердцах швыряя шило в ящичек с инструментами — *Шорт знайт!*.. Слышал, Шаймурат райвоенкомат ездит» (Г. Б., 60).

«— Откуда он?

— *Шайтан знает*... — говорит Гарри Ойрату» (Г. Б., 80).

В первом примере *шорт знайт* — слова казаха, во втором — *шайтан знает* — слова немца. Оба текста — на русском языке, в обоих случаях должно быть — *черт знает*, что эквивалентно казахскому понятию *белгісіз* или *ит білсін бе?* (Букв. *собака ли знает?*). Однако *шорт знайт* — интерференция, проявленная в русской речи старика-казаха, а *шайтан знает* (хотя слово *шайтан* по происхождению арабское и хорошо известно владеющим русским языком) в данном контексте эквивалентно казахскому выражению *Шайтан біле ме* (*білсін бе*) и является интеркаляцией, проявленной в русской речи немец-

кого мальчика под влиянием его немецко-казахско-русского трехязычия. Выражение *шорт знайт* употреблено для поддержки контакта с русскоязычным немецким мальчиком, а последний, в свою очередь, употребляет *шайтан знает* с той же целью.

В повести «Перед далью» Г. Бельгера казахские дети смешивают в речи элементы трех языков, что указывает на их, пусть и низкого уровня, трехязычие: «*Во весь дух понесся я к Ойрату, добежал, рванул дверь.*

— *Эй, ты что, не знаешь? Война ведь кончилась!..*
— *Кто тебе сказал, жаным?*

— *Коке мой сказал. Он в конторе дежурил. Ему из района сообщили»* (Г. Б., 99). Здесь в речи немецкого мальчика вместо *папа* или *отец* употреблено казахское слово *коке*.

Появлению интеркаляции, видимо, иногда способствует невозможность буквального перевода с одного языка на другой. Например, директор школы, казах по национальности, говорит: «— *Что ни говорите, ребята, а до победы уже недалеко. Помяните мое слово.*

— *Э, мед тебе в уста!*

— *Так да и будет!»*

«Кто-то шутит: — *А что? Сбываются ведь не слова провидца, а бред глупца»* (Г. Б., 95). Казахи не говорят *мед тебе в уста*, а говорят *аузыңа май*, т. е. *масло тебе в уста*. Они же не говорят *сбываются ведь не слова провидца, а бред глупца*, а говорят *тентектің (ақымақтың) айтқаны келмейді, сандырағы келеді*, т. е. *сбываются не слова, а бред глупца (баловника)*. Разумеется, каждый писатель имеет право перефразировать народные изречения, тем более при переводе.

Появление интеркаляции обусловлено и социолингвистическими причинами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ряду возрастающих потребностей современного человека прочное место заняло двуязычие как инструмент преодоления национально-языковых различий в системе национального и межнационального общения людей. Поскольку двуязычие как одна из форм существования языка насчитывает многовековую историю, за длительный период времени у него успела сложиться развитая и многомерная типология. Важнейшей отличительной чертой двуязычия как массового явления в социалистическом обществе следует назвать его неантагонистический характер, предусматривающий конституционно гарантированное свободное, равноправное и добровольное использование двух и более языков во всех сферах жизни. Тем не менее, всеобщее осмысление и поступательное развитие двуязычия как прогрессивной тенденции в языковой жизни многонационального общества наталкивается на ряд трудностей как внешнего, так и внутреннего свойства. Это, в первую очередь, противоречия социального характера, возникающие в условиях неравномерного, неупорядоченного распределения этнических, демографических, социально-классовых, экономических, национально-культурных структур. С другой стороны, противоречия объясняются «сопротивлением» конкретного языкового материала: различием ареальных, генетических и типологических характеристик контактирующих языков, несовпадением объема их общественных функций, национально-специфическими традициями языкового мышления, которые, в известной мере, сказываются на жанрово-стилистическом и экспрессивном арсенале того или иного языка.

По степени преодоления внешних и внутренних противоречий двуязычие и его конкретные проявления выстраиваются в определенную иерархию, в которой гра-

дация происходит по возрастающей, от более примитивных к более высокоорганизованным формам. Так, если первой ступенью является двуязычие в быту (бытовое двуязычие) — максимально распространенное и, вместе с тем, предельно ограниченное с точки зрения языкового совершенства, то высшей формой двуязычия мы признаем двуязычие в сфере художественной литературы (художественное двуязычие) — обладающее высоко развитым потенциалом средств и способов выражения.

Двуязычие вообще и обыденное двуязычие в частности — сфера давних интересов языкознания. Что же касается изучения использования двух языков в процессе создания произведения литературы, то в этом направлении учеными делаются лишь первые шаги. При этом возникает необходимость не только объединить лингвистику и литературоведение в единое русло филологии, не только приобщить к этому философский, исторический, демографический, этнологический, психологический, социологический и собственно социолингвистический аспекты, но и решить комплекс частных проблем и задач, каковыми являются:

- разработка и унификация научно-терминологического и понятийного аппарата науки о художественном двуязычии;

- определение критериев художественно-литературного двуязычия и определение его социально-лингвистического статуса;

- выявление особенностей функционирования двуязычия в сфере художественной литературы;

- разработка принципов текстологического анализа двуязычного художественного произведения;

- объяснение единообразия и многообразия форм авторского двуязычия в художественной литературе;

- изучение механизма двуязычного изложения в художественно-литературном творчестве и т. д.

Все эти вопросы и составили содержание настоящей работы.

В мировой практике литературного творчества можно обнаружить три вида двуязычия: открытое (выраженное в сочинениях одних и тех же писателей на разных языках в разных произведениях), смешанное (выраженное формально в систематическом смешении разноязычных элементов на уровне текста) и скрытое (выраженное семантически, но на одном языке, т. е. не формально).

В казахской литературе открытое двуязычие представлено богато: в творчестве свыше сорока писателей-билингвов; имеет 13 взаимосвязанных моделей проявления. Смешанно-открытое двуязычие в ней имеет своеобразный механизм изложения.

Насыщенность некоторых русскоязычных произведений элементами казахского языка в качестве первой внешней речевой приметы, присущей двуязычным писателям, мы выдвинули предположение о намеренности двуязычного построения художественного повествования, опирающегося на реальное казахско-русское двуязычие. Словом, методом гипотезы выдвинуто предположение о возможном проявлении двуязычности этих писателей. В дальнейшем оно проверено по контексту методом индукции. На основе анализа конкретного текста произведений сделаны индуктивные обобщения. При построении выводов определенную роль играет и дедуктивный метод.

Как показывают наблюдения, отдельные элементы Я₂, использованные в тексте несистематически, не создают в нем двуязычия. Именно регулярно внедренные в текст элементы Я₂, которые проходят через всю ткань произведения, при их определенной частности придают изложению двуязычный характер. Однако следует еще раз подчеркнуть, что насыщенность текста элементами Я₂ еще не означает двуязычия, если в нем два языка не создают монолитный билингвистический сплав.

Социально-лингвистическое исследование, проведенное по языку трех произведений, и наблюдения над словоупотреблением этих авторов в других сочинениях подтверждают двуязычность текстов исследуемых произведений. Двуязычный характер присущ произведениям и других авторов, что дополнительно свидетельствует о распространенности явления.

Мерилом истинности любой гипотезы является практика. На практике убеждаемся, что в переводе на казахский язык все признаки двуязычности, бытующие в произведении, исчезают, за исключением присущих ему трех элементов: национально-специфических особенностей слов-реалий, речевого этикета и интерферентных явлений, встречающихся в языке персонажей.

В случае перевода двуязычного произведения на его второй язык выбывают все лишние, характерные для двуязычности, признаки. При этом «уходят» из ткани

произведения те элементы второго языка, которые находятся в его подстрочной и внетекстовой частях. В результате, в отличие от одноязычного произведения, получится произведение, не имеющее ярко выраженных черт как оригинальной, так и переводной литературы.

Контрольный эксперимент определения двуязычности произведения может быть двояким: первый — перевод произведения на второй язык, используемый автором в тексте; второй — перевод на любой другой язык, кроме двух языков, используемых автором в произведении. Каждый из них служит билингвистической «экспертизой» одно- или двуязычности произведения.

«Наша семья» Б. Момыш-улы и «Буранный полустанок» Ч. Айтматова переведены на многие языки. В частности, оба переведены и на венгерский язык. Наше предположение о переходе элементов Я₂ при переводе на другой язык подтвердилось. Сила второго языка двуязычного произведения в том, что он (в основном) сохраняется при адекватном переводе, чего нельзя сказать в отношении первого языка. Правда, венгерский вариант повести «Наша семья» оказался больше двуязычным, чем «Буранный полустанок». Более того, в конце перевода произведения Б. Момыш-улы дается большой список казахских слов, выражений и их перевод на венгерский язык.

В реализации двух языков у писателей имеется много общих приемов, но каждый пользуется ими в разном объеме. Так, творчеству Б. Момыш-улы больше присущи калькирование, синхронно-параллельное билингвистическое изложение и внетекстовые пояснения элементов второго языка. Ч. Айтматов почти не прибегает к калькированию, больше всего используя внетекстовое пояснение или перевод элементов второго языка в сноске. Г. Бельгеру эти способы также не чужды, но его любимый прием — синхронно-параллельное изложение.

Несмотря на обилие в вышеназванных произведениях элементов казахского языка, они понятны русскоязычному читателю. Наиболее универсальным и характерным приемом двуязычного изложения является синхронно-параллельное использование элементов двух языков.

Разумеется, данная работа не охватывает всех приемов билингвистического изложения. Поэтому мы не исключаем и других методов и подходов, т. е. исследо-

ватели могут обнаружить иные приемы двуязычного повествования.

На основе фактического материала можно сделать вывод, что элемент второго языка в ткани произведений писателей-билингвов служит сигналом проявления не только двуязычия, но и одноязычия. В обоих случаях элементы второго языка представляют собой единый монолитный сплав, объединенный элементами основного языка произведения. Его компоненты в речи персонажей и автора присутствуют, как бывает в жизни, совершенно в разном объеме.

Языковые материалы проанализированных произведений наглядно показывают, что в одном сочинении могут софункционировать два и более языков. Элементы второго языка в новой языковой среде сохраняют искони присущие им значения. Два языка порой вступают в своего рода соперничество, иногда взаимно заменяя или вытесняя друг друга. А двуязычные произведения являются одним из источников обогащения и развития лексического богатства и стилистических возможностей контактирующих языков.

Таким образом, наряду с понятиями «двуязычный писатель (поэт)», «двуязычное общество», мы считаем вполне возможным ввести и понятие «двуязычное произведение», в котором обе системы художественных и коммуникативных средств, сосуществуя между собой, выполняют эстетически-информативную функцию.

Актуальность изучения двуязычия в сфере художественной литературы очевидна. Исходя из этого, даются следующие рекомендации:

1) изучение места и роли двуязычия в современном литературном процессе, в развитии национальных литератур;

2) дифференцированный подход к изучению двуязычного творчества писателей-билингвов в школе, в вузах республики;

3) изучение языка произведений билингвов на основе учета структурно-типологических расхождений двух его компонентов;

4) изучение перевода, художественного в частности, как одного из разновидностей двуязычия.

В заключение необходимо отметить следующее:

1. При соотнесении художественного текста с автор-

ской индивидуальностью выявляется билингвальное художественное произведение.

2. В билингвальном произведении выражается система функционирования и взаимодействия пары языков. Два языка функционально дополняют друг друга, но один выполняет доминирующую функцию, другой — сопутствующую. При этом элементы Я₁ и Я₂ образуют двучленные структуры с «определяющим» и «определяемым», что позволяет рассматривать их в терминах лингвистической синтагматики и, в частности, в билингвистической синтагматике художественно-литературного текста, распадающейся, в свою очередь, на эксплицитную и имплицитную разновидности.

В оригинале два языка неотделимы и не являются помехой для одноязычного читателя, а в случае перевода первый исчезает, а второй остается, пробивает себе дорогу в литературе другого народа и находит себе нового спутника.

3. Анализ билингвального произведения имеет свой научно-понятийный аппарат.

4. Понятие «двухязычное произведение», основанное на системе эксплицитного (синхронно-параллельного) и имплицитного билингвистического изложения, противопоставляется понятию «одноязычное произведение».

5. Проблема совмещенного и автономного двухязычия, его отражение в сфере художественной литературы подлежит дальнейшему эмпирическому исследованию и планомерной теоретической разработке.

6. Идеи и результаты системного социолингвистического освещения художественно-литературного двухязычия представляют определенный интерес в методическом плане и могут быть широко использованы в практике преподавания казахского и русского языков как в мононациональной, так и в многонациональной аудитории.

Двухязычие в сфере художественной литературы — уникальное явление в мировом литературно-лингвистическом процессе.

Казахско-русское художественно-литературное двухязычие должно получить дальнейшее развитие в связи с провозглашением в республике казахского языка государственным, русского — языком межнационального общения.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. ДВУЯЗЫЧИЕ — СОЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ	9
1. Несколько замечаний о понятийном аппарате науки о двуязычии	—
2. Сущность двуязычия	14
Глава 2. ДВУЯЗЫЧИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО	29
1. Критерии выделения художественно-литературного двуязычия	30
2. Проблема дифференциации видов художественно-литературного двуязычия и их особенности	36
Смешение разноязычных элементов в тексте — одно из проявлений двуязычной компетенции автора	40
Скрытое (формально не выраженное) двуязычие	49
Сочинение на разных языках — реальное двуязычное творчество	54
Глава 3. КАЗАХСКО-РУССКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ В СФЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	58
1. Многообразие форм авторского двуязычия в казахской художественной литературе	60
2. Механизм проявления двуязычия в тексте художественных произведений	106
Приемы двуязычного художественно-литературного изложения	116
Билингвистическая синтагматика художественно-литературного текста	123
Билингвистическая эксплицитная синтагматика художественно-литературного текста	137
Билингвистическая имплицитная синтагматика художественно-литературного текста	165
Заключение	186

Учебное издание

Хасанов Бахытжан

**КАЗАХСКО-РУССКОЕ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЕ
ДВУЯЗЫЧИЕ**

Редактор *Э. А. Галян*

Обложка художника *Ю. Д. Юрова*

Худ. редактор *В. Д. Логинов*

Техн. редактор *С. Ж. Башиева*

Корректор *В. Н. Сейткулова*

ИБ 4509

Сдано в набор 27.07.89. Подписано в печать 08.02.90. УГ17034. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,71. Уч.-изд. л. 11,499. Тираж 3700 экз. Заказ № 4077. Цена 40 коп.

Издательство «Рауан» Государственного комитета Казахской ССР по печати, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Типография оперативной и билетно-бланочной продукции производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Государственного комитета Казахской ССР по печати, 480016, г. Алма-Ата, ул. К. Маркса, 15/1.

40 κοπ.